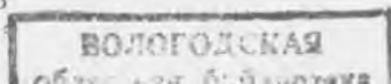

В. С. ПАЖЕТНОВ

МОИ
ДРУЗЬЯ
МЕДВЕДИ

1043009

МОСКВА
АГРОПРОМИЗДАТ
1985

59

~~ББК 28.693.36~~

П13 12

УДК 639.111.77

Рецензент д-р биол. наук С. М. Успенский (ВНИИприрода МСХ СССР)

Пажетнов В. С.

П13 Мои друзья медведи.— М.: Агропромиздат, 1985.—
142 с., ил.

Бурый медведь, самый крупный наземный хищник, ведет скрытный образ жизни и до сих пор изучен недостаточно. Автор книги, биолог-охотовед, повествует о необычном эксперименте: наблюдении за развитием в естественных условиях в течение двух лет взятых из берлоги медвежат. Читателя ждет увлекательное описание различных приключений медвежат, порой чередовавшихся с немалой опасностью.

Для широкого круга любителей природы.

П $\frac{4001020000-200}{035(01)-85}$ 94—85 ТП изд-ва «Лесная пром.»

ББК 28.693.36
596.5

ОТ АВТОРА

Заканчивая учебу во Всесоюзном сельскохозяйственном институте заочного образования, я уже имел солидный стаж работы и неплохо владел дюжиной специальностей — во многих местах приходилось работать, и везде были нужны рабочие руки. Но с детства крепко сидела во мне страсть к необъятным лесным просторам и их обитателям. Не сразу я понял, что нужно учиться для того, чтобы уметь понимать сложную жизнь леса, и лишь работа охотником-профессионалом показала всю необходимость специальной подготовки.

Теперь я обрел профессию биолога-охотоведа, которая шесть лет назад казалась недостижимым благом. На семейном совете было решено переехать жить в заповедник и выбор пал на Центрально-Лесной. Вначале пришлось выполнять различные работы по охране заповедной территории. Счастливая случайность свела меня в это время с крупным ученым и замечательным знатоком поведения животных профессором МГУ Леонидом Викторовичем Крушинским. Знакомство с сотрудниками лаборатории, которой он руководил, с их работой, участие в семинарах, а главное, беседы с профессором о диких животных, особенностях их поведения явились той первой серьезной школой, которая и определила мою дальнейшую жизнь.

Вскоре я стал научным сотрудником. Объектом исследования был выбран бурый медведь. Этот самый крупный наземный хищник (исключая белого медведя, чья масса и размеры больше) из обитающих в наших лесах. Зверь ведет скрытный одиночный образ жизни, поэтому наблюдать за ним трудно. Опыт выслеживания медведей и охоты на них у меня уже был, но теперь хищник представлялся не как охотничий трофей, а как зоологический объект, который надо было изучить.

Редко удается встретиться с медведем, так как он всегда слышит приближение человека и заблаговременно уходит. Можно видеть совсем свежий след, в который тонкой струйкой затекает вода, — зверь только что был! Можно слышать треск сучьев, а иногда и голос самого хозяина леса, но каждая встреча с медведем «в лицо» — событие. Разве что увлечется косолапый раскапыванием муравейника или душистой лесной малиной и подпустит человека близко. Чаше такую промашку допускает небольшой, еще молодой и неопытный зверь. А уж завидев человека, испугавшийся медведь бежит в лес напролом, не разбирая дороги, — только треск стоит! Бывает, оплошает и старый крупный зверь, но этот знает себе цену и чаще уходит с достоинством, медленно поворачиваясь и мягко, чуть слышно переступая лапами. Лишь добравшись до густых зарослей, он пускается наутек. Случается и так, что уходящий от человека медведь как бы растает, растворится в лесу — был и нет его!

Отдельные встречи с медведем интересны, и из них можно

кое-что узнать о его жизни. Но для этого нужны очень длительные наблюдения. Картину жизни медведя можно также представить, наблюдая за следами его жизнедеятельности: отпечатками лап, разрушенными пнями, раскопанными муравейниками, обломанными кустами и деревьями, задранными им животными, поедями растительности, устройством берлог и т. п. Однако некоторые особенности поведения зверя могут быть познаны лишь в условиях тесного контакта с ним. Вот для этих целей и было решено отловить медвежат-сеголеток и в условиях, приближенных к естественным, проследить за их развитием. Идею предложил Л. В. Крушинский. Под его руководством была разработана предварительная программа действий, и я принялся за ее выполнение. Это было трудное, но очень интересное дело.

БЕРЛОГА

Январь. Сразу за поселком стеной поднимается дремучий лес. Высокие елки, прикрытые седыми шапками снега, выстроились в строгий непроницаемый ряд. Чуть в стороне толстая, в три обхвата, осина раскинула в вышине узловатые серо-зеленые ветки. Белокожая береза тянется вверх прозрачной вершиной, а между деревьями-великанами разбежались небольшие, в руку толщиной, рябинки, липы, клены, молодые курчавые елочки. В отдельных местах громоздятся стволы когда-то сваленных ветром деревьев. На старых вырубках молодые деревца согнулись до самой земли, придавленные тяжелыми комьями снега, намерзшего на них еще с начала зимы. Ветки их переплелись между собой, образовав непроницаемую чашобу. Где-то здесь, в лесных завалах с темными загадочными провалами между стволов или в непролазных молодняках, и выбирает себе «зимнюю квартиру» бурый медведь.

Осенью, в конце ноября, еще до того, как выпадет снег, следы медведей исчезают — звери ложатся в берлоги. Лишь изредка на снегу можно увидеть характерные размашистые их наброды. То ли задержался незадачливый мишка у лоскута нескошенного овсяного поля или туши убитого лося, то ли спугнул его кто-то у мест зимней лежки — и бредет косолапый по лесу, ищет себе место для берлоги, оставляя за собой предательский след. Но и захваченный снегом медведь старается делать переходы во время снегопада или накануне пурги. Как и все дикие звери, он хорошо чувствует погоду и ошибается очень редко, так что выйти на его берлогу не просто — снег надежно замывает следы. Охотники всегда пользуются редкой возможностью — обложить по снегу место лежки медведя, а зимой в таком окладе ищут с собакой берлогу. Пользовался этим способом и я с той лишь разницей, что пытался «обложить» медведя еще до выпадения снега, разбираясь в оставляемых зверем следах на размытой осенними дождями податливой земле.

Часто одни и те же медведи, если их не беспокоят, из года в год устраивают берлоги в определенных местах. Мне не приходилось наблюдать, чтобы зверь ложился в старую берлогу, хотя в других местах это бывает. Нередко новая берлога располагалась почти рядом с прошлогодней, и это помогало в ее розысках.

Весной покинутые медведями берлоги мы отыскивали по следам зверей после того, как они их оставили. Делалось это с целью изучения устройства берлог, а также для выяснения поведения медведя около берлоги.

Обычно медведи вылезают из берлог в середине марта, а уходят в конце этого месяца или даже в начале апреля, поэтому оставляют здесь много следов, помогающих разобраться в их поведении. Со временем мы знали места зимовок многих медведей, что значительно облегчало разыскивание берлог.

Труднопроходимые дебри старого заповедного леса — медвежье царство

Пользуясь тем, что медведи приходили в такие места еще задолго до выпадения снега, я еще с осени старался определить занятость некоторых участков, осторожно пробираясь по звериным тропам и разгадывая медвежьи следы. Несколько дней кропотливой работы с бесконечными обходами подозрительных мест, осмотром троп, дорог, намытых дождями песчаных кос по овражкам и ручьям позволяли предположить возможное размещение медвежьего дома. Если такой работе сопутствовала удача и в один из очередных обходов зверь не обнаруживал за собой слежки, то зимой, внимательно проверив с собакой несколько осенних окладов, мы находили берлогу. Лайка — верный помощник при ее разыскивании. Но если в охоте на медведя особо ценятся медвежатницы, делающие крепкие хватки по зверю и останавливающие его, то для отыскания берлоги нужна иная, более мягкая, но вязкая и настойчивая собака — берложница, которая, отыскав ее, не нападает на зверя, а ровно и ритмично лает и хорошо отзывается на команду. Под такой собакой медведь лежит и если осторожно отозвать лайку, не сходит с берлоги.

В старых захламленных ельниках летом медведи устраивают лежки

Был у нас западносибирский кобель по кличке Умка, с густой шерстью палевого цвета и черными, удивительно выразительными глазами. Пес этот оказался на редкость послушным в лесу, что вовсе не характерно для лаек, и был типичным берложником. Я ни разу не видел, чтобы он вскинул на медведя шерсть или сделал хватку. Зла на зверя у него не было. Найдя берлогу, он начинал звонко лаять, не подходя, однако, к ней ближе пяти — шести метров. Стоило подать команду, и пес послушно шел на поводок. Много берлог нашла эта собака, оказывая нам неоценимую помощь в работе.

Берлоги в здешних местах бывают верховые, т. е. устроенные либо в зарослях молодых елочек, либо под комлем сваленного ветром дерева. В такой берлоге медведь обычно лежит не очень крепко. Бывает и так, что, подойдя вплотную, можно видеть, как из какой-нибудь щели торчит клочок медвежьей шерсти. Сильно потревоженный собакой мишка иногда выскакивает из берлоги и делает бросок в сторону незваного гостя, но потом опять залезает в берлогу, а уж если увидит вблизи человека, уходит прочь за многие километры. Нас, конечно же, не устраивало, чтобы медведи уходили, поэтому у обнаруженной берлоги соблюдался целый ритуал особых предосторожностей: к ней мы подходили с северной стороны, так как чело — вход в берлогу — чаще располагается на южную сторону, а медведь лежит

Под упавшими стволами старых деревьев, заваленных снегом, прячется берлога медведя зимой. Фото Е. Арбузова

головой к челу; не приближались мы к берлоге и ближе 30 метров, а при подходе к ней пользовались различными укрытиями. При этом учитывались также сила и направление ветра и еще многие другие мелочи, которые могли бы повредить делу. В первый год работы мне удалось отыскать пять берлог, однако две из них сразу же опустели, потому что медведи меня увидели и, конечно, удрали, зато в трех остальных они остались лежать, и я имел возможность посмотреть весной на их следы и «квартиры», а одного медведя даже видел лежащим у самой берлоги.

Искать берлоги мы начинали глубокой зимой, когда зверь облежится, и выбирали для этого морозные дни — в мороз зверь менее чуток. По заранее намеченному плану я с собакой много раз пересекал один и тот же участок в надежде отыскать берлогу. Отработав в одном окладе, мы принимались за следующий. Пробраться по завалам трудно. Иногда и камасные,

подбитые лосиной шкурой лыжи не спасают — скользят по надувам вбок, и тогда, проваливаясь в очередной раз в пустоту между нагромождением стволов, вздрагиваешь от изрядной порции колючего снега, попадающего за воротник. Через заваленные сугробами молодняки, кажется, вообще нельзя пролезть, но коль лежит через них маршрут и где-то теплится надежда на удачу, лезешь в это хитросплетение ветвей, а выбравшись с другой стороны и оглянувшись на пройденный путь, только удивляешься человеческим возможностям.

Уже неделю держался немалый для этих мест мороз — двадцать — двадцать пять градусов. Я шел старой лыжней в далекий квартал охранный зоны заповедника. Глубокий снег не позволял собаке рыскать по сторонам и она плелась сзади, часто проваливаясь в снег по самое брюхо то одной, то другой лапой. Выбравшись, широко расставляла их, стараясь удержаться наверху, и шумно хватала широко открытой пастью морозный воздух, высунув от напряжения красный язык. Порой Умка пыривался вырваться вперед, наступал мне на задние концы лыж и если я оборачивался, конфузился, виновато моргал глазами и вилял хвостом, всем своим видом показывая, что сделал это нечаянно.

В воздухе повисли мириады мельчайших снежинок, которые, поймав на себя лучик неяркого зимнего солнца, вспыхивали короткими искорками. Снег под лыжами скрипел, как старый пересохший комут у плохо запряженной лошади, заглушая все звуки. Я остановился. Еще какое-то мгновение лес возвращал шум от лыж, а потом поразил стылой тишиной. Только где-то далеко-далеко взвизгивали полозья да изредка доносился крик возчика — по дальней дороге ехали на розвальнях. Не было слышно привычного писка суетливых синиц. Лишь в редком сосняке небольшого болотца, спрятавшегося в еловой гряде, деловито долбил шишку дятел. Но вскоре и он замолчал. Все попрятались от мороза. Однако в нашей работе мороз помощник — и мы тронулись дальше.

Добрались к намеченному для осмотра участку и принялись за работу, строго выдерживая направление по компасу, чтобы не сбиться с маршрута. Работа была нелегкой, и вскоре я разогрелся так, что часть одежды пришлось снять и уложить в рюкзак. Умка заметно устал и уныло брел следом за мною больше из солидарности, нежели по своей охоте. Я осмотрелся, подбирая удобное место для костра и отдыха — после таких трудов кружка горячего чая просто необходима. Но вдруг Умка заводил поднятой вверх головой, сунулся вправо, влево, побежал к накрест упавшим стволам трех небольших деревьев, метрах в тридцати от того места, где мы стояли, понюхал под самым завалом и залаял звонко, весело. Берлога! Я был весь на виду, потому быстро пошел вперед и, спрятавшись за толстую осину, окликнул собаку. Умка лишь оглянулся на крик и продолжал лаять. Долгая толчея по снегу изрядно надоела псу и он

был рад случаю разрядиться. Пришлось резко подать команду: «Нельзя!». Умка как-то сжался, обмяк и следующая команда — «Ко мне!» — заставила его подойти. Я быстро накинул поводок, а собака уже вновь настраивалась на берлогу: уши встали торчком над лобастой головой, глаза горели азартом, пес напряжился, подался вперед, а хвост его, особенно крутой баранкой заложенный за спину, нетерпеливо подрагивал. Погладив собаку, я потихоньку отошел, достал нож и «потянул» затески к знакомому квартальному столбу — по ним в любое время можно безошибочно выйти на берлогу. Домой мы добрались уже ночью, когда на застывшем глубоком небе рассыпались гроздьях ярких мерцающих звезд.

Вьюгами отпел февраль. Вторая половина марта — веселое время. Искристый снег щедро заливает солнце. Отряхнувшиеся елки и сосны распушили на солнышке свои мохнатые лапы, светятся бархатной зеленью. Березняк подернулся фиолетовой дымкой, а на полянке у ручья на самом солнцепеке зацвела верба. Цветки-шарики, покрытые нежным серебристым пушком, высвечивали изнутри теплым золотистым светом.

Мягкий мартовский снег комьями налипает на лыжи — никакая мазь не помогает, поэтому весной я хожу на камасных. Легкий ночной мороз к утру создает тонкую корочку наста, которая с хрустом проваливается под лыжами, звенит битым стеклом. К одиннадцати часам наст оттаивает и можно двигаться, не создавая особого шума. Подтаявший снег шипит под лыжами, сыплется крупной солью, тает на ремнях, обуви, насквозь пропитывая их влагой. И хоть наверняка знаешь, что будут еще и морозы, и холодный северный ветер со снегом, липкая сырость первого дождя, пробирающаяся во все закоулки одежды, — в это никак не верится под ясными лучами мартовского солнышка и теплого воздуха, гуляющего меж шершавых стволов деревьев. В такую пору весь лес как бы выносит приговор зиме, встречая наступающую весну.

Еще зимой в тридцати метрах от берлоги, у толстого ствола старой осины я устроил скрадок, воткнув в снег несколько густых еловых веток, которые притащил от просеки. Теперь каждый день как только оттаивал наст я приходил сюда, располагался в скрадке поудобнее и в бинокль наблюдал за берлогой. Лыжи снимал, чуть не доходя до своего укрытия, и на них клал потрепанную одноствольку двенадцатого калибра, которую в заповеднике за громкий выстрел и сильный бой окрестили «сорокопяткой». Рядом с осиной на всякий случай торчком ставил в снег охотничий топор с узким лезвием и длинной ручкой.

За долгие часы наблюдений я изучил все ближайшие деревья, причудливые узоры на их коре, наросты, необыкновенно изогнутые сучки, напоминающие каких-то сказочных чудовищ, и каждый раз, усаживаясь на дежурство, беззвучно, про себя, здоровался с ними как со старыми знакомыми. Снег около деревьев, росших на открытых солнцу местах, протаял кольцами

до самой земли и оттуда вызывающе топорщились зеленые листики брусники. Соринки, веточки, откуда-то затащенные ветром листики, нагреваясь от солнышка, тонули в снежных колодцах. Иногда набегал свежий ветерок, волнами перекатывал потеплевший воздух, весело шумел в елках, сорил на снег отмершей, почерневшей хвоей и убегал, путаясь в сучках и ветках деревьев. К четырем часам дня солнце клонилось к закату. Из посиневших кустов выползал мороз и принимался сковывать осевший за день снег — готовил к утру новый наст. Я спешил покинуть свое укрытие, чтобы не скрипеть лыжами по подмерзающей лыжне и не беспокоить медведей.

Уже на второй день наблюдений стало ясно, что в берлоге лежит медведица с малышами. Несколько раз оттуда слышалась какая-то возня, а однажды удалось ясно различить урчание, которое издают медвежата при сосании. Это очень своеобразный звук, его ни с чем не спутаешь. Однако, сколько я ни всматривался в завораживающее чело берлоги, кроме гнилушек, втопанных в грязный снег у самого входа, и нескольких крючковатых корней с обгрызенными концами, ничего не рассмотрел. Иногда мне казалось, что в глубине черной дыры что-то шевелится, но что именно, я не мог разобрать. Иногда в полдень медведица выползала из берлоги, изгибаясь всем телом. Казалось удивительным, как такой большой зверь мог пролезть через маленькую дырку-чело. Выбравшись из берлоги, медведица энергично встряхивалась, прогибая спину, потягивалась и начинала прислушиваться, опустив косматую голову к земле и уставившись в одну точку, или поворачивала ее из стороны в сторону, насторожив круглые, широко поставленные уши. Убедившись, что опасности нет, она подвигалась к стволу сухой елки, стоявшей тут же, в двух метрах от чела берлоги, и усаживалась в протаявшую снежную ямку напротив солнца. В бинокль хорошо было видно, как она довольно щурилась, подслеповато моргала маленькими глазками и, задирая вверх морду, смешно ворочала черным, как печеная картошка, кончиком носа — нюхала приносимые ветром лесные запахи. Через 8—12 минут она поднималась, делала несколько неторопливых шагов к берлоге, разворачивалась и, чуть изогнувшись, беззвучно исчезала в ней, влезая задом наперед.

Прошло одиннадцать дней. Четыре последних дня я не ходил к берлоге, так как дул северный ветер, а скрадок располагался с северной стороны от нее, и я боялся, что мой запах, более чем само присутствие, может повредить наблюдениям. Но, судя по приметам, погода испортилась явно надолго, и я решил все же побывать на своем наблюдательном пункте.

Холодный, сырой ветер дул рывками, гоня по небу низкие рваные облака, из которых сыпались то крупа, то мелкие капли дождя вперемешку со снегом. Поглубже нахлобучив капюшон, поплотней запахнув полы куртки, я уселся в скрадке, с тоской поглядывая на серое небо. Вездесущие капли, бросае-

мые во все стороны порывами ветра, попадали на линзы бинокля, их то и дело приходилось протирать, и я вынужден был убрать его в футляр. Из берлоги дважды были слышны похожие на стон звуки, негромкая возня, но потом уже ничего нельзя было разобрать из-за шума леса. Медвежата хоть и тихо ведут себя, но один-два раза за дежурство все же удавалось слышать их «мурлыканье». Мне показалось — что-то изменилось у берлоги, было как-то тревожно, но я твердо решил отсидеть положенное время. Совсем неожиданно звонко щелкнул сломившийся сучок! У берлоги взметнулись вверх комья снега — и в следующий миг я увидел зверя! Медведица казалась круглой, огромной от вздыбившейся шерсти. С каким-то хрюканьем перекатывающимися прыжками она бросилась в мою сторону! Я вскочил. Еловые ветки, закрывавшие скрадок, полетели в стороны. Еще ничего не сознавая, схватил топор, неистово заколотил им в ствол осины и закричал, перемежая слова, которых и сейчас не помню, с воплями! Нас разделяло три метра, когда медведица остановилась, круто взрыв снег, развернулась и отскочила в сторону шагов на двадцать. Чуть постояла, как бы раздумывая, а потом, резко крутнувшись на одном месте, с дьявольским шипением и кашлем вновь бросилась ко мне. Выражение морды я не разобрал. Запомнились лишь толстый мясистый нос с двумя дырками и вытянутая треугольником верхняя губа. Я вновь заорал, срывая голос и размахивая топором. Не знаю, что подействовало, — то ли мой голос, то ли вид, но медведица свернула в сторону, отбежала на 10—15 метров, обошла меня сзади и, разгребая лапами мокрый снег, скрылась в чаще.

Не сразу я поставил в снег топор, с трудом разжав прилипшие к топоричу пальцы. С усмешкой посмотрел на мирно лежащее ружье, до которого, конечно, не смог бы дотянуться вовремя. Повернувшись на онемевших от напряжения ногах, сел на лыжи и еще раз посмотрел на развороченный медведицей снег, лишь теперь по-настоящему оценив ситуацию. Страха не было, испугаться я не успел, но по телу разлилась неприятная тяжесть. Вспомнил, что перед самым нападением что-то писал в дневнике. Поискал его глазами и не нашел. Порылся в снегу и поднял его, весь слипшийся, с пересыпанными снегом страницами. Тут же про себя отметил, как важно вести записи простым карандашом — его не смывает водой, — отыскал последнюю страничку записей и посмотрел на часы. Между временем, отмеченным в дневнике, и временем на часах было разницы всего в полторы минуты. Значит, нападение медведицы длилось всего несколько секунд.

Обычно стронутая с берлоги медведица оставляет свое потомство и не возвращается к нему, но мне не очень верилось в это и, выстрелив вверх два раза «для остротки», я встал на лыжи и пошел к палатке. Нужно было собраться с мыслями и хорошенько обдумать сложившуюся ситуацию.

В наши планы не входило изъятие медвежат из берлоги, так как проще было отловить их после того, как семья выйдет «в большой свет». Случайность вносила свои коррективы в первоначальные планы. В случае, если медведица не вернется к берлоге ночью, представлялась возможность получить медвежат, еще не знакомых с окружающей обстановкой, что казалось более интересным с точки зрения намеченного опыта. Медвежат я решил взять на следующий день: они уже достаточно подросли, и за ночь с ними ничего не может произойти, да и время лютых морозов уже прошло.

Ночь спал плохо. Едва стало рассветать, как я уже шагал в ближайшую деревню за провизией для малышей. Молока мне согласилась дать одна сердобольная хозяйка, которой мой вид показался неважным, бутылку нашел без особого труда, а соски взял в медпункте, отбиваясь от шуточных нападков местной медички, согласившейся ради моей просьбы открыть свое заведение раньше времени. В полдень я был уже на месте. Палатку перенес поближе к лесу и подальше от дороги, по которой давно никто не ездил, но мог пройти трактор. Из палатки все убрал, а недалеко сделал навес для продуктов и вещей. Готовил дрова, место для костра и делал еще много всяких мелких дел, чтобы потом исключить у палатки лишний шум и меньше беспокоить непривычными звуками медвежат. Лишь в четвертом часу дня мне удалось выбраться к берлоге.

Подходя к медвежьему жилищу, я вел себя крайне осторожно. Сначала по большому кругу обошел место, где располагалась берлога, и отметил, что выходной след был, а входного не было. Однако я знал, что медведица могла пройти к берлоге по старым лосиным следам, которые встречались здесь во множестве, обтаяли от солнца и промерзали за ночь так, что утром свободно могли выдержать ее вес. Могла она пройти к берлоге и по стволам упавших деревьев, громоздившихся повсюду. Поэтому долго смотрел на берлогу в бинокль, обошел ее еще раз совсем рядом и, лишь убедившись, что медведица не приходила, сбросил лыжи и, встав на четвереньки, заглянул внутрь. В нос ударил хорошо знакомый медвежий запах. Вначале ничего нельзя было рассмотреть, но постепенно глаза привыкали к темноте, и я увидел грязный, засыпанный гнилушками пол, обгрызенный ствол трухлявой березы, перекрывающей вход в берлогу, а в самой глубине камеры рассмотрел черный шевелящийся комочек. Стоило мне только протянуть руку, как комочек фыркнул и исчез. Пролезть в чело я не смог, поэтому решил раскопать снег сбоку камеры и отсюда добраться до медвежат. Осмотрев еще раз берлогу с боков, я обнаружил дыру, через которую медвежата уже вылезали наружу — на снегу отпечатались грязные кругляшки их лапок. Орудия лыжей, расчистил снег — и взору представились три перепуганных дрожащих малыша. Забившись в дальний отнорок, они жались друг к дружке. Раскапывая снег, я перекрыл им отступление в камеру берлоги.

Спокойно, по одному я достал шипящих, фыркающих малышей и, положив их в рюкзак, стал рассматривать. Один, головастый, крепкий, смешно тарасил глаза, вся шерсть на нем поднялась дыбом, и от этого он был похож на шар, на шее виднелось несколько белых волосков. Второй медвежонок, несколько меньших размеров, медленно ворочал круглой ушастой головой, весь вид его больше выражал любопытство, чем страх, — это была, как потом выяснилось, самочка. На шее у нее было небольшое, с пятак, белое пятно. В самый угол обширного охотничьего рюкзака вжался третий — маленький, тонкоголовый, щуплый, дрожащий, с широким белым воротником, кольцом опоясавшим тонкую шейку. Черные бусинки его настороженных глаз неотрывно следили за каждым моим движением. Стоило протянуть руку, как он еще сильнее припадал ко дну рюкзака и замирал, тогда как первые два фыркали, делали страшные кособокие позы, расставляя лапки, вооруженные тоненькими острыми коготками, совсем как взрослые медведи. Я не стал беспокоить малышей долгим разглядыванием, завязал рюкзак, сделал необходимые обмеры берлоги и зашагал к палатке. Теперь у малышей должна начаться новая жизнь.

НОВАЯ МАМА

К палатке я добрался уже в густых сумерках, основательно перемесив на просеке вконец раздрябший от наступившего тепла, насквозь пропитавшийся водой снег. Из рюкзака не было слышно ни звука. Забрался в палатку, осторожно снял драгоценную ношу и поставил на спальный мешок. Рюкзак зашевелил боками, из него послышались предупреждающие звуки — не то фыркание, не то кашель: косолапки решительно заявляли о своем присутствии. Я развязал рюкзак, предоставив малышам свободу действий, а сам вышел подогреть для них молоко. Вернувшись, обнаружил, что рюкзак стоит на своем месте, мишки, все трое, и не думали из него выбираться.

На улице горел костер и свет его короткими отблесками освещал палатку, позволяя в какие-то моменты кое-что разглядеть. Видны были высунувшиеся из мешка две круглые головки с торчашими вбок ушами. Недолго думая, я перевернул рюкзак вверх дном, слегка потрянул — и малыши вывалились живыми комочками к самым моим ногам. Но видно было так плохо, что я действовал больше на ощупь. Решил зажечь фонарик, направив его свет на крышу палатки, чтобы не испугать медвежат. Свет фонаря не произвел на них никакого впечатления, и я, не делая резких движений, стал по очереди предлагать медвежатам теплую соску, смоченную незнакомым молоком. Тут же малыши получили клички. Самый крупный стал Тошей, самочку я назвал Катей, а самого маленького, с белым ошейником — Яшкой. Тоша деловито обнюхал соску, забрал ее в рот и немного

Тоша, Катя и Яшка

пососал, удалось накормить и Катю. Яшка наотрез отказался есть, и все мои ухищрения ни к чему не привели. Как только я подносил соску ему ко рту — он замирал, каменея всем телом. Казалось, что даже глаза его останавливались, смотрели, не мигая, в одну точку, хотя при тусклом свете фонаря я и не мог этого видеть. Когда я вставлял ему соску в рот и надавливал на нее пальцем, чтобы пошло молоко, Яшка не сопротивлялся, не двигался, но все молоко вытекало обратно. Решил не мучить медвежонка, дать привыкнуть ему к новой обстановке. Выставил молоко наружу, потушил фонарь и залез в спальный мешок, предоставив малышам самим выбрать себе место для ночлега.

Проснулся от того, что кто-то ворочался у самого моего лица, пыхтел и упорно царапал клапан спальника. Решил отодвинуть пришельца, но познакомился с острыми когтями. Зажег фонарь. Нарушителем оказался Тоша. Не обращая внимания на свет фонаря, он упорно лез ко мне в мешок, совершенно точно определив, что в мешке будет теплее. Я никак не разделял его желаний, повернулся на бок, закрыл клапан, и Тоше ничего не оставалось, как смириться со своей участью. Он улегся рядом и тут же мирно засвистел носом, время от времени вздрагивая всем телом.

Утром обнаружилось, что все три медвежонка, сбившись в кучу, спят на углу спального мешка. Мое появление их не очень беспокоило, но они отодвинулись в дальний угол палатки и уселись на мотке капроновой веревки.

Утро только начиналось. Выбравшись из палатки, я умылся колючим снегом и принялся греть молоко. Угли костра засыпало ледяной крупой, которая выпала ночью, и мне пришлось настрогать «ежигов», чтобы быстро разжечь огонь. Дело это не хитрое, но требует навыка и делается так: присев на корточки, нужно

упереть нож обушком в колено, направив лезвие от себя, взять в левую руку сухую палочку и, двигая ею по лезвию, как бы притягивая к себе, срезать постепенно стружку за стружкой, не отрезая их совсем, пока не получится ежик, т. е. палочка, от которой во все стороны торчат стружки. Загораются ежики быстро, ими можно без труда развести костер в любую погоду.

Из палатки время от времени выглядывали смешные мордочки, с любопытством водили глазами и тут же исчезали — ни один медвежонок так и не решился выйти наружу. Как только я принес молоко, Тбша и Катя самостоятельно сосали из тугой соски, а с Яшкой пришлось повозиться. Усевшись с ним рядом, я осторожно вставлял ему соску в рот, но медвежонок тут же поворачивал голову набок — и соска выпадала. Я вновь аккуратно вставлял ее обратно. Яшка, как заводная игрушка, медленно поворачивал голову в другую сторону — и соска опять выпадала. Так продолжалось несколько минут. Я уже совсем отчаялся его покормить, как вдруг он засосал быстро-быстро. Уши его при каждом глотке нервно вздрагивали, морда вытянулась, немигающие, округлившись глаза остановились, весь он напрягся, и только черный нос нетерпеливо шевелился из стороны в сторону. Так же неожиданно, как и начал, он бросил сосать и замер. Но теперь-то я знал, что его можно накормить!

Еще долго Яшка сосал плохо. Это был очень худой медвежонок — мешочек с костями, старавшийся не вступать в конфликты со своими братом и сестрой. Первые дни он отсиживался где-то в уголке, тогда как Тоша и Катя деловито обследовали палатку или затевали игру. Уже с первого кормления медвежата начали издавать ритмичные характерные звуки «ер-ер-ер...», когда сосали соску. Это означало, что они приняли искусственное питание. После еды малыши вскоре засыпали. Было интересно наблюдать, как только что шаливший медвежонок поворачивался на живот или на бок и мгновенно засыпал, как будто выключателем щелкнул! Дневной сон редко продолжался дольше сорока минут. Проснувшиеся малыши часто играли. Игра эта была веселая, но неумелая — они тыкались носами друг в друга, толкались лапами и тут же расходились. Зато палатку они обходили постоянно, внимательно обследуя спальный мешок, веревку, все углы и завязки.

Прошло уже больше суток, как я принес медвежат, но они еще ни разу не опорожнились. Я заглядывал во все закоулки палатки, в складки спального мешка, моток веревки и ничего не находил. А ведь я делал положенный массаж, регулярно протирал анальную часть их тела ваткой, слушал, бурчат ли животики. Животики бурчали, лужицы были, а фекалий не было. Они появились через двое суток — небольшие колбаски грязно-зеленого цвета, причем одновременно у всех троих, чему я был бесконечно рад.

В хлопотах прошло два дня. Снегу было еще много, и я все раздумывал над тем, как такие маленькие медвежата — вес каждого едва достигал двух с половиной килограммов — могут в лесу следовать за матерью. Дело в том, что малыши должны идти точно за матерью, но если она будет идти по снегу, они неминуемо провалятся в лунки ее следов, ведь крепкие насты в здешних местах редки. По-видимому, по этой причине семья покидает берлогу, когда в лесу появляются обширные проталины, однако и в эту пору малышам нужно быть достаточно физически подготовленными, чтобы преодолевать лужи, валежник и другие бесчисленные препятствия, которых так много в лесу. Вскоре медвежата рассеяли все мои сомнения, преподав урок истинного мужества.

Была вторая половина дня. Солнце щедро светило, а с юга подул теплый ветерок. Снег таял на глазах. Под ним показалась вода. Белый, искристый, подернутый корочкой блестящий наст превратился в мокрый грязно-серый снег, рассыпающийся от легкого прикосновения на ледяные крупинки. В лесу появился особый запах, какой бывает только весной, когда еще не лопнули почки, но деревья уже прогрелись и кисловатая прель старой осиновой коры смешалась с тонким ароматом разогретой еловой смолы. Упругий ветер шевелил повислые веточки берез, толкал в лицо мягкими волнами. Беспреданно тянула свою нежную песню синица, во всю тарахтели дятлы. Стояла такая пора, что дух захватывало! Из сказочного царства меня негромко, но настойчиво вывели медвежата. Я оглянулся. Три малыша сидели снаружи палатки и тарашили глаза на окружающий их мир. Я решил не загонять детенышей обратно, пусть побудут на солнышке, и отошел к навесу, чтобы набрать в котелок чистого снега для чая. Услышав за собой какой-то шум, я оглянулся и поразился — все три медвежонка бежали ко мне, проваливаясь в снег, отчаянно карабкались из него, обваливая сыпучие края, и лезли, лезли вперед! Когда нас разделяло пространство в метр, они внезапно остановились. Значит, те два дня, что мы провели в палатке вместе, не прошли даром. Медвежата перестали меня бояться, ознакомились с моим запахом, а перемещающийся на светлом снежном фоне темный объект, т. е. я сам, вызвал у них стремление двигаться за ним. Иначе говоря, проявилась реакция следования, которая бывает выражена у животных, ведущих семейный образ жизни. Это один из главных механизмов, обеспечивающих детенышам связь с матерью, — везде и всегда следовать за ней, причем на таком расстоянии, чтобы не отстать, не потерять ее из вида. Чтобы проверить свое предположение, я решил медленно пройти по просеке вдоль полянки, на которой стояла палатка. Как только расстояние между нами стало увеличиваться, медвежата решительно двинулись следом. Я чуть прибавил шагу — и малыши рванулись вперед; бросаясь в лужи, карабкаясь через валежник. Падая, они тут же вскакивали и вновь спешили вперед, пробираясь сквозь мелкий

кустарник, который должен был казаться им настоящим лесом. Ничто не могло остановить их стремления во чтобы то ни стало не отстать, догнать меня. Было заметно, что малыши сильно возбуждены. Они часто дышали, приоткрыв пасти, движения их стали резкими, торопливыми, а остановившись, наконец, у моих ног, стали мелко дрожать. Я пожалел малышей и тихонько передвигаясь, выбирая места посуше, пошел к палатке, сопровождаемый эскортом маленьких, но упрямых, стойких и сильных зверюшек.

Мне не раз приходилось слышать, как медведица подзывает к себе медвежат. Звук этот не очень громкий, но чистый и похож на шелканье языком, только пониже тональностью. Возможно, медведица и производит его с помощью языка и небной перегородки. Нечто похожее можно слышать у всех медведей (самцов тоже), когда они бывают возбуждены. Между тревожными «у-ф-ф, чу-ф-ф-, чу-ф-ф» иногда различается короткое негромкое «нго». Это и есть звук, похожий на позывной сигнал медведицы. Как только медвежата пошли за мной, я, больше произвольно, чем продуманно, стал шелкать языком, приблизительно имитируя звуковой сигнал медведицы-матери. Быстро сообразив, что это будет необходимо в дальнейшей работе с малышами, я продолжал шелкать языком, регистрируя временной интервал между отдельными сигналами в серии, число и продолжительность серий. Потом все это записал. В последующем звук сигнала изменился — я научился подавать его громко, и он безотказно служил надежной связью между мною и медвежатами в продолжение всей работы.

На следующий день мы снова прошлись по лесу. Я шел впереди, подавая время от времени звуковой сигнал, малыши спешили сзади, стараясь не отстать от меня более чем на метр. Прогулка затянулась, так как медвежата быстро научились обходить лужи, мелкие препятствия, встречающиеся на пути, а я двигался медленно, то и дело останавливался и дожидался их. Вид у них был сосредоточенный и спокойный, но лишь до того момента, как я начинал убыстрять шаги. Как только расстояние между нами увеличивалось до трех-пяти метров, медвежата бросались напролом, сильно спешили и возбуждались до такой степени, что начинали нервно вздрагивать, а потом и трястись всем телом так, что ноги их ходили ходуном. Заметив, наконец, что резиновые сапоги и теплая куртка имеют явное преимущество над медвежьей одеждой, я поспешил в палатку. Детеныши промокли насквозь, и на спальном мешке сразу появилось несколько пятен, по всей видимости, не только от того, что медвежата вымокли. Тут же, сбившись в плотный комок, они заснули крепким сном, не дожидаясь, когда я приготовлю им молоко. Вот так я и стал для медвежат «стимул-объектом», подменив им мать. Конечно, такая связь подкреплялась еще и через кормление, но все же она не могла сразу вызвать столь сильное действие, что и подтвердилось в дальнейшем.

Каждый из малышей с первого кормления выбрал себе миску и никогда не путал ее с другой

Медвежата быстро усвоили вид самой бутылки, связь бутылки с молоком и мною, однако четко знали свой режим и в первые недели никакого попрошайничества не было. Кормил я их три раза в день досыта. Мне и в прошлом приходилось начинать кормить взятых из берлоги медвежат, поэтому я знал, что сразу давать им новый корм в достаточном количестве нельзя, — может приключиться или запор, или понос, что довольно опасно для их здоровья. Поэтому после первого кормления медвежата в течение двух суток выдерживались на голодной и умеренной диете. Я давал им пососать немножко и тут же убирал соску. Пользуясь этим правилом, мне без всяких происшествий удалось скормить медвежатам весь запас сгущенки и сухого молока, когда разлились ручьи и ходить в деревню за молоком стало трудно.

НЕОБЫКНОВЕННЫЙ КОНЦЕРТ

Время шло. Я решил, что медвежата уже достаточно хорошо освоились со мной и их необходимо переправлять на центральную усадьбу заповедника для подготовки к дальнейшей работе. Вести за собой малышей по труднопроходимым лесным дорогам за шестнадцать километров я не решился. Нести всех

троих в одном рюкзаке почему-то посчитал неправильным и как горько потом об этом пожалел!

Вечером, как только стало темнеть (обычно всю ночь медвежата спали непробудным сном), я крепко зашнуровал вход в палатку, предоставив медвежатам все ее содержимое, и бесшумно ускользнул к дороге. Уже давно я не был дома и, подгоняемый предстоящей встречей с женой и детишками, бодро зашагал, с шумом расплескивая многочисленные лужи на вконец раскисшей проселочной дороге.

Дома еще никто не спал, когда я грязный до самой макушки ввалился в дверь. В палатке я привык к тишине, с мишками не разговаривал и поэтому буквально был оглушен возгласами, многочисленными вопросами, отвечая на которые, едва смог помыться и поесть. От разговоров почувствовал такую усталость, будто прошагал не шестнадцать, а все сто километров. Но спать было еще нельзя — необходимо было рано утром быть уже в палатке, и мы обговорили все возможные варианты доставки медвежат на усадьбу. Привозить на лошади их было нельзя — не известно, как они впоследствии будут реагировать на ее запах. Больше доставлять их было нечем, и решили притащить медвежат в рюкзаках, посадив каждого в отдельный, чтобы обеспечить им лучший комфорт. Я предоставил жене возможность вести ночные переговоры с сотрудниками, а сам, едва добравшись до постели, уснул мертвым сном.

Помочь вызвались два молодых охотоведа, работавшие в заповеднике. Мы вышли из дома еще ночью, стараясь пораньше прийти к палатке, но как мы не спешили, к месту дошли, когда уже солнце светило вовсю. Первое, что представилось взору, — расхаживающие на свободе медвежата, с нескрываемым любопытством разглядывающие приближавшихся носильщиков. Кто-то из зверюшек сумел сделать достаточно широкий проход прямо в стенке палатки, не утруждая себя развязыванием сложных узлов шнуровки двери. Я в меру, в расчете на дорогу, накормил медвежат, попросив заранее ребят воздержаться от разговоров. Мы рассадили их по мешкам и тронулись в путь. Все остальное имущество решено было забрать вьючной лошастью, так что груза у нас почти не было, и мы представляли себе доставку медвежат на усадьбу приятной прогулкой.

Первые три километра малыши вели себя спокойно. Неторопливо шагая, мы шутили насчет косолапиков вполголоса, что у них оказалось три дома — каждому свой, да еще «на колесах». И тут негромко, но ритмично, нудно и настойчиво в рюкзаке моего соседа стала вякать Катя. Вякает одну минуту, вякает пять. Мы стали беспокоиться за ее благополучие. Остановились, развязали рюкзак, осмотрели замолчавшего медвежонка — все было в порядке. Завязали рюкзак — и снова в путь. Через некоторое время из рюкзака опять послышалось знакомое вяканье, теперь уже более громкое. Смутившийся почему-то носильщик сказал: «Авось утрясется», — но мы все, не договариваясь, при-

Уставший от прогулки медвежонок может уснуть на ходу, иногда в самой нежной позе

бавили шагу. Вяканье не прекратилось, наоборот, усилилось и в нем явно слышалось раздражительное, с хрипотой, ворчание. Ворчание с вяканьем! Идти было еще добрый десяток километров. Мы несли «музыкальный» рюкзак по очереди, заглядывали в него, смотрели на Катю со всех сторон, заглядывали в уши, нос, осмотрели ноги, хвост, глаза, я щупал ей животик, делал массаж — она молчала. Но стоило ее посадить в рюкзак, как через десять — пятнадцать минут хода она начинала рывкать. Мы пересаживали медвежат, трясли и качали Катю — все было напрасно. Чуть отдохнув, она опять начинала орать во всю силу своих возможностей! Мы шли очень быстро, даже бежали. Пот градом катился с наших растерянных лиц, кровь молотком стучала в висках и было лишь одно желание — быстрее домой! Но, перебирая все, набатом гремела в мешке Катя! Мы еле это выдержали. С заплетающимися ногами, семенящей трусцой ввалились в калитку дома, дрожащими руками развязали мешки и вытряхнули медвежат на деревянный, залитый солнечным светом пол веранды. Катя тут же прижалась к Тоше и Яшке (взъерошенный вид обоих показывал, что они неплохо поспали за дорогу), что-то чуть слышно промурлыкала и улеглась. Ни звука! По ее виду вовсе нельзя было предположить, что она перенесла труд-

ную дорогу. Мы ошарашенно переглянулись. Все объяснилось просто — Катя не выносила одиночества, а я получил добрый урок.

НАШЕСТВИЕ

Дом наш стоит на краю поселка, у самого леса. Просторная застекленная веранда выходит на южную сторону, к солнцу. Там мы и поместили медвежат, убрав предварительно все посторонние предметы. Одна дверь веранды выходила во двор, а вторая в комнату, так что мы могли заходить к медвежатам с любой стороны. Кормлением малышей занялась жена. Кормили их еще из бутылок с соской, каждого в отдельности, но если нас было двое, мы сразу брали три бутылки и кормили всех троих. На руки медвежат брать никому не разрешалось, и это выполнялось беспрекословно. Не разрешалось играть с ними, так что основные контакты у них были друг с другом. Медвежата росли быстро, и уже через неделю я стал подумывать, куда бы их определить на время передержки.

Быстро достать хорошую клетку не представлялось никакой возможности. Я съездил в город, знакомый механик помог подобрать металлические уголки, нашлась и вольерная сетка, так что дело оставалось за разработкой чертежа и сваркой. Вдвоем с помощником мы принялись делать дом для медведей.

Появление в поселке медвежат вызвало всеобщий интерес. Все считали своим долгом при встрече как можно подробнее распросить меня обо всем, что касалось детенышей и работы с ними. Вопросы были самые разные. Я отвечал, как мог, отшучивался, подолгу, в деталях, излагал предстоящую работу, пускался в рассуждения о медведях вообще, об отношении их к человеку и человека к ним и т. д. Наконец мне это так надоело, что, увидев очередного нового человека, я старался куда-нибудь сбежать или махал руками, отвечая невпопад на сыпавшиеся вопросы и делал вид, что очень спешу. Люди пожимали плечами, разводили руками и наконец отстали. Другое дело — сами медвежата. Разговоры о них подстегивали любопытство, особенно у вездесущих мальчишек, которые пытались пробраться к веранде своими тайными тропами. Если я встречал очередных лазутчиков около веранды, они делали невинные физиономии, показывая всем своим видом, что забрели сюда случайно. Было много и других любопытных, желающих во что бы то ни стало увидеть медвежат. Мы решили пойти на компромисс. Теперь к веранде разрешалось подходить всем в присутствии хозяина и с условием, что никто не будет разговаривать. Однако как в присутствии нас, так и в наше отсутствие со стороны веранды все же довольно часто раздавались громкие восторженные возгласы и взрывы смеха. Медвежата, нисколько не смущаясь любопытных глаз посетителей, забавно кувыркались, боролись, отвешивали

друг другу затрещины, падая, громко стучались лбами о дощатый пол и, как нарочно, выставляли напоказ черные голые пятки. За время пребывания медвежат на веранде цветы с этой стороны дома были затоптаны, часть забора сломана и выбито два стекла в раме. Появились неизвестно откуда притащенные малярный козел, обломок лестницы, две разбитые табуретки и доска — все для того, чтобы забраться повыше и лучше рассмотреть медвежат.

Я ломал голову над неразрешимой задачей — как быть с непрошенными гостями, когда мы переведем медвежат в клетку? Место для установки клетки выбрали в лесу, и это почти исключало возможность действенного контроля. Но вскоре к медвежатам привыкли, наплыв посетителей резко спал, и все дальнейшие хлопоты с размещением малышей завершились самым лучшим образом. Заручившись поддержкой дирекции, мы постепенно перекрыли свободный доступ к медвежатам. Это был важный шаг. Появилась возможность выпускать их для прогулки на небольшую вырубку и в лес с уверенностью, что нам не помешают. Здесь были сделаны первые наблюдения за поведением развивающихся медвежат. На этом этапе работы нам помогали многие сотрудники заповедника, любезно взявшие на себя обязанность терпеливого объяснения несведущей публике о вредности праздного любопытства для работы с мишками.

ПЕРВЫЕ ПРОГУЛКИ

В пятидесяти метрах от дома в окружении красивых кудрявых елок мы поставили клетку прочную, ажурную и легкую, размером два с половиной на четыре и высотой два метра. Но прежде чем перебраться в клетку, медвежата успели влезть в комнату через дверь, которую кто-то из нас забыл плотно закрыть. Я вошел в дом со двора и, услышав необычный шум, заглянул в зал. Первое, что увидел, были опрокинутые цветочные горшки, рассыпанная по всему полу земля и жалкие остатки цветов. Мишки, перемазанные, деловито расхаживали по комнате и старательно вдавливали в земляные россыпи эти остатки. Каждый был занят своим делом, и на меня они едва посмотрели. Я водворил их на место, как мог собрал землю, попытался воткнуть в горшки цветы, но поняв, что из этого ничего не выйдет, махнул рукой и взялся за веник.

На другой день медвежат перевели в клетку, но за ночь они успели выбить на веранде несколько стекол, так что я был очень рад, что зверюшек вовремя убрали из дома. Клетка им понравилась. Они обошли и обнюхали все углы, по очереди залезли в будку и... попросились гулять. Это была обычная прогулка, которые мы устраивали уже целую неделю, но теперь медвежат не нужно было вести в лес или на поляну через двор, и этот маленький штрих доставлял удовольствие. С этого времени каж-

Едва научившись лазать на деревья, медвежонок уже прячется на них от возможной опасности

дое утро до кормления я выходил с медвежатами в лес. Если я останавливался, останавливались и они и, чуть постояв, начинали деловито сновать между колод и пней, залезали под коряги и вообще проявляли максимум активности, а их любопытству не было предела. То и дело кто-то из медвежат, привлеченный запахом, начинал крутиться на одном месте, воткнув нос в одну точку, потом что-то царапал лапами и бежал дальше, опять останавливался, скусывал листик травы, выплевывал его, смешно морща нос, и опять рыскал, тыкаясь носом во все углы и щели. На вырубке медвежата впервые стали есть прорастающую звездчатку, а по мере появления — и многие другие травы, отдавая особое предпочтение острым стрелочкам злаков, пробивающих лесной опад, и листикам сныти.

После утренней прогулки, длившейся обычной около часа, медвежат сажали в клетку и подготавливали все для их кормления. Теперь они ели из мисок, расставленных вблизи клетки. В миски разливалась овсяная каша, приготовленная на молоке. Медвежата сразу, чуть ли не с первого кормления распределились и четко знали, где чья миска стоит. Было происшествием, если кто-либо из них впопыхах путал миску. Нарушитель порядка тут же подвергался резкой атаке хозяина, но, ткнувшись мордой в кашу, уже никак не желал понимать, что попал не в свою тарелку, и тогда вспыхивала жестокая драка. Миски летели кувырком, каша разливалась, а рычащие медвежата, зачуяв запах разлитой каши, дрались еще жестче, катая друг друга в ее остатках. В таких случаях приходилось немедленно вмешиваться, чтобы не допустить травмирования малышей. И хотя дрались медвежата редко, но на шее каждого из них можно было нащупать не один скатавшийся от засохшей крови комочек шерсти. В рацион мишек входили яйцо, творог и трава, которую они всегда охотно поедали. В клетке сразу же после кормления выдавался им кусочек черного хлеба. У медвежат быстро выработалась реакция на эту подачку, и они, закончив есть из ми-

сок, тут же бежали в клетку. Впоследствии этот прием во многом облегчил работу. Если необходимо было посадить медвежат в клетку, им показывали кусочек хлеба — и они тут же забегали в открытую дверь. Хлеб давали не с рук, а бросали на пол. В клетку высыпали и свежую траву, когда медвежата уже там сидели.

Позже я стал уводить медвежат после утренней кормежки в лес, так как было получено разрешение администрации на работу с ними в любое время. Мы ходили на поляну, располагавшуюся в 100 метрах от клетки. Посредине ее громоздилась поверженная ветром толстая сучковатая осина, тянулись вверх несколько рябинок и осин, на кочках росла брусника, желтыми прутьями с едва прорезавшимися листиками торчали кусты малины, а на краю поляны росла нетолстая ива бредина. В ясный день поляна была залита солнцем. Кольцом окружавшие ее громадные елки сдерживали ветер, порывы его, гудевшие в раскачиваемых вершинах, гасли, терялись в густых ветках, не достигая земли. Было здесь тепло и уютно.

Уже с первых прогулок медвежата начали учиться влезать на деревья. Вначале они освоились с толстым стволом поваленной осины. Кое-как вскарабкавшись на него, разгуливали по стволу взад-вперед, как по дороге. Потом облюбовали иву, она стала первым и, пожалуй, самым любимым деревом, на котором они обучались лазанию вверх. Темно-коричневая кора ивы была сплошь в глубоких трещинах. Боковые ветви этого старого невысокого дерева начинались уже в полутора метрах от земли и тянулись во все стороны то горизонтально, то закручиваясь в замысловатые узоры. Вначале мишки не решались взобраться по стволу выше чем на метр. Было видно, что взбираться по дереву вверх им легче, чем спускаться вниз. Быстро перехватывая лапками, медвежонок залезал до метровой отметки, потом как-то терялся, начинал смотреть вниз, поворачивая голову то вправо, то влево и, подрагивая от напряжения, а возможно, и от страха, медленно спускался, изо всех сил цепляясь за кору когтями. Если в этот момент лапа срывалась, малыш «прилипал» к стволу, морда его принимала испуганно-растерянное выражение и лишь убедившись, что держится крепко, он возобновлял спуск. Ствол дерева он отпускал только тогда, когда его задние лапы прочно стояли на земле. Каждый день мишки тренировались в лазании, не зная в этом занятии усталости, и через неделю их можно было видеть уже на самой макушке ивы. Спустя две недели они стали уже ловкими верхолазами, освоили все сучки покрывшегося нежной листвой дерева. Даже умудрялись затевать возню на самом верху, толкая друг друга, но при этом орудовали только одной лапой, а тремя другими цепко держались за ветку, на которой сидели. Теперь медвежата не обходили вниманием и толстые сучья осины с гладкой, сильно засохшей корой, на которые прежде взбирались неохотно.

Гигантское дерево, рухнув, создало целый завал из обло-

Играть можно не только на земле:

Малыш может быстро взбираться по стволу дерева любой толщины, цепляясь за его кору крепкими когтями.
Фото Е. Арбузова

мившихся и оставшихся на стволе толстых сучьев, между которыми и сновали расшалившиеся мишки, быстро проскальзывая из одной дыры в другую, непрерывно меняя место и занятие, показывая порой поистине акробатические номера. Игра кончалась так же внезапно, как и начиналась, и только что бегавших взапуски малышей можно было уже видеть деловито лазающими между трухлявыми пнями и моховыми кочками, выскиваящими, чем бы можно было поживиться. Вначале я оставлял заигравшихся медвежат, незаметно уходил, чтобы заняться своими делами дома. Первые шесть дней это удавалось. Мишки оставались на полянке до тех пор, пока я к ним не приходил. Приближаясь, я подавал звуковой сигнал, детеныши дружно отвечали, бежали навстречу, и мы шли обедать. Позже они освоились с дорогой и стали прибегать к клетке сами.

У нас жил щенок Булька, смесь лайки с гончей, у которого всегда был взбалмошный вид: винтом закрученный хвост, ясные простодушные глаза и мягкие, длинные уши, висевший тряпкой. Он унаследовал окрас гончей, а голос, звонкий, режущий слух, ему достался явно от лайки. Каким образом этот щенок сумел подружиться с медвежатами, мне так и осталось неизвестным. Однажды я увидел медвежат около клеток вместе с Булькой. Они бегали, прыгали, катались, боролись и так были заняты, что не заметили моего прихода. Кое-как разбив теплую компанию, я унес Бульку в вольер и запер. Но вскоре он где-то отыскал дырку, вновь убежал к клетке и пытался затеять игру с медвежатами теперь уже через сетку — лаял, визжал, припадал к земле на все лапы, подпрыгивал вверх, одним словом, ходил колесом! Заделав в вольере все дырки, я надежно изолировал Бульку, но он поднял такой душераздирающий вой, что, махнув рукой, мы выпустили щенка — пусть играют, пока маленькие. В лес Булька не ходил, а около клеток особого вреда нашей работе причинить не мог.

Опасаясь, как бы удирающие из леса медвежата не вышли в поселок, мы решили присматривать за ними по очереди. И тут выяснилось, что в лесу они ни с кем, кроме меня, не желают оставаться. Они убегали от жены, которая их обычно кормила (у клеток малыши оказывали ей особое внимание), и от лаборантки, которая начала с ними работать. Неоднократно я заводил мишек в лес, оставлял их с кем-нибудь из женщин и потихоньку уходил. Выбравшиеся на волю малыши принимались за свои обычные дела, но как только обнаруживали мое отсутствие, во всю прыть бежали к клетке, не обращая внимания на старания временного сторожа. Предполагая, что такое их поведение обусловлено особой связью со мною через реакцию следования, мы провели серию опытов, которые и подтвердили это предположение.

Известно, что через реакцию следования поддерживается непосредственная связь между матерью и детенышами в момент движения. Реакция эта основана на запоминании, а вер-

нее, на запечатлении детенышем матери или иного движущегося объекта в так называемый чувствительный период. Чувствительный период бывает особенно остро выражен в тот момент, когда появившийся на свет молодняк становится способным следовать за матерью, и может продолжаться от нескольких часов (после вылупления птенцов у выводковых птиц), до нескольких недель и даже месяцев (после рождения детенышей у различных млекопитающих). Однако позже, т. е. в том возрастном периоде, когда детеныш начинает бояться всяких новых незнакомых предметов, звуков, запахов, он подавляется обычно реакцией страха. Например, у котят домашней кошки собака не вызывает чувства страха до известного возраста, и они доверчиво лезут к своему «врагу». Запечатление детенышем стимул-объекта заключается в том, что он с первого взгляда, сразу запоминает контуры, размеры и формы, а также запах, издаваемые звуки и т. п. того предмета или животного, за которым потом будет следовать. Удаление такого предмета от детеныша вызывает у последнего сильное возбуждение, что только способствует упрочению связи между стимул-объектом, или матерью, и объектом следования, т. е. детенышем. Чтобы проверить наличие феномена запечатления в реакции следования медвежат мы в процессе работы неоднократно пытались переадресовать следование медвежат за знакомыми им людьми (моей женой и лаборанткой). Этого сделать не удавалось, за исключением одного случая, о котором я расскажу позже.

Несмотря на то, что женщины кормили мишек (связь детенышей с ними через пищу существовала), зверюшки упорно отказывались оставаться с ними в лесу, если я исчезал. Так подтвердилось наличие феномена запечатления в реакции следования, которая, по всей видимости, проявляется у медвежат сразу после выхода семьи из берлоги. Для проявления этой реакции как раз и создались условия близкие к естественным. Пока медвежата сидели в палатке, они хорошо в ней освоились — она стала им берлогой. Мое постоянное присутствие, а возможно, и кормление в какой-то степени подменили им медведицу-мать. Когда медвежата по-настоящему в первый раз вышли из палатки, мое передвижение у них на виду и вызвало проявление реакции следования. Они запечатлели меня как стимул-объект раз и навсегда и не изменили этому правилу до конца работы. Так и образовалась «семейная группа», связанная, с одной стороны, реакцией следования, а с другой — желанием побольше узнать о жизни этих удивительных существ. Пришлось отказаться от помощи и выходить на прогулку с мишками самому.

ПЕРВЫЙ ПОХОД

В начале июня медвежата заметно окрепли, стали выше, отчего выглядели поджарыми, угловатыми. Эту неуклюжесть несколько скрашивала пушистая шерсть, которой они обросли и которая была особенно длинной на холке и задних ногах. Движения их во время игры стали резкими, сильными. Нередко игра переходила в настоящую потасовку, напарники начинали отбивать друг другу увесистые пощечины, но истинной драки при этом никогда не возникало. Мишка, получивший наиболее сильный толчок, не старался дать сдачи, а отходил в сторону — и все разом прекращалось. Булька уже давно не показывался в их владениях, так как однажды получил настоящую трепку. Силы стали далеко не равными, и Булька уразумел, что контакты с мишками для него небезопасны. Во время прогулок медвежата охотно ели траву, быстро и ловко лазали по деревьям, что-то искали в лесной подстилке, трухлявых пнях и с удовольствием поедали личинок хрущей и короедов, отыскивая их под корой мертвых деревьев и пней. На игры теперь уходило значительно меньше времени. Медвежат мы кормили умеренно, и им волей-неволей приходилось пополнять свой пищевой рацион за счет естественных кормов.

В середине июня мы решили посмотреть, как будет вести себя медвежонок в естественных условиях, не получая никакой подкормки в течение трех дней. Масса мишек уже составляла более десяти килограммов, и трехдневная голодовка не могла серьезно отразиться на их состоянии. Самым сильным выглядел Тоша. Крепкая стать, спокойные, но решительные и расчетливые движения, самая большая масса (13 килограммов) по сравнению с другими медвежатами определили выбор, и я стал готовиться к первой экскурсии.

С вечера тщательно просмотрел намеченный маршрут на схеме, перебрал и уложил вещи в рюкзак, чтобы во время ходьбы ничего не стучало и не скрипело, и чуть забрезжил рассвет, мы тронулись в путь. Уходили по хорошо набитой тропе через поляну, которая медвежатам была знакома до мелочей. До самой поляны Тоша бежал впереди, но как только мы ее прошли, пристроился сзади и следовал за мною не дальше пяти-шести метров — сказывалось незнакомое окружение. По шатким мостикам перешли мы речку и, сбивая с травы обильную росу, вышли на луг. Седой от легкого, чуть стелющегося над самой землей тумана луг бархатной скатертью лежал перед нами, весь расшитый желтыми пестринами цветков лютика, матово-сиреневыми колокольчиками, белыми блестками крупных ромашек. Целостность его покрова нарушал только наш след. Смятая трава со сбитой росой тянулась темной, выделяющейся полосой. В один миг и я и Тоша насквозь промокли. Брюки липли к коленям, неприятно холодили ноги. Тошку же излишки влаги, казалось, несколько не беспокоили — он лез в самые густые

Разыскивая пищу, медведь постоянно передвигается по участку, на котором живет

заросли травы, буквально обливающей медвежонка крупными холодными каплями росы. Наконец, в разрывы между деревьями проглянуло солнце. Широкие светлые лучи его, приглушенные дымкой, пошарили по лугу, ближайшим деревьям и, наконец, ярко-желтый диск выплыл из-за леса, заполнив все вокруг теплом и светом. Роса, повисшая на кончиках волос медвежонка, вспыхнула, переливаясь маленькими звездочками, отчего Тоша, оказавшийся от меня как раз напротив солнца, показался сказочным существом, одетым в легкую серебристо-прозрачную одежду! Но вот он проскочил мимо и сразу потух, став обыкновенным темно-коричневым зверенышем.

Двигались мы медленно. Тоша неумоимо бегал по сторонам, понемногу ел траву, лазал на деревья и развил такую бурную деятельность, что я едва успевал делать записи. Яркие цветы явно привлекали внимание медвежонка: он несколько раз срывал, жевал, но тут же выплевывал цветки лютика едкого и ромашки, зато с удовольствием съел цветки-колокольчики гравилата речного и невзрачную метелку щавеля. Брал он в рот и чем-то выделяющиеся камушки, и затащенные на поле ветром,

выбеленные дождями и солнцем сучки, обследовал при этом и торчащие из земли кочки. Можно было видеть, что Тоша пытается определить пригодность в пищу различных попадавшихся ему предметов, нюхая их и пробуя на вкус. Он пользовался методом проб и ошибок, отбирая таким образом съедобное.

Выходя из дома, я не был уверен в том, что мы с Тошей пройдем намеченный пятнадцатикилометровый маршрут за один день. Путь наш пролегал по полям и по лесу, пересекал небольшие полянки, тянулся вдоль ручья, часть его проходила по болоту. Хотелось посмотреть, как будет вести себя медвежонок в разных стадиях. Но какая-то особая легкость в движениях, постоянно высокая активность и любознательность медвежонка в продолжение первых двух часов пути рассеяли мои сомнения, и я решил пройти с ним до избушки.

В первую половину дня медвежонок так освоился с окружающей обстановкой, что начал убежать от меня в сторону на 20—30 метров. Забегал в лес, в кустарник, один раз забрался в глубокий овраг, но нигде не задерживался долго. Выбирался обратно и сразу же искал меня глазами — боялся потеряться. Если я стоял на месте или медленно перемещался на пять-десять метров в сторону, это не вызывало у малыша беспокойства. Чуть удостоив меня взглядом, он тут же отбегал в сторону, чтобы заняться каким-то своим делом. Но стоило пойти прочь, как уже после первого десятка шагов медвежонок бегом догонял меня, пристраивался в след и шел сзади, выдерживая дистанцию пять-шесть метров. К вечеру Тоша разрыл несколько кротовин и один муравейник. На небольшой елке обнаружил пустое гнездо дрозда и долго возился с ним, пока полностью не разрушил. Он научился переворачивать небольшие камни, что-то выискивая под ними.

Лишь к одиннадцати часам ночи мы добрались к намеченному месту — кордону «Стуловский остров». Уже у самой избушки у Тоши вдруг проявился аппетит, но в темноте нельзя было разобрать, что и сколько он ест, а он все никак не хотел уходить с полянки. Пришлось несколько раз позвать его, так как усталось давала себя знать.

Старая изба на кордоне состояла из двух половин. В одной остался Тоша, а другую занял я. Разбудил меня шум. В соседней половине гремел обломком доски, колотил лапой в дверь медвежонок. Часы показывали ровно три. Едва забрезжил рассвет, как Тошка уже просился на свободу. Мне не хотелось выпускать медвежонок одного, без наблюдения. Наскоро одевшись и закусив, я вышел из дома, на ходу умываясь холодной росой. Сна как не бывало. Тоша деловито осмотрелся и нырнул в заросли ближайшего кустарника, осыпая густую росу. Через несколько минут он выбрался на чистое место, встряхнулся, рассеивая в стороны капли, и принялся копать в полуразрушенной куче дров, переворачивая старые гнилушки. Пользуясь передышкой, я заглянул в комнату, где он сидел ночью. В углу об-

наружил четыре аккуратные кучки, которые собрал в полиэтиленовый мешочек, а когда стало совсем светло — разобрал фекалии. Они почти полностью состояли из растительных остатков, но были среди них и два гладких камешка размером 2×1 сантиметр, свежая и старая хвоя ели, кусочек тонкой полиэтиленовой пленки (возможно, из-под упаковки сигарет) и обрывок цветной тряпки. Где он мог подобрать столько мусора, я не мог понять — здесь ходит очень мало людей.

Весь день мы провели в районе «Стуловского острова». Побывали на болоте «Катин мох», на речке Жукопе, ходили по ольшанику, где под каждой кочкой хлюпает вода, по чистым соснякам, ярко-зеленому, заросшему молодой травкой сенокосному лугу. Тошу интересовало все. Увидит пенек, выделяющийся на ровном моховом ковре болота, — обязательно подойдет к нему, потрогает лапой, а то и вовсе разрушит, растрясая вокруг желто-коричневую труху. Если взлетит рябчик, не спеша подойдет к тому месту, долго крутится, нюхает. По-видимому, запах вызывал у него особый интерес.

Забавно вел себя медвежонок на реке. Жукопа в том месте мелкая. Вода то не спеша катится по дну, сплошь усыпанному круглой галькой, то журчит на перекатах, пробираясь между крупных валунов, оставляя на крутых поворотах намытые из песка желтые косы, а то затихает в черном нешироком омуте, спрятавшемся в ожерелье ракушечных кустов, склонивших свои ветки к самой воде. Тоша, увидел речку, тут же в нее полез, зашел в воду по брюхо, сопя и побряхывая, лег так, что снаружи остались торчать только нос да уши, а потом и вовсе макнулся с головой, ошалело вынырнул, подпрыгнул и стал бить по воде лапами. Но вскоре успокоился и опять лег, поближе к берегу — тут было мельче. Видно было, что вода доставляла ему особое удовольствие. Погрузив морду в воду по самые уши, он жмурил глаза, пускал пузыри, шумно фыркал и неистово тряс головой, тучей рассыпая брызги. Было смешно смотреть, как малыш с серьезным видом пытался подцепить когтистой лапой круглый, скользкий голыш. Камешек не поддавался и каждый раз, когда медвежонок его чуть приподнимал над водой, выскользывал. Тошка не отчаивался и вновь принимался терпеливо его вылавливать, но сколько ни старался, так и не поднял камешек над водой. Потом скособочился, выставляя вперед правое плечо, и бросился бегать по речке, бить по воде лапами, поднимая целые фонтаны. Не скоро мокрый, уставший медвежонок вышел на теплый, прогретый солнцем песок и растянулся животом вниз, оглядываясь вокруг и часто дыша. Однако через минуту он уже вновь носился по песчаной косе, взрывая лапами песок. В одном месте вдруг остановился и принялся копать на косе глубокую ямку, пока не добрался до самой воды. Целый час Тошка провел у реки, потом отошел от берега, отряхнулся и стал скусывать молодые побеги осоки, выгрызая у них сочную нижнюю часть. Мы бродили с Тошей до позднего вечера.

День принес много свежих впечатлений, интересной информации. Поздно ночью мы добрались до кордона. Медвежонок казался бодрым и свежим, все так же перебегал с одного места на другое, а я едва не валился с ног от усталости и, кое-как приготовив постель, сразу же уснул. А в три часа в соседней комнате уже опять гремел Тоша, и мне ничего другого не оставалось, как выйти наружу. И еще один день мы ходили с Тошей, выполняя намеченную программу. За время похода медвежонок несколько раз попрошайничал. Он подходил ко мне, садился рядом, делал унылую, грустную физиономию и принимался нудно, ритмично стонать: «ы-ы-ы-м, ы-ы-ы-м, ы-ы-м...» Я отходил в сторону, и обычно этого было достаточно, чтобы он переставал ныть. Тоша, казалось, тут же забывал о попрошайничестве и стремглав вновь неся по лугу к ближайшему дереву, карабкался на него, потом спускался, затрачивая на это считанные секунды, и бежал дальше. Игра его, начинавшаяся внезапно, так же внезапно обрывалась, и только что резвившийся малыш уже расхаживал между кочек, выбирая сочные побеги пырея ползучего. Каждый раз в полдень Тоша спал около часа, прижавшись ко мне, а я, пользуясь передышкой, приводил в порядок свои торопливые записи.

Все три дня с раннего утра до позднего вечера были заполнены до отказа. Я изрядно вымотался, и когда мы подходили к дому, у меня было только одно желание — завалиться куда-нибудь в уголок и поспать. А Тоша разошелся: носился кругами, лазил под настил лежневки, барахтался в лужах, всем своим видом выражая полнейшее удовольствие.

Дома первым делом Тошу взвесили. За три дня он прошел много километров, вел активную, насыщенную физическими нагрузками жизнь и не получал никакой подкормки. За эти дни он потерял в массе всего 170 граммов! Я решил готовиться к длительной экскурсии в лес со всеми тремя малышами.

ЛЕСНЫМИ ТРОПАМИ

Три дня ушло на сборы. За двое суток до выхода в лес медвежат кормили два раза вместо трех, а в последний день лишь один раз — утром. Всю тройку обмерили, взвесили, и я, поправив ляжки потяжелевшего рюкзака, махнул рукой жене и пошел, совсем не представляя себе, что из этой затеи выйдет.

Медвежата выдерживали дистанцию пять-шесть метров и, если я увеличивал скорость, прибавляли ее и они, а как только я замедлял шаг — шли медленнее. Мы были как бы связаны невидимой веревочкой, которая не очень вытягивалась и не становилась короче. Это и была дистанция следования.

Испытав возможности Тоши, я решил пройти, не останавливаясь, восемь километров, а потом сделать длительный привал. Давал знать о себе груз в рюкзаке, и частые остановки, когда

приходилось снимать и вновь надевать рюкзак, были утомительны. Во время движения малыши шли за мной строго в след, не играли, не отвлекались. Все их внимание было сосредоточено на мне. Впереди всех шел Тоша, а за ним Катя, которая иногда проявляла нетерпение и обгоняла Тошу, но он тут же оттеснял ее вбок, занимая лидерство. Позади всех труси~~я~~ Яшка. Вскоре без всяких происшествий мы пришли на место. Я повесил рюкзак повыше на дерево, чтобы не соблазнять мишек его запахами, и сел, прислонившись к прохладному стволу. Не успел я расположиться, как Катя «приняла позу» и начала попрошайничать. Тоненько поскуливая, она потихоньку боком подвигалась ко мне, рассчитывая чем-нибудь поживиться. Я мягко отогнал ее — и она успокоилась. После остановки не прошло и минуты, а медвежата уже разбрелись по полянке, заглядывая под вывернутые с корнями деревья, пропадая среди стволов и переплетений узловатых корней. Время от времени кто-нибудь из них бесшумно появлялся на самом верху пятиметрового выскрени, трусил оттуда осыпающейся землей и так же тихо исчезал. Изредка они щипали молодую травку, но жевали ее нехотя, больше занимались игрой: боролись, широко открывая пасти, хватили друг друга за шиворот и беззлобно, но сильно трепали. Это были уже далеко не те детеныши, которых я принес из берлоги, хотя внешне они почти не изменились. Тоша все так же выглядел силачом: мощная высокая холка, крепкие ноги, крупная голова на толстой шее; блестящая бурая шерсть с серым отливом перекатывалась на нем волнами, движения были уверенными, в них сквозила сила. Он делал то, что ему хотелось, возмущался широко, резко, а если у него что-то не получалось, выражал свое недовольство ворчанием, а порой настоящим ревом и интенсивными действиями. Тоша безраздельно властвовал над Катей и Яшкой, оставляя за ними лишь одно право — у клетки каждому есть из своей миски.

Я уже знал, что медвежата, как и взрослые медведи, очень стойко защищают свою добычу от любых посягательств и в этом случае уважают суверенитет друг друга. Катя была поменьше ростом, но так же крепко сбита, разве что голова ее отличалась особым изяществом, а движения мягкостью и сноровкой. В глазах ее всегда сквозила хитринка. Она все видела, все замечала и если у меня вдруг пропал дневник или я находил изодранную в клочья рукавицу, сомнений в том, что это проделки Кати, не возникало. Яшка по-прежнему был инфантилен. Узкая голова его с пугливыми, бегающими по сторонам глазками сидела на тонкой шее и оттого казалось, что он постоянно старается вытянуть голову как можно дальше вперед. Тонкое туловище держалось на мосластых ногах. С боков свисали сосульки длинной, свалывшейся шерсти. Весь вид его был пришибленный, угнетенный. Он постоянно уступал в игре, приседая на задние лапы или опрокидываясь на спину. Но я знал за ним несколько жестоких драк, когда вцепившегося в Тошу или Катю

Раскапывая гнезда мышей, медведь задирает целые пласты дерна

Яшку нельзя было оторвать силой и приходилось обливать его водой. Видимо, характер у него был, хотя и скрывался за невзрачной внешностью и отсутствием должной силы.

Пока я отдыхал, наблюдая за мишками, набежала туча, стало сумрачно и заморосил мелкий холодный дождь. Водяная пыль повисла над лесом, заполнив его белесым туманом. Оседая на листочках куста малины, у которого я сидел, она быстро превращалась в прозрачные капли, которые клонили листочки вниз и, не удержавшись, скатывались. Весь малиновый куст, как живой, махал листочками. Несколько крупных капель попали мне за воротник, и по спине побежала холодная струйка. Быстро поднявшись, я надел рюкзак и зашагал дальше, надеясь пораньше выйти к урочищу Мартиновы Нивы, где стояла старая, невесть когда срубленная лесная избушка.

Ровная линия разрезающей заповедный лес квартальной просеки в отдельных местах поднималась на возвышенность, и тогда можно было идти, не заглядывая себе под ноги, лишь иногда переступая через выступающие корявые корни и упавшие деревья. Но когда просека ныряла в топкие низины, приходилось медленно перебираться с кочки на кочку, каждый раз заранее выбирая место, куда можно поставить ногу. Это не всегда спасало от неприятностей. Какая-то кочка вдруг предательски уплыла из-под ноги в сторону, нога соскальзывала в болотную

жижу, а тяжелый рюкзак вдавливал меня в нее как можно глубже, как будто был специально для этого предназначен. Отдуваясь, я выбирался, выливал из сапог грязь, вытирал пот, растирая по лицу торфяную кашу, и шел дальше. А мишкам все было нипочем! Они смело лезли в любую трясику, чавкали грязью, плыли, ползли, не обращая ни малейшего внимания на обложной дождь, который уже давно промочил меня насквозь.

Наконец, сопровождаемый грязными, взъерошенными медвежатами я пришел на место. Старая, вросшая в землю избушка встретила нас затхлой сыростью, плесенью на стенах, мокрыми нарами и жестяной печкой с прогоревшими боками и трубой. Небольшое окошко с кое-как вставленными стеклами пропускало тусклый свет пасмурного дня. Медвежат я оставил на улице, предоставив им полную свободу в выборе места для отдыха, а сам принялся за ремонт печки. Трубу обернул несколькими слоями алюминиевой фольги, которую захватил с собой, и обвязал куском проволоки. Бока печки заложил кирпичами. Потом собрал немного дров. Настоящего сушняка было немного, мне пришлось изрядно потрудиться, раздувая печку, глотая дым и проливая слезы, прежде чем огонь разгорелся.

Маленькая избушка нагрелась быстро. Окно «заплакало» крупными каплями, стало душно от высыхающих стен, и я открыл дверь. Через мгновение в дверном проеме уже стояла Катя. Постояла, посмотрела и отошла. Ее место занял Яшка. Он сунулся было в дверь, но чего-то испугался и быстро убежал. В открытую дверь я видел, что медвежата расположились на отдых рядом с избушкой, у корней огромной ели. Они уже хорошенько вытрясли свою шерсть от грязи и улеглись вплотную друг к другу, свернувшись калачиком. Дождь не пробивал густой кроны ели, лишь отдельные крупные капли громко шлепали по земле, что несколько не мешало отдыху малышей.

Наступил вечер. Я осторожно, чтобы не потревожить мишек, сходил к ручью, принес воды, запасся на ночь дровами, а медвежата и не думали выбираться из своего логова. Потом я узнал, что в дождливую погоду, выбрав укромное местечко, они могли спать много часов подряд, кормились мало и недолго.

Утро встретило нас ветром и все тем же дождем. Небо сплошь заволочли свинцовые тучи. Обрывки их быстро неслись над лесом так низко, что, казалось, вот-вот зацепят вершины деревьев. Набравшись духу, я вышел из теплой избушки, надежней подпер колом дверь и отправился к реке Тюдьме, в пойме которой летом часто видел следы медведицы с медвежатами-сеголетками. Медвежата только и ждали моего выхода. Дружно фыркая, толкаясь и перебивая друг друга, они побежали за мной.

Речка вздулась от дождя. Русло у нее было узкое, но глубокое. Берега сплошь заросли непролазным кустарником. Часто встречались завалы — громоздившиеся одно над другим, упавшие поперек реки деревья. Река ныряла под них и шумела, вор-

чала, ворочаясь в переплетениях осклизлых, покрытых зеленою сучьев. Не успел я и глазом моргнуть, как вездесущая Катя шлепнулась в воду, и ее потащило течением. Она, отчаянно барахтаясь, поплыла и тут же скрылась из виду за очередным поворотом. Я рванулся сквозь чащу, обдирая лицо и руки,— впереди завал! Попав под него, медвежонок мог утонуть. Добежать я не успел, хотя очень спешил и своей спешкой так напугал Тошу и Яшку, что они, зафукав, понеслись рядом со мной, также не разбирая дороги. Когда я выскочил к завалу, Катя спокойно расхаживала по самому верхнему бревну. Мельком глянула в нашу сторону, как бы осуждая ненужную спешку, и перешла на другую сторону. Я с облегчением вздохнул, посмотрел на все еще фыркающих, припавших к моим ногам малышей, и повел их по завалу, вслед за Катей, на другую сторону злополучной реки.

Чуть ниже по течению от того места, где стояла избушка, лес расступался, и вдоль реки открывались небольшие полянки, обильно заросшие сочной травой. К ним мы и направились. Травя сохранила следы недавно кормившегося здесь медведя. Медвежата не проявили на них заметной реакции, но охотно использовали для своего передвижения оставленные тропы, так как ходить среди высокой, густой травы им было трудно. Они разбрелись в поисках корма. Время от времени кто-нибудь из мишек подавал фыркающие звуки, другие откликались и, таким образом, они, не видя друг друга, поддерживали между собой постоянную связь. Я решил проверить, как они будут реагировать на мое отсутствие, и пользуясь тем, что малыши увлеклись, отошел в сторону, стараясь не производить шума.

Остановился в лесу, в восьмидесяти метрах от поляны, и стал ждать. Прошло семнадцать минут — и среди кустиков показалась Катя, точно идущая по моему следу. Она шла медленно, часто останавливалась и нюхала землю. Вплотную за ней следовал Яшка, а метрах в десяти-двенадцати за ним неторопливо брел Тоша. Катя прошла еще немного и остановилась в том месте, где я перепрыгнул на лежащее дерево, когда искал, где спрятаться. Потянулась в одну сторону, в другую, видимо, потеряла след, села и заголосила, заохала на весь лес. Яшка стал ей вторить, нудно подвывая, лишь Тоша молчал, недоуменно озираясь вокруг. Я не стал испытывать их терпение и подал звуковой сигнал. Тотчас все трое бросились в мою сторону, быстро подошли, ткнулись носами в сапоги, понюхали и сразу успокоились. Так пятимесячные медвежата впервые нашли меня по следу. Возможно, и раньше они уже хорошо ориентировались по запаху, но только сейчас я заметил это по-настоящему. Теперь спрятаться от медвежат было непросто. Они успешно разыскивали меня по следу получасовой давности, а были случаи, когда выходили ко мне через полтора часа, если след был оставлен в сухую погоду.

В тот день медвежата играли мало и ели плохо. Конечно, сказывалась двухдневная голодовка, еще не была забыта каша у

В старом трухлявом пне всегда можно чем-нибудь поживиться

клетки, и травянистая растительность не могла занять основное место в их пищевом рационе. Однако голод — не тетка, и малыши вынуждены были что-то промышлять. С каждым днем они все больше осваивались в лесу. Не забывали и поиграть, но большее время дня у них уходило на разыскивание пищи. В их поведении преобладала поисковая реакция пищевого поведения. Они рыскали по сторонам, переворачивали гнилушки, небольшие камни, ковырялись в моховых кочках, добывали муравьев, ели траву. Наивысшая пищевая активность наблюдалась утром, часов до одиннадцати, и вечером, в пять-шесть часов. В середине дня малыши укладывались спать в различных положениях — кто на живот, кто на бок — и прикрывали от комаров свои носы лапой. Я же довольствовался мазью «Тайга», хотя иногда приходилось пользоваться и деметилфталатом — он понадежней.

Прошло восемь дней, и мы вернулись домой, чтобы подготовиться к более длительному походу. Экскурсия показала, что медвежата хорошо поедают травянистую растительность, хотя вначале им пришлось поголодать, ведут себя активно, вид их не был удрученным, а масса снизилась не намного. У клеток мишки вновь с удовольствием ели кашу, охотно закусывая ее травой.

Вечером у клетки появились незваные гости. Кое-кто совал мишкам конфету, а некоторые и палку. Пришлось их выпроводить. Три дня мы охраняли клетку от «любителей животных».

Я снова собрал вещи, договорился с женой о месте и времени встречи для передачи продуктов и ушел в лес, в ту же избушку

на «Мартиновы Нивы». Угодья вблизи нее были знакомы мишкам, и я надеялся, что на перестройку питания у нас уйдет меньше времени. Но не тут-то было! После каши медвежата наотрез отказались питаться одной травкой, и все повторилось сначала: несколько дней голодовки, скрашиваемые небольшими порциями поедаемой растительности, нудное попрошайничество, скучные мордашки. Однако малыши не забывали и порезвиться, а игровое поведение показывало, что у них все в порядке. Постепенно они привыкали к растительным кормам. Мы переходили с места на место. Я вел записи поведения медвежат. Каждый из них делал что-то свое и постоянно менял занятие. Тихая война с полчищами комаров, ранние подъемы и поздний отбой — так проходило время.

Теперь я каждый день взвешивал малышей, приспособив для этого кусок рыболовной сетки, навешенной на пружинный безмен. Медвежата быстро освоились с процедурой взвешивания. Дело облегчилось и тем, что как только мне удавалось подсунуть сеточку под медвежонка и поднять его в воздух, он растерянно замирал, растопырив все четыре лапы в сторону. Один момент — и масса определена! Однако вскоре появились и трудности. Уже через три дня малыши четко знали часы, в которые я их взвешивал, и в это время очень неохотно подпускали к себе. Сетку с безменом я всегда носил на поясе, так что вид ее не должен был вызывать у них неприятных ассоциаций. Пришлось сменить постоянное время взвешивания на случайное. Теперь я взвешивал каждого из детенышей в любое время дня, выбирая для этого наиболее удобную ситуацию. Однако были дни, когда кто-то из них никак не желал, чтобы его поднимали в воздух. Подозрительно наблюдая за моими приготовлениями, хотя я старался все делать незаметно, мишка каким-то образом угадывал, что я подхожу к нему не просто так, а именно с намерением взвесить и, подпустив поближе, неожиданно пускался наутек. Приходилось оставлять это занятие, и я ставил в соответствующей графе записной книжки прочерк — не хотел навязывать медвежонку свою волю. Проказник как-будто этого и ждал, так как в следующий момент уже спокойно расхаживал рядом.

Минуло пять дней. С женой мы договорились встретиться за границей поселка, у лежневки, в десять часов утра. Ровно в десять я подошел со своей стороны в сопровождении навестивших уши медвежат. Со стороны поселка слышались отдельные выкрики людей, лай собак, визгливый скрип колодезного ворота, гогот гусей, лязгание железом доносилось из гаража. Медвежата стали беспокоиться: звуки эти для них были привычны — клетка, где их кормили вкусной кашей, должна быть там, где эти звуки. Конечно, сказывались и пять дней пребывания на постных лесных кормах. Я ждал долгих пять минут. Жены не было. Мне показалось, что терпение медвежат иссякало, и я быстро пошел обратно в лес, призывно «кклоая». Мишки дружно побежали за мной, сразу же позабыв о соблазнительной клетке.

Вечером малыши впервые за это время хорошо кормились, срывая верхушки иван-чая на старой вырубке. Я испытывал особое удовольствие, наблюдая за их округлившимися животами и слушая частую громкую отрыжку, которая появляется у медвежат, как только они начинают интенсивно кормиться.

На следующий день ровно в десять я опять подошел к лежневке. Медвежата чуть задержались в зарослях прорастающей медвежьей дудки, и я, пользуясь этим, быстро подошел к переходу. Жена меня уже ждала. Отчаянно жестикулируя, я предупредил ее, чтобы не шумела. Улыбнувшись, она протянула мне битком набитый рюкзак. Схватив его, я быстро отошел по тропинке назад, а навстречу уже спешили косолапки. Еще ничего не успев сообразить, я подвергся интенсивной атаке всех троих! Громко, требовательно рвякая, они лезли ко мне напролом, явно прицеливаясь к рюкзаку. Тут и до меня дошел пряный запах жаренного в масле теста! Конечно, для медвежат с их чутким обонянием он был намного сильнее! Как потом выяснилось, жена напекла лепешек и горячими сунула их в мешок — какая наивность! Понимая всю серьезность сложившейся ситуации, чуть не бегом направился я к избушке, кляня и тяжесть рюкзака, и длинные километры пути (до избушки — двенадцать), и нежную заботу жены. Наконец, вбежав в избушку, я бросил рюкзак и сел, почти свалился на нары. Сердце бешено колотилось, пот градом скатывался за шиворот, рубашка неприятно липла к спине. А за дверями подозрительно скоблились, шумно нюхали в самую щель и фыркали возбужденные мишки. Едва отдохнув, я вышел к ним и, чтобы снять их да и свое напряжение, прошелся вокруг избушки. Медвежата обошли вокруг меня, внимательно обнюхав, прошлись рядом и, успокоившись, отошли под свою елку. Я понял, что быстрая ходьба расстроила их куда больше, чем лепешки в рюкзаке. Только сейчас я стал вспоминать, как напуганные моим видом и быстрыми, резкими движениями мишки бежали след в след, не отставая от меня более чем на два метра и всю дорогу беспокойно фукали и чухкали, не понимая, какая же опасность грозит их поводырю. В такой ситуации им было явно не до лепешек, только я этого сразу не сумел понять. А все дело в том, что при любой опасности пищевое их поведение подавляется, отходит на второй план. В процессе работы с медведями я в этом убеждался много раз.

Случилось так, что мне обязательно нужно было съездить в Москву. Мы договорились с лаборанткой, что она попытается подменить меня на несколько дней, чтобы не прерывать начавшегося опыта. Задачей опыта предусматривалось определение момента возрастания массы медвежат при питании естественными кормами. Сколько дней для этого потребуется? Я уже знал, что медвежата мои не желают оставаться в лесу ни с кем, кроме меня. Но ведь во время первых прогулок они целыми днями оставались одни за поселком на поляне, пока не узнали дорогу к клеткам. Теперь же мы были от дома за пятнадцать

километров. От избышки к Центральной усадьбе я ходил с ними два раза и разными путями, поэтому надеялся, что мишки не пойдут к поселку. Знал я так же, что реакцию следования можно переадресовать на другой стимул-объект, особенно если он имеет сходные очертания с тем, который детеныш запечатлел в период формирования этой реакции.

У многих животных существует определенный временной чувствительный период в запечатлении стимул-объекта, т. е. объекта, на который у них выработалась реакция следования. В классических примерах на выводковых птицах было показано, что этот период лежит в пределах от двенадцати до тридцати шести часов после вылупления, а у лысух и камышниц переадресовка реакции следования на другие объекты возможна до шестидесятидневного возраста, если эксперимент проводится в знакомой для птиц обстановке. У млекопитающих проявление реакции следования зависит от способности детеныша передвигаться и различать стимул-объект. Известно, что новорожденные ягнята и жеребята уже через несколько часов после рождения могут следовать за передвигающимся объектом. У животных логовиков, например волков и медведей, реакция следования наблюдается после того, как семья покинет логово. К этому времени между матерью и детенышами уже существует связь через сложный комплекс тепловых, контактных, обонятельных, зрительных и слуховых раздражителей, которые в момент формирования реакции следования выступают как мощные стимуляторы, значительно облегчающие ее проявление. Итак, вопрос о том, удастся или не удастся передать медвежат лаборантке, оставался открытым. В неволе медвежата быстро привыкают к своему хозяину, но связь в этом случае образуется через пищу, через подачку из рук. Иными словами, образуется прочная связь: человек — пища — медведь. Этим правилом пользуются и дрессировщики — за правильные действия медведь получает лакомство, за неправильные не получает ничего. Перед опытом медведя не кормят и он старается делать все правильно. У наших малышей такой связи не было, так как пищевая реакция распространялась больше на миски, нежели на человека. И в этом состояла трудность передачи подопытных малышей. Был я также наслышан о «бунте» медведей, а однажды и сам стал свидетелем того, как повзрослевший мишка, взбунтовавшись, крушил все подряд, что попадалось ему под лапы.

Один старый охотник на Дальнем Востоке говорил мне, что медвежонок знает хозяина до июня, подчеркивая этим тот факт, что пойманные в более поздние сроки медвежата плохо приручаются и склонны к бунту. Бунтовать малыши, конечно, не станут, они еще маленькие, а вот пойдут ли за другим человеком, уверенности не было.

В назначенный день я как обычно наблюдал за медвежатами, которые кормились в густом черничнике, что-то выбирая

в подстилке. Вдруг Катя, а потом и Яшка с Тошей, встали на задние лапы! Вид их выражал напряженное внимание: морды вытянулись, уши настороженно напряглись, время от времени то одно, то другое ухо у кого-нибудь вздрагивало, отходило чуть назад и опять становилось торчком. Их что-то испугало. Я же, сколько ни напрягал слух, так ничего и не услышал. Медвежата стали беспокоиться сильнее, зафыркали, то и дело поднимались на задние лапы, переходили с места на место, стараясь держаться поближе ко мне. Я попытался их успокоить и подал серию звуковых сигналов. Они подошли ко мне вплотную, чуть не прижимаясь к ногам, но не успокаивались и все смотрели в одну сторону — на просеку. Я вышел на нее и довольно далеко в ровном коридоре стоящих деревьев увидел идущего человека. Нас разделяло не менее 200 метров. Шла лаборантка. Медвежата услышали звуки ее шагов, сумели выделить их из общего хаоса лесных шумов и определили как опасные. Я с особым почтением посмотрел на зверюшек, впервые оценив тонкость их слуха. Когда лаборантка подошла, медвежата обнюхали ее, успокоились и отошли в черничник. Я рассказал, как вести дневник, на что обратить внимание, напомнил о технике безопасности (вдруг к медвежатам подойдет медведь), передал избушку, и мы впятером вышли на ближайшую поляну. Спускался вечер, и у медвежат наступил активный период кормления. Показав, как хлопать в ладоши, чтобы получился звук, которым я подзывал к себе медвежат, я собрался уходить. Лаборантка, хлопая в ладоши, пошла просекой, и медвежата резко последовали за ней. Я и не думал, что все обойдется так просто, в глубине души у меня даже шевельнулось щемящее чувство ревности. Через несколько минут я быстро шагал к дому.

В ту же ночь уехал в Москву, где встретился с Леонидом Викторовичем. Он высказал ряд замечаний, проконсультировал меня, предложил возможные варианты методик дальнейшего исследования поведения и экологии медвежат. Все свободное время за три дня пребывания в столице я провел в библиотеке. Домой ехал усталый, нагруженный покупками, конспектами, документами.

Домой явился утром. Справившись с делами первой необходимости, я пошел, почти побежал в лес — к медвежатам. Все оказались на месте. Лаборантка передала мне медвежат, блокнот с аккуратными, четкими строчками записей, рассказала об их поведении и о своих впечатлениях — она очень любила животных. Тоша и Яшка не выразили особого восторга при встрече со мной, лишь Катя подошла, ткнулась носом в сапог и недолго поныла — может, что-нибудь принес? Я ничего не принес, и она отошла с безразличным видом. Но стоило мне подняться и пойти к просеке, как мишки преобразились и сразу пошли следом. Тут же затеяли возню, стали нападать друг на друга и на меня. То один, то другой медвежонок, раскачивая головой с широко открытой пастью и прижатыми ушами, подбегал ко мне,

становился на задние лапы, расставлял передние и старался ими обнять мою ногу — приглашал поиграть. Я только успевал поворачиваться. Прямые контакты не входили в программу общения, и играть с медвежатами я не собирался. С удовольствием прошли косолапки процедуру взвешивания. Я занялся сличением цифровых показателей и обнаружил, что Яшка уже догнал по массе Катю, Тоша похудел больше всех, а масса Кати почти не изменилась.

Когда я вошел в избушку, очень удивился обилию в ней комаров. Прямо на полу, набранному из обтесанных и уже изрядно подгнивших жердей, развел маленький дымящий костерок, напустил целую избушку едкого белесого дыма и открыл дверь. Вместе с клубами дыма из избушки полетели гудящие и зудящие на все лады полчища комаров. Освободившись таким образом от непрошенных квартирантов, я осмотрелся и заметил, что из окна выпал один из многочисленных осколков стекла и в образовавшуюся дырку лезли комары, привлекаемые жилым запахом избушки. Понадежнее заклеив дыру, я принялся за обычные походные сборы, готовясь назавтра выйти пораньше на болото «Катин мох». Когда я разжигал печку, до меня донесся необычный звук. Быстро обернувшись, я увидел, что в только что заклеенную мною дырку просунулась лапа и стала скрести по подоконнику, рассчитывая на нем что-нибудь подцепить. Я громко ухнул — подал сигнал медвежьей тревоги, и лапа исчезла. Выглянув в дверь, я увидел стремглав удирающую от окна Катю. Посмотрел еще раз на окно и вспомнил, что в самом углу подоконника оставались лежать два или три сухаря. Они исчезли. Лаборантка этими сухарями, конечно, не пользовалась. Значит, их стащила Катя, выбив окно. Опасаясь, как бы она не выбила жалкие остатки стекла, я оградил окно снаружи высоким частоколом, надеясь таким образом защитить его от посягательств медвежонка. От этого в избушке стало совсем сумрачно, но пришлось смириться, выбирая из двух зол меньшее. Катя постоянно проявляла повышенный интерес к окну, и мне не раз приходилось прогонять ее, пытавшуюся пробраться к нему через частокол, или взбираясь по бревенчатой стене самой избушки. Прошло несколько дней, прежде чем она отказалась от упрямой затеи.

«КАТИН МОХ»

Ранним утром мы подошли к болоту «Катин мох» — обширное верховое болото с редкими окнищами — небольшими озерцами, частыми кочками, на которых обильно плодоносит клюква, и низкими соснами, в одиночку растущими повсюду. По краю оно густо заросло багульником и голубикой. Чистые мхи перемежаются с сосновыми гривами — островами, где над моховым покровом возвышаются кустики черники. Болото живет своей жизнью. Кормит зверей и птиц ягодами, травами, семенами и

хвоей сосны. Питает реки водой, которую собирает, бережно хранит и экономно расходует. После лесной чащобы радуется своим простором, светом, особым волнующим запахом.

Вначале нам пришлось преодолеть хлопающую и чавкающую низину, заросшую ольхой. Корни деревьев, покрытые мхами, причудливо изгибаясь, переплетались, выступали над землей, отчего у самих деревьев образовались высокие кочки. На них кое-где росли папоротники, разбросав перья своих длинных листьев. Между кочками матово поблескивала торфяная жижа. Я прыгал с кочки на кочку, проваливался между корнями в замаскированные мхом дыры, но продвигался вперед довольно быстро. Медвежата не утруждали себя прыганьем и весело шлепали прямо по жидкой грязи.

Болото встретило нас низким туманом, сквозь который неясным желтым пятном просвечивало восходящее солнце. Не решаясь сразу войти в это сырое царство, я присел на кочку. Как бы поддерживая мое желание, медвежата пристроились на соседней. Солнце поднималось все выше, набирало силу. Пахнул слабый ветерок, оторвал туман от болота и потащил его, разрывая на лоскуты о чахлые, низенькие сосны. Лоскуты эти рассеивались, таяли на глазах, цепляясь за кустики голубики и багульника. Лишь в сосновой гриве, клином врезающейся в ровную гладь болота, какое-то время еще виднелись белые пятна, загнанные туда ветром и солнцем. По всему болоту, куда ни помотришь, рассыпались ватные шарики пушицы, качающиеся на тонких ножках. Мы вышли на ровный мягкий моховой ковер. Медвежата держались рядом, жались к ногам. Первое время я не мог понять причину их осторожности. Смотрел по сторонам, искал следы, которые на мху сохраняются долго, внимательно слушал, но ничего особенного не увидел и не услышал. Лишь позже я догадался, что медвежат смущал простор болота. После привычной лесной чащи открытое, светлое болото было для них необычным и настораживало. Постепенно мишки свыклись с новой обстановкой, но далеко не уходили.

Пригрело солнце, от болота потянуло пьянящим запахом багульника. На дальних окнищах трубно прокричали журавли. Совсем рядом тенью прошмыгнул, свистнув крыльями, ястребететеревятник. Медвежата зафыркали и бросились ко мне — испугались необычного звука. Но вскоре они успокоились и начали лазать по кочкам, отыскивая прошлогодние, ссохшиеся и провалившиеся в мох ягоды клюквы.

Мы шли по болоту. Медвежата разрушили до основания два встретившихся на пути трухлявых пня. Труха совсем высохла, сыпалась рыжей пылью, и носы медвежат из черных стали светло-коричневыми, а шерсть и лапы покрылись светло-бурыми пятнами. Расправившись с пнями, они начали лазать по соснам, забиралась на самые вершины, раскачивали и гнули макушки. Некоторые сучки не выдерживали их тяжести и с треском ломались, но ни один медвежонок не упал — держались они крепко.

Весной на лугу медведи выкапывают корни и луковицы травянистых растений

На болоте медведи залезают на самые макушки низкорослых сосен, чтобы полакомиться их нежной корой

Катя нашла старую сосновую шишку, темно-коричневую от пропитавшей ее влаги, улеглась поудобнее и всю ее разгрызла, вытalkingая языком изо рта отдельные чешуйки: что найдет — все на вкус пробует.

Ближе к полдню солнце начало припекать. Над болотом заструилось марево. Медвежата, разомлевшие от жары, тяжело и часто задышали. Мы пошли к лесу. Встретилась ямка, наполненная желтой лесной водой. Медвежата тут же в нее забрались и стали купаться. Я отошел уже далеко, настойчиво подавая позывной сигнал, а малыши все никак не могли расстаться с лужицей. Наконец они догнали меня и пошли следом. Шерсть их отмылась и отливала теперь темно-красной медью. Шли они степенно, друг за другом, и вся процессия выражала собой покой и силу.

Еще несколько дней мы жили в урочище «Мартиновы Нивы».

Пасмурные дни сменялись солнечными, теплые ночи — холодными. Каждый день на рассвете мы шли «работать», регулярно посещая одни и те же места, чтобы не беспокоить медвежат новой обстановкой. В естественных условиях медведица с медвежатами также подолгу живет на одном месте, потом переходит на новое и опять 10—12 дней можно видеть следы семьи на участке в шесть-восемь гектаров.

Взвешивания показали, что медвежата начали прибавлять в массу. Значит, с этого момента, в возрасте шести месяцев, они способны существовать, питаясь только естественными кормами, которые находят в лесу.

Наступала пора созревания черники, и мы оставили урочище «Мартиновы Нивы», где в тот год ягода не уродилась. Переход к границе заповедника занял несколько часов, после чего началось освоение новых угодий.

В очередной сеанс связи с женой я взял у нее палатку и установил ее в километре от небольшого, но урожайного черничника. Теперь я вооружился кинокамерой, надеясь снять некоторые эпизоды жизни медвежат, а потом, просматривая отснятую пленку, попытаться расшифровать их поведение. Мне не один раз пришлось гонять мотор вхолостую, пока малыши привыкли к камере и перестали обращать внимание на ее негромкий, но подозрительный, шипящий звук. Занимаясь фотографией я, тем не менее, имел самые смутные представления о кино съемке и на всякий случай продолжал регулярно вести записи.

Палатку установил в молодом прозрачном березняке у края клеверного поля. Повоевал две ночи с медвежатами, отгоняя их от палатки, и между нами установились определенные отношения взаимного уважения — медвежата не лезли к палатке, а я в кусты, где они обосновали себе постоянную лежку. Палатка была хоть и слабым сооружением, которое при случае ничего не стоило разгромить, но имела свое неоспоримое преимущество перед избушкой. Днем и ночью я мог выглянуть в любую из четырех сторон и посмотреть, что делают топтыжки. В избушке же нужно было скрипеть дверью.

МУРАВЬИ И ЧЕРНИКА

Обстановка жизни медвежат существенно изменилась. Теперь они разгуливали по краю поля, в молодых березняках, осинниках, купались в небольшом пересыхающем ручейке, а в заповедник ходили только на черничник. Здесь мне довелось впервые по-настоящему увидеть, как медвежонок выкапывает гнездо мыши. Было это так. Тоша шел рядом со мной, но вдруг остановился, вплотную приставил нос к земле и стал громко, со свистом нюхать. Потом присел на задние лапы, а передними попеременно то одной, то другой начал быстро копать ямку. Иногда он прекращал рыть, нюхал ямку, а затем вновь прини-

мался энергично орудовать лапами. Катя и Яшка отстали — на узкой полосе оврага они ели полевой щавель. Никто не мешал Тоше. Наконец, еще одно движение когтистой лапы — и медвежонок вытащил гнездо — шар из мягких сухих травинок. Гнездо оказалось пустым, но Тоша долго разбирал его на отдельные кусочки, надеясь отыскать в переплетениях травинок жильцов. Вскоре он отошел, оставив после себя горку мусора, кучку свежей земли — все, что осталось от гнезда, и клиновидную, сантиметров в пятнадцать глубиной ямку. К этому месту подошли Катя и Яшка. Они по очереди понюхали остатки гнезда, ямку и пошли дальше, не проявив к ним интереса.

У границы заповедника нас встретил аншлаг с яркими красными буквами. Медвежата забрались на столб, поцарапали буквы на щите, но поняв, что в них ничего съедобного нет, слезли и пошли дальше. Время от времени кто-нибудь из них с шумом карабкался на дерево, метра на два-три, но тут же спускался и, кособоко подпрыгивая, исчезал в лесу. Вот Яшка неожиданно громко ухнул, пустился галопом в мелкий густой молодняк и исчез в нем. По треску ломаемых сучьев и сушняка можно было определить, что он бежит вдоль дороги, метрах в пятидесяти. Такое я видел впервые и думал, что медвежонок чего-то сильно напугался. Оглядываясь по сторонам, я наступил на конец большого сучка, лежащего поперек тропы. Второй его конец поднялся и сделал мне такую подножку, что я со всего размаха грохнулся на землю. Зафыркавшие Катя и Тоша уставились на меня с любопытством, не зная, как понимать назначение моей столь необычной позы. На трещавшего сучьями Яшку они не реагировали. Потирая ушибленный локоть, я понял, что Яшка рванул в лес от избытка чувств, а не от испуга — ему нужно было разрядиться. Всего несколько раз мне пришлось быть свидетелем того, как медведь, играя, бежал вот так, напролом, кругами, то удаляясь с адским треском на тридцать-восемьдесят метров, то опять приближаясь.

Ярко-зеленые ветвистые кусты черники с аккуратными жесткими листиками густо росли, занимая все свободные места между стволами старых деревьев. Медвежата разбрелись по черничнику, тыкались носами в листья, копали что-то в корнях и мало интересовались зелеными ягодами — они еще не успели. Правда, кое-где уже чернели отдельные ягодки, и я заметил, что они привлекали внимание медвежат. Увидит медвежонок черную точку, потянется к ней, откусит и смотрит по сторонам — выскивает новую. Все трое вели себя одинаково. Но вскоре это занятие им надоело. Зверюшки вышли к просеке и изрядно перемяли небольшую куртину иван-чая, поедая молодые сочные побеги. Потом мы опять ходили на чернику. Я стрекотал кинокамерой, медвежата выскивали отдельные ягоды, а вездесущие комары добросовестно нас обрабатывали.

В тот же день мы выбрались на сенокосный луг. Медленно перемещаясь, медвежата стали останавливаться и что-то копать

в земле. Торопливо орудуя то левой, то правой лапой, они раскапывали небольшую ямку и совали в нее свой длинный язык. Я присмотрелся и обнаружил, что они разоряют мелкие земляные гнезда муравьев. Старая кора некоторых подгнивших деревьев и пней отстает от ствола. Если рядом есть муравейник, то в такие трещины с солнечной стороны муравьи затаскивают личинок и куколок для прогрева. Медвежата искали их, обнюхивая кору снаружи. Счастливчик, которому удавалось найти, начинал тотчас отдира́ть кору. Обнаружив личинок, он смотрел на них, как бы прицеливаясь, затем коротким движением снизу вверх поднимал голову, выбрасывал язык, приклеивая его кончиком насекомых, и тут же начинал причмокивать от удовольствия. Несколько расчетливых киваний головой, прилепывания языком — и большая часть содержимого «инкубатора» съедена. Иногда медвежата копали муравьев и в моховых кочках, но земляные гнезда разрывали впервые, и я занялся учетом числа разоренных гнезд, регистрацией характера пищедобывательных действий медвежат. Наблюдать одновременно за тремя мишками, вразной копавшими муравейники, было трудно. Если я смотрел в блокнот, то не видел, что делают медведи, если смотрел на медведей, не видел, что писал. Я выбрал последнее и писал, стараясь не наложить одну строку на другую. Позже, расшифровывая эти записи, я ругал себя, вытирал проступавшую испарину и зарекался не писать больше так скверно. Но в каждый следующий сеанс опять торопился и, не глядя, выводил на тонких листах все те же замысловатые крючки и черточки. И все же мне удалось кое-чего достичь в этом трудном деле.

Муравьями медвежата кормились недолго, и вскоре мы перешли в светлую березовую колку на вечернюю кормежку. Стараясь не пропустить очередную запись, я не забывал лакомиться темно-красной ароматной земляникой и в этом занятии немного отставал от своих подопечных.

Прошло три дня. Медвежата научились добывать муравьев. Если вначале медвежонок грубо раскапывал найденный муравейник, перемешивал его обитателей с землей и подолгу орудовал языком, пытаясь выбрать белых личинок из этой земляной каши, то теперь картина изменилась. Присев около найденного муравейника, он несколькими точными, очень осторожными движениями передних лап, используя длинные выступающие вперед когти указательного и среднего пальцев, вскрывал купол муравейника и раскрывал гнездовую камеру. В гнездовой камере хранится основное богатство муравейника — личинки и куколки. Мишка чуть приподнимал голову и точно запускал язык в самый центр камеры. Поведение всей тройки было одинаковым. За несколько минут медвежонок мог разорить несколько десятков муравейников, почти полностью уничтожая содержимое их камер. Для молодых медвежат, не способных поймать какую-нибудь добычу, муравьи являются первым животным кормом после молока матери, необходимым для их нормального развития.

Теплая солнечная погода способствовала быстрому созреванию черники. Наступила пора, когда зеленые кустики сплошь украсились темно-фиолетовыми, подернутыми легким светло-серым налетом ягодами. Черника — обычная ягода в здешних лесах. Больше месяца висит она на кустиках и является одним из основных летних кормов не только для медведей, но и для многих других лесных зверей и птиц.

Малыши освоились на новом месте и теперь каждый день отправлялись знакомым путем к своему черничнику. По пути они успевали покормиться травкой, перевернуть камень или колоду, выискивая там насекомых, оторвать кусок старой, изъеденной короедами коры и, если находили под ней белую личинку, начинали лазать вокруг, пробуя на прочность кору засохших елей и осин.

Время от времени мои зверюшки разминались — устраивали рукопашные бои, лазали по деревьям, бегали друг за другом по лесу. Между собой они поддерживали постоянную звуковую связь, и стоило кому-нибудь забежать подальше, как через какое-то время оттуда уже доносилось характерное «чу-ф-ф, чу-ф-ф». Ему тут же вторили другие медвежата. Звуки эти обычно сопровождали наше продвижение. Я старался, как мог, подражать медвежатам, и они положительно реагировали на мои сигналы, принимая как должное этот способ общения.

В черничнике они чувствовали себя хозяевами. Каждый садился около облюбованного куста и принимался за дело. Сначала обрабатывались те ягоды, до которых мишка мог дотянуться ртом. При этом он смешно, трубочкой вытягивал губы, захватывая и обрывая отдельные ягодки. Когда уже нечего было обрывать, мишка начинал подвигать к себе кустики то правой, то левой лапой, захватывая их широко расставленными когтями. Обработав таким образом один участок, медвежонок переходил на новое место, и все повторялось сначала. В черничнике появились примятые участки — кормовые точки, характерные и для диких медведей, только размером поменьше.

Каждый раз медвежата кормились около двух часов, редко дольше, а потом начинали бродить по лесу или устраивались отдыхать. Во время кормежки вели себя тихо, не играли, не мешали друг другу, всем своим видом как бы подчеркивая важность занятия. Я завидовал их степенности, невольно сравнивая поведение медвежат с нашим: ведь зачастую обед для нас является поводом для веселых встреч. Отдохнув час-полтора, медвежата вновь принимались за чернику, и, если я не уводил их насильно, кормежка продолжалась до самого вечера с регулярными перерывами на отдых или игру. Вскоре мишки перестали церемониться с черничными кустами и, пододвинув очередной кустик, обрывали ягоды вместе с листьями. Теперь они захватывали широко открытой пастью сразу целую веточку и протягивали ее через зубы. При этом обрывались почти все ягоды и часть листьев. Жевали они такую порцию вяло, быстро проглатывали и

Молодые медведи очень любят купаться и устраивают на воде настоящие сражения

тут же обрывали ягоды со следующей веточки. Приходили мы на стоянку поздно вечером. Весь путь наш от ягодника до палатки был отмечен чернильными лепешками.

Питаясь черникой, медвежата почти ничего больше не ели. Лишь изредка кто-нибудь из них срывал листик лещины или клена, да по вечерам они нередко делали набеги на муравейники. Но когда у них появились резцы — по два острых клиновидных зуба сверху и внизу, — мишки начали интенсивно поедать медвежью дудку — крупное зонтичное растение с мощным сочным стеблем. Увидит медвежонок такой ствол-дудку, подойдет, понюхает и, с хрустом надкусив стебель, приклонит его к земле лапой и выгрызет сочную сердцевину, откусывая резцами большие куски. У маленьких медвежат резцы бывают так плохо развиты, что десны остаются почти голыми, и при акте сосания они не травмируют сосков матери. Эта особенность имеет свои неудобства при добывании растительного корма. Но теперь этот недостаток был устранен — острые крепкие зубы-резцы выросли.

Мои наблюдения за формированием пищевого поведения медвежат, поедающих чернику и добывающих муравьев из земляных гнезд, были закончены. Удалось выяснить принципиально важное обстоятельство. Для формирования пищевого поведения медвежат не потребовалось обучения через реакцию подражания. Можно полагать, что и в естественных условиях, в семье медведей, многие формы поведения зависят в большей степени от готов-

Взрослые медведи также не прочь освежиться, но ведут себя при этом степенно

ности, созревания медвежат к потреблению определенных естественных кормов и наличия контакта с ними в этот период. Конечно, тут играет определенную роль медведица-мать, но вряд ли делает она это умышленно, как иногда утверждают. Просто переходит со своим семейством в те места, где питается сама, и в те сроки, к которым уже привыкла, а сроки эти как раз и совпадают с готовностью медвежат к добыванию определенного корма. Весной, например, медведица идет в рано освободившиеся от снега уголья, хорошо прогреваемые солнцем. Здесь раньше, чем в других местах, начинают вегетировать злаки, другая травянистая растительность, и малыши получают первые уроки самостоятельного добывания пищи. Затем следует переход на окраины полей, лесные поляны, а на них бывает очень много небольших гнезд муравьев. Медвежата обучаются добывать этих насекомых и достигают в этом особого совершенства. Мамаша в это время здесь же питается снытью и подрастающей медвежьей дудкой. Позже медведица переводит семейство в чернич-

Для того, чтобы определить, сколько может съесть травы годовалый медвежонок за один час, нужно наблюдать за ним не один день...

ник. Детеныши ее обучаются поедать чернику, и так до самой осени следуют кочевки с места на место.

Конечно, нельзя думать, что реакция подражания в медвежьей семье играет небольшую роль, это было бы неверно, но малыши в определенном возрасте являются столь хорошо подготовленными к потреблению отдельного вида корма, что достаточно только обеспечить им контакт с этим кормом, чтобы сформировалось пищедобывательное поведение, в своей основе не отличающееся от поведения взрослых медведей. Эта важная особенность отмечается в течение всего периода формирования поведения медведей, проявляется и после того, как семья уже распадается: у полутораговых, отошедших от матери медвежат еще продолжает формироваться поведение, направленное на добывание отдельных растительных кормов (например, рябины, на которую в предыдущем году был неурожай, и т. п.) и проявляются элементы других форм поведения (социального, полового), которые не могли быть получены от матери через реакцию подражания.

РЕАКЦИЯ СТРАХА

Еще когда я вытаскивал медвежат из берлоги, то обратил внимание на их оборонительную реакцию: от протянутой руки они забивались в самый дальний угол берлоги, фыркали, дрожали мелкой дрожью. Если я не шевелил рукой, они быстро успокаивались и кто-нибудь из них начинал медленно, бочком двигаться к моей руке, проявляя явный интерес. Но стоило шевельнуть рукой, как такой храбрец тут же отскакивал в свой угол. Из этого можно заключить, что уже в берлоге у медвежат двух с половиной — трехмесячного возраста существует реакция избегания, но выражена она слабо и, возникнув от какого-то раздражителя, быстро затухает. Иными словами, медвежата до определенного возраста не способны по-настоящему пугаться и быстро успокаиваются. Предположение это подтвердилось затем в процессе нашей работы с мишками. Каждый раз, попадая на новое место, после небольшой трусливой передышки малыши начинали обследовать все вокруг: заглядывали в каждую щелку, толкали лапами и царапали новые предметы, обнюхивали их и нередко пробовали на вкус. При этом весь вид их выражал явное любопытство. Отдельные пни и камни, причудливо торчащий из земли, выбеленный солнцем еловый сучок, куски коры, выдолбленная дятлом у самого комля засыхающей елки дырка, невесть откуда затащенный на вырубку кусок пакли, шелестящие на ветру листочки обломанной ветром осиновой ветки — все, что попадалось на глаза вездесущим медвежатам, тщательно обследовалось. Они вдоволь меня позабавили, когда нашли неизвестно как попавший в лес старый ссохшийся ботинок. Строго соблюдая субординацию, сначала Тоша, потом Катя, а затем и

Яшка с самым серьезным видом нюхали ботинок, лизали его со всех сторон, кусали, лазали лапой внутрь, долго там шарили и, ничего не выловив, совали в башмак как можно глубже голову, фыркали там, вытаскивали голову и вновь лезли лапой. Пока один медвежонок обрабатывал ботинок, другой стоял рядом и терпеливо дожидался своей очереди. Каждый из них не меньше двух минут возился с ботинком, а потом Яшка схватил его зубами и понес. Яшку тут же атаковала Катя, к ней присоединился Тоша, ботинок полетел далеко в сторону, а все три медвежонка устроили кучу малу.

Бывали случаи, когда во время прогулки к нам подходил человек. Малышей это вначале настораживало, а затем они, приблизившись к подошедшему, пробовали затеять с ним игру, проверяя когтями на прочность его одежду. Обычно это действовало, и посетитель ретировался. Но иногда приходилось убеждать, упрашивать умильно улыбающегося, растроганного «чужесной прелестью» человека. Длительные контакты с чужими для медвежат были вредны, но иногда какой-нибудь упорный «знарок животных» не желал взять в толк моих пространных объяснений, и тогда приходилось уходить, уводя за собой малышей. К счастью, такие встречи были очень редкими, а позже и вовсе прекратились.

Каждая прогулка приносила медвежатам новые впечатления, обогащала их представление об окружающей среде. Не ведая страха подходили они к заинтересовавшим их предметам, которые чем-то выделялись на общем фоне, привлекали их звуком или запахом.

Как-то мы шли по лесной тропинке. Свежий ветер гулял над лесом. Под его порывами лес кряхтел, ухал, натужно вздыхал, плакал старыми трещинами и трущимися друг о друга сучьями. Внезапно прямо перед нами сильно затрещало — и на тропу грохнулся огромный осиновый сук, сломанный ветром. Медвежата зафыркали, зачихали от страха, но тут же успокоились и бочком-бочком направились к упавшему суку. Понюхали, полазали около него, пожевали молоденькие листочки и спокойно направились дальше. Испуг их был коротким. Любопытство оказалось сильнее страха. И хотя каждый новый резкий звук настораживал, а иногда и пугал медвежат, эта настороженность вскоре уступала место любопытству. У зверюшек проявлялось исследовательское поведение. Так длилось до середины июня. Когда медвежатам минуло пять месяцев от роду, я стал замечать, что они все более осторожно воспринимают новые предметы и звуки. Если их что-то беспокоило, они тут же бежали к ближайшему дереву и нередко взбирались на него. При этом шум от медвежат, их фыркание, царапанье когтями по коре дерева были далеко слышны. Если я оставлял медвежат одних, а потом пытался подойти к ним, не подавая звукового сигнала, мое появление всегда вызывало у них панический страх. Однако знакомое им пощелкивание языком быстро меняло картину. Ма-

лыши буквально съезжали с деревьев и с веселым фырканьем бежали навстречу.

Одежда моя состояла из штормовки защитного цвета, таких же брюк и резиновых сапог. В холодную пору поверх штормовки я надевал серую шерстяную куртку. На голове была серая шляпа. Изредка в местах, где было посуше, я менял сапоги на кожаные бродни, которые сшил сам. Обувь эта была легкой и удобной. Медвежата привыкли к моему облику и, если я находился от них не далее двадцати-тридцати метров, хорошо узнавали меня в лицо. Чтобы проверить их реакцию на мою внешность, я уходил в кусты, появлялся в другом месте, но не дальше тех же двадцати метров, и это не вызывало у малышей беспокойства. Услышат шум, посмотрят в мою сторону и продолжают заниматься своим делом. Стоило мне отойти на 50—70 метров в сторону, а потом выйти на открытое место и начать двигаться к медвежатам, как они сразу настаивались, становились на задние лапы, беспокойно фыркали, разворачивались, бежали к ближайшим деревьям и с шумом карабкались на них. Дальнейшее молчаливое движение в сторону медвежат пугало их еще больше, и они забирались на самые вершины. Когда я подходил совсем вплотную, они узнавали меня и начинали спускаться, но при этом все еще недоверчиво фыркали. Так удалось выяснить, что маленькие медвежата хорошо различают знакомые движущиеся предметы в «лицо» на расстоянии до тридцати метров. Но пугаются, если такие предметы находятся от них на большем расстоянии. В стойку медвежата становились довольно часто. В возрасте двух с половиной месяцев они во время игры становились на задние лапы, приподнимались на цыпочках и всей своей тяжестью обрушивались на партнера. Но уже первые выходы в естественные уголья показали, что медвежата становятся в стойку, как правило, тогда, когда их что-то беспокоит. Если медвежонок отставал, уходил немного в сторону и терял из вида «семью», он начинал беспокойно фукать и, становясь на задние лапы, вертел во все стороны головой, стараясь кого-нибудь увидеть или услышать. Резкий крик сойки, впервые услышанный дробный стук дятла, треск сучка, голос и звуки шагов идущего человека, цоканье белки, всевозможные шорохи, а также свежий запах лося или медведя непременно вызывали у медвежат положение стойки. Постояв так около пяти секунд, редко дольше, медвежонок успокаивался — значит, ничего опасного не обнаружил — и вновь принимался за прерванное занятие. В других случаях после короткой стойки он бежал к ближайшему спасительному дереву. Стоило одному из медвежат фукнуть и броситься к дереву, как два других тут же следовали его примеру.

Как-то мы все четверо кормились в черничнике. День был пасмурный, постоянно моросил мелкий дождь. Все вокруг промокло насквозь. Вначале я пытался прикрыться небольшим куском целлофана, который носил с собой, но дождевая пыль оседала вокруг, превращаясь в крупные тяжелые капли воды. Стои-

ло начать двигаться, как они горохом сыпались с кустов, высокой травы — отовсюду! Целлофан не помогал. Струйки воды затекали в сапоги, в ружава, за воротник — все пропиталось холодной водой. Не было никакой возможности писать что-нибудь, да и желания не было. Сырой лес тоскливо молчал, погрузившись в ватную дремоту. Лишь медвежата не страдали от этой прохладной купели — шерсть надежно защищала их тело.

Самая высокая точка тела стоящего медведя — холка. Она прикрыта густым пучком длинных волос. От холки волосы растут в радиальном направлении так, что попадающая на них вода скатывается во все стороны: к голове, к хвосту, а по бокам — по направлению растущих жестких остевых волос. Довольно густой мех почти не пропускает воду. В дождь медвежата время от времени энергично встряхиваются, освобождаясь от излишков воды, и чувствуют себя прекрасно. Я позавидовал рационально скроенной шубе малышей и с нетерпением ждал, когда они, наконец, насытятся, чтобы уйти к спасительной палатке. С унылой тоской я вспоминал то время, когда маленькие медвежата в пасмурные, дождливые дни почти ничего не ели, отлеживались, отсыпались, пережидая погоду. Теперь же, наоборот, казалось, что дождь, прохладный сырой воздух только прибавляют им активности. Я окончательно замерз, по телу гуляла знобкая дрожь, а медвежата переходили от одного кустика черники к другому и спокойно их обрабатывали. Вид их выражал сплошное удовольствие.

Только сейчас я узнал, как много черники может съесть маленький медвежонок, если он кормится в спокойной обстановке. Я уже собирался уходить, так как не было видно конца мерному чавканью медвежат, как вдруг все они встали на задние лапы и замерли. Я прислушался, но ничего не услышал. Неожиданно зверюшки все разом напролом, путаясь в густом черничнике, бросились к деревьям. Тоша и Катя с разных сторон ствола, обгоняя друг друга, полезли на толстую ель, а Яшка влетел на березу — и сразу все замерло. Сквозь мерный шелест падающих капель до меня донесся неясный чавкающий звук. Прошло немного времени, и совсем рядом треснул крупный сучок. Я присел, пригляделся и увидел вначале длинные серые ноги, а затем и самого нарушителя лесного покоя — лося. Он, конечно, слышал возню медвежат, но не побоялся подойти ближе и теперь стоял, как изваяние, прислушиваясь. Прошло не меньше минуты, прежде чем лось — молодой самец с рожками-шпильками — медленно повернул голову, стронулся с места и побежал подпрыгивающей рысью, смешно переставляя ноги-ходули. От шума, который он создал, медвежата полезли еще выше, и я не на шутку испугался за них — как бы кто не свалился. Но все обошлось благополучно. Я подал серию позывных сигналов, с трудом ворочая сводимой судорогой челюстью, медвежата спустились с деревьев, и мы пошли к своему стану. Поблагодарив про себя бродягу-лося, не разбирая дороги зашагал я по лужам, смело цепляясь за

ветки деревьев, склонившихся к тропе и щедро поливавших меня капелью. Это меня уже не беспокоило — вымокнуть сильнее я уже не мог.

В палатке я разделся и сразу же нырнул в мешок. За стенками палатки все так же шелестел тихий дождь и слышалось близкое мерное посапывание мишек. Надвигалась короткая летняя ночь. Я дал волю своей лени и, решив заполнить дневник утром, заснул.

Проснулся я от того, что кто-то из медвежат сильно тряс палатку. Быстро выглянул и невольно зажмурился — ослепило яркое солнце. Медвежонок, дергавший за оттяжку, давно убежал, и я не смог рассмотреть, кто это был. Быстро оделся, поел и вылез наружу. Солнце только начало пригревать. От размякшей набухшей земли поднимался легкий парок и тут же таял. Чисто вымытый лес отдавал звонким эхом. Птицы пели на все лады, а со стороны деревни слышны были мычание коров, лай собак и петушиные крики. Настроение было отличное. Хорошо себя чувствовали и медвежата. Не дожидаясь меня, они ушли на край овсяного поля и там кормились молодыми сочными проростками. Тоша ел лежа, а Катя и Яшка сидя. Я сел на солнышке, попеременно подставляя то один, то другой бок теплу. Завидев меня, медвежата поднялись и направились по знакомой тропе в лес, на черничник. Я поплелся сзади, на ходу делая записи основных событий вчерашнего дня. Уже около самой границы заповедника медвежата вдруг испуганно, с шумом бросились на первые попавшиеся деревья. В этом месте проходила лесная дорога. На дороге раздался хrap, треск и ... голос человека. Медвежата полезли к самым макушкам. Я пригляделся и за частоколом мелкого кустарника, отделявшего дорогу от высокоствольного леса, увидел верхового. Ехал главный лесничий заповедника. Ему с трудом удалось справиться с испугавшейся лошадью. Мы обменялись несколькими фразами. Он что-то упомянул насчет «медвежьей семьи» и поехал дальше, а я стал свидетелем первого, по-настоящему сильного испуга медвежат.

Чтобы отозвать их с дерева, я отходил, подавая звуковой сигнал, затем подходил и вновь отходил, а они все сидели наверху, удобно пристроившись на сучьях, крутили головами, смотрели вниз и не спускались. Впервые медвежата сидели на деревьях так долго — 27 минут. Обычно они спускались сразу, едва взобравшись на дерево, или через три-пять минут, если чего-нибудь сильно пугались. В этот же раз они, просидев так долго, осторожно спустились, с оглядкой вышли на дорогу, походили по ней, понюхали следы лошади и только тогда пошли за мной.

В журчащем ручье, полноводном от вчерашнего дождя, мишки искупались, поднимая каскады брызг, попили воды и пошли в лес. Постепенно успокоились и стали играть — бегать друг за другом. Особенно усердствовал Яшка. Уже второй раз я видел, как он, возбужденный, носился кругами, вскакивал на один-два метра на то или иное дерево, тут же съезжал с него, уносился на 80—100 метров в сторону и вновь возвращался, с

«Медвежьи метки» каждого интересуют по-своему

треском ломая попадающиеся на пути сухие сучья. Ни Катя, ни Тоша участия в игре не принимали, хотя Яшка дважды каждого из них приглашал, прыжками подступаясь к ним и расклевывая головой. Но вот мы пришли на черничник — и медвежата притихли, занялись сбором урожая.

И все же зверюшки мои в тот день вели себя странно. Обычно, еще только заслышав шаги приближающегося человека, они проявляли беспокойство — убегали в лес. Я уходил вместе с ними, и встречи с людьми не происходило. В квартале, где медвежата кормились черникой, располагались пробные площади ботаников, и люди ходили здесь довольно часто. Но нас никто не видел, не подозревая, что мы здесь обитаем.

Первая неожиданная встреча произошла с моей женой. Ни я, ни медвежата не услышали, как она подошла со стороны леса, присела в черничнике и долго за нами наблюдала. Потом встала и тихонько пошла к нам. Я увидел ее, когда нас разделяло 20—25 метров. Медвежата, каждый сам по себе, спокойно ели чернику. Шум, создаваемый движущейся женщиной, они, конечно, слышали, но никак на него не прореагировали. Уже не таясь, жена пошла к Тоше. Он глянул на нее, подошел, понюхал, присел рядом и стал обсасывать чернику — никакой реакции. Мы обменялись с женой двумя-тремя жестами, и она ушла. Медвежата, как будто, и не видели ее ухода. Через полчаса со стороны поселка раздались громкие голоса людей, звонко покотившиеся по притихшему лесу, оттуда шли трое сотрудников заповедника. Но медвежата и на этот раз не проявили реакции

страха и продолжали есть чернику. Я встал и, подавая звуковой сигнал, попытался увести их в лес, однако мои старания оказались тщетными. Малыши все так же спокойно ели чернику. Люди заметили их и, негромко переговариваясь, подошли ближе. Тоша и Катя перестали есть и направились к подошедшим молодым ребятам, но, не дойдя до них двух-трех метров, остановились, покрутили головами, усиленно принюхиваясь, и спокойно отошли. Зная о моей работе, люди, не задерживаясь, ушли, но не прошло и 20 минут после их ухода, как на просеке вновь показались две женщины. В этот день нам как никогда «везло» на посетителей! Женщины увидели медвежат, заговорили со мной. Мы перекинулись несколькими негромкими фразами. Меня очень удивляло и было непонятным то безразличие, с которым медвежата относились на этот раз к людям. Ведь в другое время они, как только слышали голоса людей и их шаги, непременно забегали в лес.

Одна из женщин стала собирать ягоды и немного подвинулась к медвежатам. От ее внешне малозаметного движения Тоша и Катя, что были поближе, разом шарахнулись в сторону! Насторожился и тревожно зафыркал Яшка, кормившийся в самом дальнем углу ягодника. Значит, мишки все же наблюдали за людьми и были начеку. Женщины сразу ушли. Зверята кормились еще целых три часа, а потом тут же в черничнике завалились спать. Они спали, а я по-прежнему ломал голову над их изменившимся оборонительным поведением. Ближе к вечеру, когда сотрудники стали возвращаться из леса, спокойно кормившиеся до того медвежата, как обычно, задолго до их появления насторожились, зафыркали и убрались в лес. Так что нас никто из проходивших уже не обнаружил. Все стало на свои места. Причиной необычного поведения медвежат, по всей видимости, явился сильный испуг от утренней встречи с всадником, и этот случай на некоторое время заметно повлиял на них, изменив их оборонительную реакцию. Лишь после сна торможение было снято, и поведение мишек стало обычным. Может, были тому и другие причины, но мне их не удалось отметить. Во всяком случае таких срывов у медвежат больше не приходилось наблюдать.

Экскурсия наша заканчивалась. Я собрал палатку, загрузил рюкзак, оглядел по старой привычке место своей многодневной стоянки и пошел домой. Мишкам предстояло несколько дней посидеть в клетке, а мне — подвести краткие итоги наблюдений. Мы благополучно добрались до центральной усадьбы, медвежата получили первую порцию своей каши, а мне была устроена настоящая баня — меня нещадно поливали горячей водой прямо во дворе так, что я всерьез забеспокоился за целостность своей отвыкшей от такой процедуры кожи.

Просмотр этограмм показал, что формирование пищевого и оборонительного поведения у медвежат происходит не только в плотной взаимосвязи друг с другом, но и существенно отличается продолжительностью течения реакций в зависимости от во-

У некоторых главных квартальных столбов устанавливаются дополнительные столбики, на которых проходящие сотрудники расписываются. Этот столбик и заинтересовал медвежонка

зраста зверюшек. Пассивно-оборонительное поведение четырех-пятимесячных медвежат чаще не имеет полной, выраженной формы. Обычно его проявление у медвежат этого возраста ограничивается ориентировочной (стойкой на задних лапах, ориентацией на поступивший сигнал) и ориентировочно-исследовательской (просматриванием места возникновения сигнала, прислушиванием, исследованием запаха) реакциями, а если и проявляется конечная реакция оборонительного поведения — избегание, то протекает она недолго. Только что испугавшийся медвежонок быстро успокаивается. Наоборот, поисково-исследовательское поведение в этот

же период преобладает над проявлением всех других форм, что весьма выгодно сказывается на формировании пищевого поведения. Частые перемещения с места на место, безбоязненное исследование новых предметов значительно повышают число контактов подрастающего животного с компонентами окружающей среды, облегчая тем самым процесс обучения за счет обогащения поступающей информации и, в частности, повышая возможность отбора наибольшего числа пищевых компонентов среды. В возрасте пяти месяцев заметно возрастают как число выраженных реакций избегания, так и продолжительность их течения, и проявляется весь комплекс оборонительного поведения, ориентировочная или ориентировочно-исследовательская реакция (оценка ситуации — повышение возбудимости — реакция избегания). Но к этому возрастному периоду уже образуются сложные формы биологического поведения, направленные на добывание и потребление многих основных видов естественных кормов, и защитные реакции оборонительного поведения лишь повышают возможность выживания молодняка, уже не являясь существенным тормозом в формировании пищевого поведения.

Известно, что проявление оборонительных реакций подавляет пищевое поведение. Нередко можно видеть, как обеспокоенный медвежонок поднимается в стойку, забывая в это время же-

вать зажатый во рту корм, пока не убедится в безопасности.

Как-то меня вызвал директор и сообщил, что одного медвежонка нужно отправить в Москву, на ВДНХ, для показа публике. Мы долго обсуждали эту проблему и решили отвезти Тошу, как самого сильного, самого красивого, в общем самого типичного русского медведя. А Яшку оставили, чтобы посмотреть, как этот недоразвитый в раннем возрасте медвежонок сможет подготовиться к зиме. О Кате разговора не было, самочку мы, разумеется, оставляли. Я выпросил у начальства десятидневную отсрочку — уж очень хотелось посмотреть на медвежат в лесу в последний раз в полном составе. Получив разрешение, мы все в тот же день ушли в лес.

В начале похода мне показалось, что той плотной связи между нами, которая наблюдалась раньше, уже нет. Чтобы проверить свои предположения, я начал то убыстрять шаг, то замедлять его и отмечал реакцию медвежат, а точнее, дистанцию, которую они поддерживали со мной во время движения. Позже, просматривая записи, я выяснил, что медвежата в периоды спокойного и медленного передвижения стимул-объекта (т. е. меня) нередко отставали на 30 и даже 50 метров, копались в лесной подстилке или грызли стебли медвежьей дудки, а потом бегом меня догоняли. Если я шел очень быстро, они не отставали и выдерживали дистанцию в 5—15 метров. На остановках мишки разбредались, а иногда и заходили довольно далеко в лес, чего раньше я за ними не замечал. Если я в это время уходил, они через 10—15 минут нагоняли меня точно по моему следу. Вид их был при этом спокойный, как будто мое отсутствие их вовсе не волновало. Я понял, что запах моих следов приобрел для них не меньшее значение, чем внешний вид. Еще раньше, в возрасте пяти месяцев, медвежата отыскивали меня по следу, если я уходил недалеко, но сильно волновались, часто сбивались с направления и тогда устраивали настоящие концерты с воем и рывканьем. Теперь, в возрасте шести месяцев, их поведение заметно изменилось.

На другой день я попытался сбить их со своего следа и быстро ушел вперед, пока они копались в куче сухого хвороста. Сделал круг в 50 метров диаметром, два раза быстро прошел по нему и прыгнул на наклонную валежину, удобно торчащую из ближайшего завала. Перешел по шершавым бревнам завала, спрыгнул на землю и ушел по прямой на 250—300 метров в лес. Подломив густой куст лещины, я сел на него так, чтобы хорошо видеть то место, где только что прошел. Прошло 40 минут. Медвежата не показывались. Я решил подождать, может быть, они устроят очередной «концерт» и тогда их должно быть слышно. Но из леса по-прежнему не доносилось ни звука. Я прождал еще полтора часа, сидеть дольше уже не смог и пошел назад, почти уверенный в том, что мишки давно убежали или к избушке на «Мартиновы Нивы», откуда мы пришли, или к Центральной усадьбе, до которой было километров шесть и откуда были слышны кое-какие звуки. Каково же было мое удивление, когда я, подходя

к тому месту, где старательно путал свои следы, услышал знакомое тревожное фырканье медвежат! Лишь только я подал звуковой сигнал, как вся тройка не замедлила явиться. Вид у всех был веселый, спокойный. Видно было, что мое отсутствие не повлияло на них отрицательно. Этот урок не пропал даром и впоследствии, если мне нужно было по каким-то делам отлучиться из леса, я «терял» медвежат и, выждав на своем следе пару часов, уходил в ближайшую деревню.

Было, однако, два случая, когда медвежата вывели мой след почти двухчасовой давности, но, по-видимому, это всецело зависело от погоды. В сухую ветреную погоду и в условиях сильной влажности (дождь, туман, роса) след сохранял запах недолго.

Итак, поведение медвежат изменилось вовсе не от того, что связь между нами стала менее прочной, просто они теперь не боялись потеряться, уверенно выходили ко мне по следу. Если же я «терялся», они долго оставались на одном месте, не отходя от него далее чем на полкилометра, и их легко можно было найти, подавая звуковой сигнал. В опыте медвежата много раз, иногда на 26 и даже на 38 часов оставались в лесу, но никуда за это время не уходили, хотя в более взрослом возрасте они уже неплохо знали уголья и отлично ориентировались.

И ВСЕ ЖЕ МЕДВЕДЬ — ХИЩНИК

В окрестностях заповедника много малинников, и ягода рождается ежегодно. Гари и чистые вырубki быстро заселяются этим кустарником. Не один год малина растет, набирает силу, а потом кусты покрываются сочной, нежной ягодой так густо, что издали кажется, будто весь куст обрызгали красной краской. Два-три года плодоносит малина. Но вместе с малиной на вырубке начинают расти березки, осинки, ольха, ивняк. Тонкие деревца тянутся кверху, крепнут и, наконец, раскидывают свои пушистые вершины навстречу солнцу. Еще долго живет под их пологом малинник, но уже нет в нем такого обилия ягод, а потом кусты и вовсе отмирают.

Мы миновали заповедник и выбрались на обширные вырубki соседнего леспромхоза. С трудом пробираясь по едва обозначенным, заросшим просекам, пришли на знакомый мне с прошлого года участок, заросший малиной. Царство ее кончалось — уже поднялись шеренги лиственных деревьев, но отдельные кусты малины еще поражали обильной ягодой. Мишки сразу же забрались в самую середину первого встреченного куста, и оттуда послышались треск сминаемых стеблей, довольное сопение, чмоканье, чавканье. Малиной медвежата кормились так же, как и черникой: присев у куста, медвежонок подтягивал к себе поочередно все веточки, до которых мог дотянуться, съедал на них ягоды и затем переходил на новое место.

Медвежата кормились малиной три часа. За это время они переместились не более чем на 10—15 метров. Меня совсем было одолели слепни и оводы, нещадно жарило солнце, а мишки знай себе чмокали в кустах. Наконец они выбрались из малинника, подошли ко мне и стали устраиваться на отдых. Отдыхать на жаркой вырубке я не собирался, тут же поднялся и направился под спасительную тень старого леса, что стоял в двух с половиной километрах. Мишки последовали за мной.

Мы медленно пробирались сквозь сплетения молодой поросли, как вдруг из-под самых ног выскочил маленький зайчонок и, подкидывая зад, не торопясь, запрыгал к кусту. Медвежата его не видели, но их реакция на запах превзошла все мои ожидания. Как только они учуяли зайца, сразу преобразились, стали бегать, принохиваться, движения их стали мягкими, пластичными, но в то же время быстрыми. Несколько минут трещали они кустами во всех направлениях, но никуда не сдвинулись с того места, где почувствовали запах косога. Мы уже далеко ушли, но еще долго то один, то другой медвежонок оставался и замирал. Это служило сигналом для остальных — они тоже (и я в том числе, невольно поддаваясь их состоянию) замирали и слушали, настороженно поворачивая голову из стороны в сторону. Это была реакция хищнического поведения, которая проявилась на первое сравнительно крупное млекопитающее и которую я видел у медвежат впервые.

Три дня пребывания в малиннике показали, что малина не такой важный для питания медвежат корм, как черника. Во-первых, если медвежата попадали в черничник, то вытащить их оттуда было очень трудно, из малинника же они уходили за мной сразу же, по моему зову. Во-вторых, питаюсь черникой, малыши почти ничего больше не ели, лишь муравьев и немного зелени. А в малиннике с меньшей охотой, чем ягоды, они поедали молодые побеги иван-чая, малины, листья лещины и клена, овсяницу луговую, ежу сборную, клевер и другие растения. Это подтверждало наши наблюдения за пищевым поведением диких медведей, которые, несмотря на регулярные обильные урожаи малины, не были частыми гостями в малинниках. Возможно, одним из основных факторов, ограничивающих использование медведями ягод малины, является размещение малинников по сравнительно открытым местам, которых медведи избегают.

Вскоре мы перешли на водораздельные луга, в урочища «Межа» и «Овсянник». Совсем рядом здесь берут начало две реки, текущие в разных направлениях. Река Межа, крупный приток Западной Двины, течет на юг, а река Тюдьма — на север, впадая в водную систему Волги. Небольшие болотца дают начало маленьким чистым ручейкам, которые перебираются из одной ложбинки в другую, петляют среди бесконечных кочек, набирают силу. Узкой змейкой текут они по лесной чаще и говорливо журчат, перекатываясь через почерневшие, отшлифованные водой стволы деревьев, перегораживающих путь, потом выбегают на

На деревенском заборе

светлые лужайки, искрятся на солнце веселыми зайчиками и снова прячутся в лесном сумраке. Водораздельные луга буйно зарастают травой, а на высоких кочках селятся муравьи. Эти места часто посещают медведи — повсюду можно видеть многочисленные следы их деятельности. Вот сорвана верхушка у болотной кочки — медведь лакомился муравьями, а чуть дальше выкопана ямка и рядом задраны целые пласты дерна — это он охотился на мышей. Здесь мы и остановились.

На одной из полянок — груда как попало сваленных старых бревен и насквозь прогнивших досок. Когда-то здесь стоял сарай, где хранили скошенное сено. Сено на лугу уже давно не косили, а сарай развалился от времени. Я оборудовал себе место в этом хламе, пристроив понадежнее крышу из старой дранки, а медвежата ушли выбирать себе место для лежки в лесу. Здесь мы провели несколько дней.

В первый день погода быстро испортилась, и к ночи пошел затяжной дождь, не прекратившийся и утром. Часы ночью остановились, я забыл их вовремя завести, и невозможно было понять, который час. Свет солнца совершенно не пробивался сквозь однообразную серую пелену, заполнившую все вокруг. Матовая сетка дождя повисла над поляной. Деревья терялись в мягком мареве, птиц не было слышно. Даже мишки не показывались из леса.

Я разжег маленький костер, ежась от сырости и кашляя от дыма, и приготовил нехитрый завтрак.

Раздался близкий шорох. В проеме между досок показалась любопытная мордочка Кати. Я еще ничего не успел предпринять и подумать, как она быстро подошла к догоравшему костру и принялась ожесточенно расшвыривать угли, топтать их, придавливая лбом шипящие сучки. Испугавшись за ее благополучие — могла обжечься! — я прогнал ее. Медвежонок тушил костер, тушил отчаянно, не хуже любого пожарного! Шерсть у Кати на лбу и на левом боку украсилась подпалинами, но это только придавало ей более воинственный вид. Я старательно затоптал остатки углей.

Сырая дождливая погода в преддверии осени не действовала так удручающе на медвежат, как раньше, и через несколько минут после борьбы Кати с костром все три медвежонок уже кормились на лугу. Они не оставляли без внимания ни отдельные камни, ни полусгнившую колоду или трухлявый пенек. Активно исследовали все вокруг: отдирали пластами дерн и выбирали какие-то корешки, лазали по деревьям, играли и вели себя как обычно. Я бродил за ними целый день, завидуя непромокаемой медвежьей шубе, могучей стойкости и здоровью этих зверей.

Лишь к вечеру легкий ветерок разорвал, наконец, серое однообразие облаков, закрутил их клубками и потащил на северо-восток. Прояснило. Показалось оранжево-красное вечернее солнце, и над лесом встали столбы тумана — от теплой обильно политой дождем земли шел пар.

Утро встретило нас звонким хором лесных звуков, прозрачным легким туманом, который вскоре рассеялся, уступив место ясному и теплому летнему дню. Настало время очередной встречи с женой для заправки провизией, и мы пошли к условленному месту. Путь нам преграждала толстая осина, сваленная ветром. Катя и Яшка перелезли через нее, а Тоша попытался пролезть под ствол, но застрял — дырка оказалась слишком мала. Со страху он заревел, задергал ногами и рванулся назад с такой силой, что вылетел вместе с кучей прошлогодних листьев, перевернулся через спину и сел. Посидел, почесал задней ногой за ухом, отошел немного в сторону, а потом опять полез под осину и благополучно выбрался с другой стороны. Я так и не понял, почему он не полез через дерево. Скорее всего медвежонок просто проявил характер.

Несколько часов размеренной ходьбы — и я весь в ожидании желанной встречи. Неожиданно со стороны, противоположной от поселка, раздались неторопливые шаги. Медвежата насторожились — кто-то шел. Нужно было срочно уходить, чтобы избежать встречи с человеком. Но с минуты на минуту должна подойти жена, как ей дать о себе знать? Пока я соображал, лихорадочно перебирая все возможные варианты, на дорожку выскочила коза! Обыкновенная козочка с любопытной мордочкой, украшенной маленькими рожками и торчащими в стороны ушками! Медвежата бросились к ней так быстро, что козленок не успел сделать назад и шага! Тройка сбила козленка с ног и принялась мять,

Игры бывают разные

царапать, ломать, хватать за что попало еще не вооруженной мощными зубами пастью. Я кинулся отбивать козленка, на помощь мне подбежал человек. Через минуту я уже поспешно уводил возбужденных, фыркающих и рвущихся в атаку медвежат. Козленок принадлежал одному из сотрудников заповедника, был ручной и часто сопровождал его в лесу. В момент нападения поведение медвежат было похоже на игру, но отдельные движения, азарт и возбуждение их показывали — игра эта особенная. Позже я уверился в том, что медвежата именно напали на козленка, как на добычу, когда наблюдал за поведением полугодовалого медвежонка, поедавшего павшего теленка. Он все время старался сломать, смять, порвать, проташить свою добычу — это были те же самые движения, что я видел у моих мишек, когда они напали на козленка.

Случай с зайцем в малиннике и нападение на козленка ясно подтверждали — у медвежат в возрасте шести с половиной месяцев уже формируется хищническое поведение, направленное на поимку и захватывание жертвы. Предположение это впоследствии подтвердилось.

Как-то мы вышли погулять у Центральной усадьбы. Отошли от поселка метров на триста. Я уже собрался присесть где-нибудь, чтобы не смущать медвежат своим перемещением с места на место, но невольно обратил внимание на необычную позу Кати — она замерла, как-то вся подобралась, уставившись в одну точку, приподнялась на пружинящих ногах. Я еще ничего не успел сообразить, как она плавно потянулась вперед и быстро

побежала! Впереди раздалось тревожное кудактанье и среди мелких пушистых елочек, густо заселивших придорожную полосу, белым шаром заметалась курица. Катя так упорно ее преследовала, что я сразу понял всю бесполезность каких бы то ни было моих действий. В считанные секунды она поймала курицу, быстро придавила лапами к земле и тут же разорвала надвое, схватив пастью за живот. Яшка, не принимавший в этой травле никакого участия (я даже не видел, что он делал), быстро подбежал к Кате и решительно полез к ее добыче, заунывно подывая и царапая когтями землю. Его поведение не являлось попрошайничеством, а скорее выражало угрозу и нажим на Катю с целью завладения добычей. Катя, пожирая курицу вместе с перьями, не обращала на Яшку внимания, но он вдруг решительно протянул лапу и крепко придавил ею часть птицы к земле. Катя рванулась в сторону, утаскивая остатки курицы, но солидный кусок, придавленный Яшкой, оторвался, и он его с удовольствием съел. Курица была съедена без остатка.

Несколько позже все та же Катя атаковала маленького щенка, попавшегося ей на глаза у одного из сараев, стоящих у самого леса. К счастью, щенок вовремя заметил бегущего на него медведя и быстро юркнул под сарай. Катя с разгона пыталась пролезть за ним, но сильно стукнулась лбом о бревно — дырка для нее оказалась слишком мала. Я с ужасом понял, что ничего бы не успел сделать, если бы Катя схватила щенка. С тех пор я далеко обходил поселок стороной, понимая, что в отдельных критических ситуациях мне не всегда удастся справиться с подростками медвежатами.

ТОША ЕДЕТ В МОСКВУ

Через два дня мы стали снаряжать Тошу в Москву. Сначала хотели сделать из вольерной сетки примитивную клетку и в ней отвезти мишку на грузовике, но потом решили попробовать покатать Тошу в «Москвиче». Осторожно завели его в открытую дверцу, но как только я запустил мотор, мишка ошалело выбежал из машины и бросился на ближайшую елку. Однако уже через пятнадцать минут, после терпеливой тренировки, мы благополучно катали его по поселку, делая рискованные крутые повороты, так что Тошку швыряло на заднем сидении от одной дверки к другой. Мишка не возражал против таких упражнений. По его морде можно было видеть, что такая езда ему даже нравится. Нашлись еще пассажиры до Москвы, причем вовсе не боящиеся проехать рядом с Тошей. А мне только этого и было нужно, так как за медведем устанавливался какой-то пригляд. Я был за рулем, а дорога отнимает много внимания.

Выезд из заповедника на трассу оказался не простым — после дождей дорогу кое-где размыло, и мы то и дело проваливались в колдобины. Я усиленно вертел руль, старался объ-

ехать очередную выбоину, но не всегда успевал заметить следующую, и наш многострадальный «Москвич» с уханьем хлюпал в очередную яму, рычал, визжал, скоблил днищем кузова по гравию, но упрямо полз вперед, показывая свои возможности в столь трудных дорожных условиях. Наконец мы выбрались на асфальт, облили из придорожной канавы кузов машины, протерли его тряпками — и он засиял лазурной краской, как новенький. Тошу прогуляли. Он полазал немного по кустам, а потом послушно забрался на свое место. Опеку над ним взяла одна из пассажирок, с которой мишка удивительно быстро подружился.

Мотор взвыл, машина пискнула шинами по асфальту, с места набирая скорость, и мы покатали в столицу. Путь был не близкий — предстояло отмерить 300 километров. Решили сделать три остановки, если Тоша не потребует новых условий. Когда подъехали на заправку во Ржеве, две молодые девушки-заправщицы увидели медвежонка, заулыбались, постучали пальцами в широкое толстое стекло своей кабины, что-то громко сказали в мегафон и отпустили нам бензин. За Ржевом вдоль дороги потянулись поля с желтыми хлебами, а в одном месте прямо от дороги начиналось широкое поле, засеянное овсом, через которое тянулась узкая дорожка с глубоко прорезанными колесами телег колеями. Мы остановились у этого места, и я решил погулять с Тошей по овсам — больше у него такой возможности не будет. На прогулку пошли и две женщины, чье присутствие для медвежонка стало уже привычным. Тошка никогда не видел спелого овса, но, не долго думая, заломил лапой несколько стеблей и стал обрывать по одному зернышки. Через минуту он уже брел через ровное желтое поле скорее из желания познакомиться с новой обстановкой, чем с расчетом добыть что-нибудь съестное, хотя в дорогу его мы не кормили, чтобы легче было ехать. Еще в двух-трех местах медвежонок попробовал овса, поковырял рыжую глинистую землю, вынюхивая мышиные ходы, и мы заспешили к машине — основной путь был еще впереди.

День выдался жаркий. При подъезде к Истре всех разморило, а Тошка пыхтел и сопел, истекал слюной, широко открывая пасть. Пришлось сделать вынужденную остановку у небольшого ручья, над которым пролегал¹ дорога. Я открыл дверь. Опасаясь, как бы медвежонок не побежал в сторону дороги, я тревожно зафукал и повел его к воде. Тоша спокойно слез с насыпи, сразу забрался в ручей, пополз в мелкой воде на животе, повернулся на бок. Он кряхтел и сопел от удовольствия и никак не хотел выбираться целых 20 минут. Наконец, удалось водворить его на место под оханье пассажирок — Тоша замочил их платье.

До Москвы мы доехали без происшествий. Уже недалеко от Выставки постовой милиционер подал нам сигнал остановки, заметил, наверное, «чужие» номера, но, разглядев с почтенным видом восседавшего на заднем сиденье мишку, заулыбался ши-

роко, приветливо, взял под козырек и ловким движением профессионала дал разрешение следовать дальше. Мы сдали Тошу с рук на руки. Его поместили в просторный круглый вольер. Теперь ему предназначалось веселить пеструю публику, проводя жизнь в сытой лени и довольстве.

Для экспериментов остались Катя и Яшка. Им построили две просторных клетки, и в период передержки каждого медвежонка можно было сажать отдельно. Сначала они никак не хотели сидеть порознь — скандалили, трясли прутья клетки, но потом привыкли и довольствовались тем, что могли видеть друг друга — клетки стояли рядом. Рассадили их в связи с тем, что медвежата начали обсасывать друг друга. Вначале эта вредная привычка, наблюдаемая в неволе почти у всех медвежат, проявлялась не так стойко. В лесу голодные медвежата почти постоянно были заняты разыскиванием корма. Обсасывание можно было наблюдать только на отдыхе. В нем совсем не участвовал Тоша. Катя же с Яшкой принимали характерную позу: она ложилась, а он садился к ней поближе. Катя начинала сосать у Яшки шерсть на животе, а Яшка — Катины уши, попеременно то правое, то левое. При этом они довольно урчали, издавая звуки, характерные для акта сосания у медведей: «ер-ер-ер-ер ...» В неволе некоторые медведи довольно долго, до двух-трех лет, обсасывают свою лапу, обычно какую-нибудь одну. Реже сосут металлический прут решетки, тоже один и тот же, или иной доступный предмет. Возможно, и в естественных условиях, в семье, медвежата обсасывают друг друга или сосут свою лапу. Мне приходилось слышать характерные для сосания звуки, издаваемые полугодовалыми медвежатами, около которых уже не было матери. Видел я и медвежонка с мокрыми измочаленными ушами — точная копия Кати после того, как ее «обрабатывал» Яшка.

Рассаженные порознь медвежата вздыхали особенно тоскливо перед тем, как улечься спать. Катя иногда сосала свой язык. Яшка стойко терпел до очередной экскурсии.

НА ОБСАХ

Приближалась ответственная для медведей пора — осенняя нажировка. Хотя и не очень суровы зимы в Верхневолжье, но четыре месяца лежит медведь в берлоге да еще месяц, а то и полтора после зимовки ждет появления первой растительности. Вот и стараются мишки осенью запасти побольше жира.

Здесьняя тайга бедна нажировочными кормами. Брусничников мало, и они интенсивно посещаются людьми. Обильные урожаи лещины редки. Лишь рябина да травянистая растительность составляют основу осеннего питания медведей. Но и на этих кормах с августа до конца октября бурые медведи успевают накопить жир, достаточный для благополучной зимовки. Истинных медведей-шатунот тут никто не помнит.

Полуторагодовалый медведь, испугавшийся свежего запаха медведя-самца, убегает и может несколько часов подряд отсиживаться на дереве

Конечно, местных медведей выручают и посевы овса. И хотя не долго удастся им кормиться овсом, но и за короткое время они быстро отъедаются, существенно поправляя свой жировой баланс. Поэтому в пору, когда начинает наливаться овсяное зерно, со всех сторон, из самых дремучих углов приходят медведи к овсяным полям, поселяются вблизи и как только начнет темнеть, идут на поле. Не одну сотню лет отработывал здешний медведь свою тактику посещения овсяного поля. Нередко платил он за свои набеги шкурой, но по-прежнему каждую осень опять шел на овсы и осторожно, с самого края поля начинал мять посевы. Кормятся

овсом медведи до тех пор, пока зерно не уберут. И если где-то остался нескошенный клочок посевов, медведь будет ходить сюда долго, а иногда и ляжет поблизости в берлогу, захваченный первым снегом. Вот поэтому очередную экскурсию с медвежатами я решил провести в заброшенном хуторе «Токовье», где еще сохранился пригодный для жилья один дом. Дом этот стоял посреди засеянного овсом поля, а поле охотно посещали медведи разных возрастов, полов и размеров.

Как всегда, за два дня до выхода в лес медвежатам сократили дневную порцию обычного корма, а в последние сутки и вовсе не кормили. Так они быстрее переходили на питание естественными кормами. Если мы кормили их до самого последнего момента, то три дня в лесу мишки почти ничего не ели, пока голод не заставлял их искать себе пищу. Трехдневные голодовки, по моим наблюдениям, не влияли на внешнее состояние медвежат, но моя жена во всем придерживалась размеренного режима и была иного мнения. Режим в равной степени распространялся как на членов семьи, так и на всю живность в нашем дворе. И если нам (мне и детям) еще удавалось иногда игнорировать ее требования, то все остальные — собаки, куры и медведи — не имели такой возможности. Стоило немалого труда убедить жену в целесообразности голодовки медвежат для более плодотворной работы. Мои убеждения не всегда на нее действовали, и она, не

выдержав, старалась подсунуть мишкам кусочек незаметно. В лесу я сразу замечал это по поведению медвежат, но выговаривать было уже некому.

Теперь нам предстояло выяснить, как пройдет нажировочный период у подопытных медвежат. Сумеют ли они накопить жир для того, чтобы пережить зиму? Какой вес будет у них перед залеганием в берлогу? В зоопарках к осени медвежата-сеголетки весят 50—60 килограммов. Из немногих отрывочных сведений о массе медвежат-сеголеток, добываемых осенью и зимой охотниками, было известно, что в этот период она составляет 30—35 килограммов. Чтобы приблизиться к этому показателю, подопытным медвежатам за короткое время нужно было почти удвоить свой вес. Как они справятся с этой задачей? Это предстояло выяснить.

На рассвете я выпустил мишек из клеток, и мы зашагали в «Токовье» через заповедник по просекам. Напрямую туда было немногим более 10 километров. Но переход с остановками, обходом урочища «Малые Ясновицы», где пасли скот, и деревни Большие Ясновицы занял целый день, а протяженность маршрута составила более 25 километров. Во время перехода мне удалось наблюдать реакцию медвежат на свежий запах лося и присутствие крупного медведя. Едва мы отошли от усадьбы по знакомой, хорошо набитой тропинке метров триста, как впереди, в сорока метрах справа от нас громко затрещали сучья! Треск покатился по просыпающемуся лесу и смолк — побежал какой-то крупный зверь. Медвежата мгновенно взлетели на первую попавшуюся елку и затаились. Я присел, наблюдая за их поведением. За две минуты медвежата не издали ни звука. Потом Катя с шумом выдохнула несколько раз воздух — сигнал беспокойства. Прошло еще полторы минуты — и медвежата начали опускаться, пофыркивая и покашливая от непрошедшего возбуждения. Спустившись, они сразу направились на место, где только что стоял зверь, наделавший столько шума. Я двинулся за ними следом и, как и ожидал, обнаружил свежий помет и следы лося. Медвежата медленно, бесшумно переступая, обошли и обнюхали все следы, помет, веточки, траву на площадке, вытоптанной лосем. Задирая морду вверх, шумно нюхали воздух. Катя долго чмокала: «н-го, н-го, н-го». Звук этот слабый, медведи производят его больше в нос, слегка приоткрывая пасть, в момент возбуждения, особой настороженности или неясной опасности. Нечто похожее издает водящая медвежат медведица, но у нее этот звук звонкий, щелкающий: «мнго-мнго-мнго!». Двенадцать минут медвежата ходили взад-вперед по следам лося. Потом начали играть: лохматыми шарами покатались друг за другом по узкой тропинке.

Через полтора километра мы наткнулись на след крупного медведя. Ширина отпечатка его плантарной мозоли равнялась 19 сантиметрам, а длина 10. Медвежата не обратили на след внимания, хотя на вид он был довольно свежим. Медведь про-

шел в ту сторону, куда мы двигались, и время от времени на тропе можно было видеть его следы.

Мы прошли четыре километра. Медвежата вразвалочку ковыляли впереди меня по лесной дороге, но вдруг остановились как вкопанные, воткнувшись носами в землю. Я подошел и увидел тот же след медведя. По-видимому, этот отпечаток уже имел ощутимый запах, что и подействовало на зверюшек. Не обнаружив ничего примечательного, кроме следа, я пошел вперед. Медвежата не пошли за мной, как обычно. Они осторожно переходили от одного отпечатка к другому и нюхали их, не отрывая носа от земли. Потом стали возбужденно фукать. Я осмотрелся. Сбоку дороги возвышалась полусгнившая куча хвороста: дорога когда-то чистилась и обрубленные ветки складывали в аккуратные штабеля. Верхушка этой кучи, продуваемая ветром, просохла, и я прилег на нее, не боясь промокнуть. Прошло семь минут. Наконец медвежата оставили след, осмотрелись и, не увидев меня, медленно поплелись по дороге. Когда они приблизились, я встал, собираясь идти дальше, но мое движение сильно напугало медвежат. Яшка испуганно рюхнул. Тотчас оба медвежонка бросились на высоченную елку и в один момент забрались к самой вершине. Карабкаясь на дерево, они наделали много шума, но я успел расслышать, как в глубине леса громко хрустнул сучок и фыркнул медведь. Да ведь он был совсем рядом! Медвежата его чуяли, поэтому и вели себя так странно. Заслышав медведя, малыши полезли еще выше. Темными силуэтами они просвечивали сквозь разлапистую елку, примостившись на самой макушке. Сидели тихо. Только несколько раз кто-то из них шумно выдохнул воздух — хакнул. Я затаился. Через десять минут прилетела кедровка, уселась на елку рядом с мишками и принялась скрипуче кричать. Покричала пару минут и улетела. Еще через 10 минут медвежата зашевелились, но не слезли. Расселись поудобней на сучках и замерли. Прошел час. За это время где-то в лесу лишь один раз негромко потрещал валежник — больше я ничего не мог разобрать. Наконец, Катя, которая сидела чуть ниже, начала спускаться. Спустилась метров на пять, подумала немного и снова забралась обратно. Села рядом с Яшкой, обняла ствол лапами и затихла. Не выдержав такого отсиживания, я стал звать медвежат, но еще не скоро они решили спуститься. Я ходил под деревом, чмокал, ходил по дороге, отходил, снова возвращался, а медвежата слезут метров на пять-шесть и опять сидят. Семнадцать минут медвежата спускались с елки. Начиная с этого момента они стали постоянно пользоваться деревьями для отдыха и сна — так, видимо, было безопасней.

Пока мы добирались до «Токовья» нам попались ночные следы еще двух медведей, но они уже «остыли» и на мишек не подействовали. Придя на место, я спрятал понадежней рюкзак с провизией и отправился в обход овсяных полей. В лесу и в кустарниках рядом с полем уже появились первые тропы медве-

Никогда нельзя предугадать, что медведь сделает в следующее мгновение...

дей, но выходов на овсы было еще очень мало. Зато кабаны не стеснялись: то тут, то там виднелись двухрядные отпечатки острых копыт, смятые, как срезанные, стебли овса и выплюнутые остатки жеванных зерен. Кабаны разжевывают сорванные зерна, высасывают молочко, а оставшуюся шелуху частично выплевывают, частично проглатывают.

Овсы стояли хорошие. Чуть зажелтевший ковер поля перекашивался живыми волнами под порывами упругого, налетевшего из-за леса ветра, шумел ровно и спокойно. Над ним стоял особый, сладковато-пряный дух, от которого тревожно и радостно щемило в груди, перехватывало дыхание. Когда-то доводилось сидеть мне за штурвалом комбайна, вот с тех пор и осталась, крепко засела эта потребность — подойти к хлебному полю, поддержать в ладонях золотые колосья, вдохнуть запутавшийся в них ветер.

Медвежата нашли на краю поля полусгнившее бревно и, отди-

рая со всех сторон щепки, стали доставать муравьев. Им еще не было знакомо вязкое, приторное молочко наливающихся зерен, чувство сытости и довольства после пастьбы на овсах. До этого времени они еще ни разу не наедались в лесу досыта. Постоянное чувство голода толкало их вперед и вперед, заставляло рыскать вокруг, находить съедобные части растений, насекомых, мышей. Голод и является тем главным механизмом, который способствует формированию пищевого поведения, обеспечивает образование связей с окружающей средой, тех связей, от которых зависит благополучие подрастающих животных.

В этот вечер медвежата лишь попробовали овес, сорвав по нескольку зерен. На поле, которое было для них еще незнакомо, они не пошли. Я решил их не принуждать — пусть ходят, где хотят, и едят, что найдут. Для ночлега они выбрали себе уютный уголок в полуразрушенном сарае, а я поселился на просторной русской печке, занимавшей треть избы.

В первые пять дней медвежата ели по 150—300 граммов овса в сутки, в основном питались травой, но потом постепенно стали поедать все больше и больше зерна, а вскоре перешли на питание исключительно овсом, съедая его по шесть-восемь килограммов в сутки. Вначале их действия были какие-то неумелые. Выйдет медвежонок на край поля, свалит несколько колосьев лапой, сядет или ляжет около них и выбирает по одному зернышку, как муравьев из муравейника. Иногда Катя или Яшка подвигали к себе пучок колосьев и обирали с них зерна, но все также, по одному. На поле они выходили лишь тогда, когда я был рядом. Стоило чуть отойти в лес, как медвежата бросались за мной. Было видно, что ведут они себя настороженно. Лишь на шестой день пребывания у овсяного поля картина их поведения заметно изменилась: они выходили в овес, садились или ложились среди колосьев так, что их едва можно было различить по ритмично поднимающимся над полем черным головам, и начинали есть. Захватив когтистой лапой сразу несколько стеблей, медвежонок подтягивал их к себе, при этом из метелок формировался целый пучок зерен. Широко открытой пастью мишка забирал весь пучок в рот и плавным, но быстрым движением головы вбок или вверх отрывал зерна, пропуская стебли через зубы, как через расческу.

Как-то мишки увлеклись едой, и я решил оставить их на поле одних. Тихо отошел к лесу и забрался на старую, изрядно подгнившую вышку, что была установлена здесь несколько лет назад специально для наблюдений за дикими медведями. С вышки было хорошо видно и медвежат и окрестности, да и комары принимали меньше. Была у меня надежда и на то, что с вышки удастся посмотреть на медведя, который регулярно ходил кормиться в дальний угол этого же поля. Но едва я полез вверх по шаткой, полусгнившей лестнице, как медвежата разом перестали есть, ушли с поля, подошли ко мне и сели рядом — так они себя чувствовали уверенней. Я все же взобрался на вышку, поудобней

устроился на почерневшей от дождей и солнца доске-сиденье и осмотрелся. «Сижа» (местное название вышки) была построена со знанием дела, и с нее открывался хороший обзор — было видно все поле. Медвежата постояли внизу, как бы раздумывая, а потом полезли на соседнюю березу, взобрались чуть не на самую вершину и удобно расселись на сучках, рассчитывая, по всей видимости, на продолжительный отдых. Отломив мешавшую наблюдению веточку, я откинул капюшон штормовки, обработал лицо и руки мазью от комаров и затих. Теперь нужно было сидеть очень тихо, иначе рассчитывать на приход медведя было нечего. По следам, которые я обнаружил на тропе вблизи поля, медведь этот был средних размеров, а такие звери иногда выходят на поле и засветло. Старые крупные самцы обычно приходят на овсы ночью, в светлое время суток их удается увидеть здесь очень редко.

Мои размышления прервал скрежет, прозвучавший в вечерней настороженной тишине особенно громко. Мишкам наскучило сидеть на своей березе, и они с шумом полезли вниз, а потом вышли и на поле — кормиться. Увидеть медведя я уже не надеялся. Зато было удобно наблюдать за моими малышами и, пользуясь тем, что еще было светло, я принялся описывать их пищевое поведение, фиксируя действия по секундомеру. Через семь минут Катя сделала стойку, настороженно фыркнула и побежала к лесу. Яшка тоже принял положение стойки, постоял десять секунд, поводит головой из стороны в сторону, но, видимо, не обнаружив ничего подозрительного, не спеша пошел за Катей. Медвежата углубились в лес метров на 50—70 и слышно было, как они полезли на дерево, царапая когтями ствол, — некоторое время оттуда было слышно негромкое фыркание Кати. Потом все стихло. Я так и не понял, что заставило мишек уйти с поля, и решил посидеть тихо и подождать — может, что и произойдет.

Сумерки сильно сгустились, и рассмотреть что-либо на поле было уже трудно. Не выдержав бездействия, я пошел посмотреть на мишек. Отыскал старую ель и едва рассмотрел медвежонка, который тихо сидел на высоте около 20 метров. Попробовал позвать малышей, но они на мой сигнал не отреагировали. Решив, что они устроились на отдых, я был рад посидеть около поля и послушать. Была та самая пора, когда вечер переходит в ночь и многие лесные обитатели выходят из своих укрытий — кто покормиться, кто прогуляться.

Вскоре мои ожидания оправдались. За перелеском, там, где были лисьи норы, несколько раз тявкнула лисица — наверное, вышла на охоту. По овсу кто-то неторопливо, степенно прошуршал, а потом и выдал себя кряхтением да хрюканьем — это шел барсук, он тоже любит кормиться на овсах. Потом с елки слезли медвежата и подошли прямо под мою сижку. Я не стал упрямиться и слез. Мы вышли на овес. Мишки сразу улеглись и заработали лапами — слышались только шелест колосьев да треск

обрываемых зерен. Это было по-настоящему первое длительное кормление — до половины первого ночи! К двум часам пыхтящие, раздувшиеся как шары мишки (я потрогал их руками) подошли ко мне и устало ткнулись в ноги. Уразумев, что ужин окончен, я пошел к своему дому, но только мы приблизились к дороге, которая разрезала два поля пополам, как вдруг послышалось мерное чавканье: кто-то шел, хлюпая по лужам, — они никогда не пересыхали на этой дороге. Медвежата сразу куда-то удрали, а я притаился у запотевшего от росы тонкого ствола одинокой березки и на всякий случай вытащил топор. Равномерное чавканье приближалось, я было подумал, что идет не медведь, а лось, как вдруг совсем рядом всхрапнула лошадь и раздался спокойный голос человека. По голосу я узнал егеря В. П. Гуляева, охотника и следопыта, который жил на кордоне в шести километрах от «Токовья» и теперь возвращался домой из деревни Жердовки. Его лошадь хорошо знала дорогу, была на редкость спокойной, не боялась зверей — ни кабанов, ни медведей, ни лосей. Я окликнул егеря. Он обрадовался поздней встрече, и мы обменялись новостями, из-за густоты ночи совершенно ничего не видя, расспросили, как водится, друг друга о делах. «А я слышу, — говорит, — лошадь всхрапнула, значит, есть кто-то рядом. Она у меня зря голос не подаст. Выходит, это ты тут со своими подопечными кормишься». Лесник поехал своей дорогой, пожелав нам всего доброго. Я дождался, когда затихнет шум, и позвал медвежат. Они дружно откликнулись на мой зов фуканьем и прибежали. Не успел я сделать и двух шагов, направляясь к дороге, как левая нога заскользила в сторону, правая крепко зацепилась за пучок переплетенной травы и я, прикрывая рукой глаза, полетел вниз головой в какую-то яму. Ямой оказался совсем неглубокий придорожный кювет, но воды и ила в нем вполне хватило, чтобы все лицо мое оказалось в грязи, а пальцы слиплись от глины. Наощупь стал искать лужу, чтобы обмыться. Мое падение ничуть не испугало медвежат, а полоскание в луже явно привлекло их внимание. Не успел я вымыться и наполовину, как оба медвежонка влезли в воду и подняли возню, добросовестно перемешав остатки воды с илом. Ничего другого не оставалось, как поискать другую лужу, нащупывая ногами и руками, а она, как назло, не попадалась. Отчаявшись что-либо отыскать в этой темноте, я пошел на стоянку, где как следует вымылся.

Весь следующий день медвежата провели в лениости и отдыхе, выставляя округлившись животы на солнце и сонно хлопая глазами. К вечеру они поднялись, и мы пошли на вчерашнее место.

На овсяном поле каждый медведь пользуется своей кормовой площадкой и на чужую, занятую территорию, заходит редко. Очень хотелось, чтобы и у нас было свое место на поле. Я старался придерживаться этого правила еще и потому, что на площадках, где кормились медведи, медвежата вели себя неспокойно, постоянно поднимались на задние лапы, фыркали, при-

слушивались, при малейшей мнимой опасности удирали в лес и потому плохо кормились.

На поле медвежата тут же принялись за овес. Пока они ели, я, как и вчера, тихо отошел и осторожно залез на свою ветхую сижу — все надеялся увидеть медведя. На этот раз мне повезло. Ровно в восемь часов вечера медвежата разом перестали есть и насторожились. Я прислушался, но ничего не услышал. Катя встала на задние лапы и десять секунд стояла, не шевелясь; Яшка тоже сделал стойку. Беспokoйно фыркая, они удалились с поля и залезли в 20 метрах от меня на березу. Через десять минут слезли и убежали в лес еще дальше. Теперь они полезли на елку, на которой отсиживались вчера. Присмотревшись, я едва мог различить их среди сучьев дерева. Мишки поцарапали по коре когтями, пофыркали и вскоре затихли. Прошло около 20 минут, прежде чем я решился позвать их негромким чоканьем. Произнес сигнал три раза и услышал, как метрах в пятидесяти справа от меня, в глубине леса, сухо хрустнул сучок и чуть слышно фукнул медведь. Я развернулся в ту сторону и стал смотреть. Чуть погодя, треск раздался ближе, но медведя я не видел, хотя, судя по звуку, он шел прямо к моей вышке. Я приглядывался до боли в глазах, но ошибся в выборе позиции — медведь подошел с другой стороны, оттуда, где сидели на елке медвежата. Его мощное, со свистом дыхание послышалось уже совсем рядом — он нюхал наши следы у меня за спиной. Поворачиваться было нельзя, но, надеясь на удачу, я стал медленно разворачивать корпус и голову в сторону медведя. Мне оставалось повернуться еще самую малость, когда предательски скрипнула старая доска сидения. Медведь громко, испуганно фыркнул и в два прыжка отскочил в лес. Воспользовавшись шумом, я развернулся. В тот же самый момент зафыркали, зафукали оба медвежонка. Пришельца это заинтересовало. Он остановился и стал обходить вокруг елки, громко выдыхая воздух, издавая звуки разного тона: «уф-ф-ф, уф-ф-ф, чуф-ф-ф». Медвежата тоже не молчали, и с обеих сторон беспрестанно раздавались шипящие и свистящие звуки разных оттенков и продолжительности. Я едва успевал различать, когда сигнал исходит от малышей, а когда от взрослого медведя. Наконец, медведю либо надоел весь этот концерт, либо он выяснил интересующую его ситуацию, и, издав два раза короткое, резкое «уф-фф, чуф», пришелец стал удаляться. В кустах мелькнула его бурая с сероватым подпалом фигура — и зверь растаял. Медвежата, продолжая фукать, быстро спустились с дерева и направились за ним! Но едва они выскочили на свежий след зверя, как сломя голову бросились назад и в один миг скрылись в лесу. По треску ломаемых сучьев можно было определить, что они еще бегут. В это время громко, три раза фукнул взрослый медведь: «ффуш-ш-ш». Несколько раз с короткими интервалами ответили медвежата — «чфуш, чфуш, чфуш», и все затихло. Я долго сидел, не шевелясь, ожидая возможного изменения сложившейся ситуации.

Уже в густых сумерках на поле в семидесяти метрах справа от меня вышел медведь. В бинокль было видно, что это тот самый пришелец. Но кормиться он не стал, а развернулся и краем поля вышел назад. Уже совсем стемнело, когда по ритмичному шороху рядом с сйжей я догадался, что медведь прошел совсем рядом. Еще два часа я сидел, притаившись, но ничего больше не услышал.

В августе ночи в лесу бывают такие, что нельзя рассмотреть и палец на собственной руке. Фонаря у меня, как на грех, не оказалось, но я решил поискать дерево, на котором сидели медвежата, и попытаться позвать их с собой. Сориентировавшись, я пошел в направлении предполагаемого расположения медвежат и стал подавать негромкий сигнал. Мне показалось, что метрах в пятнадцать справа фыркнул медвежонок. Прошел в ту сторону и снова почмокал. Тишина. Сделал круг и совсем потерял представление о расположении поля, дороги, хутора. Небо было беззвездным, вокруг стояла первозданная тишина, заполненная густой, черной ночью. Ножом на ощупь сделал несколько затесок на деревьях, и, вытянув вперед руки, медленно двинулся в направлении предполагаемого поля. Я постоянно натыкался на какие-то корявые, колючие кусты, проваливался в ямки между корнями, попадал на высокие кочки, которых никогда здесь не видел, упирался в толстые, в два обхвата, деревья, которые, по моим представлениям, тут не росли. От напряжения мне все время чудился какой-то звук — не то лай собаки, не то еще что-то. Я знал, что чувство это обманчиво, но останавливался и внимательно прислушивался. От тишины звон стоял в ушах. Мне казалось, что я выбирался из леса на поле целую вечность. Наконец, сквозь решетку сучьев и веток матовым пятном проступил просвет, и я вышел прямо к своей сйже. Присел на валежину, снимая с поцарапанного лица паутину, вытаскивая из рукавов, из-за шиворота сучки, палки, колючую хвою. В «Токовье» пришел в половине второго ночи. Крепко отчитал себя за неосмотрительность — даже спичек не положил в карман — и завалился спать.

Утро следующего дня я встречал на знакомом месте. Нашел свои затески, проследил свой путь к полю, а он составил не более 120 метров, и горько усмехнулся, разглядывая единственный густой куст лещины, который здесь рос и в центре которого была проломлена дыра — следствие моей вчерашней «строгой ориентации». На звуковой сигнал сразу откликнулись и пришли медвежата. Мы отправились на утреннюю кормежку. Видно было, что мишки проголодались. Вечером они так и не смогли поесть, ночь провели в кроне густой елки и теперь, едва добравшись до поля, сели и стали с хрустом обрывать мягкие зерна. Были они все время настороже, и время от времени то Катя, то Яшка становились на задние лапы, переставали жевать и внимательно прислушивались. Если один мишка становился в стойку и слушал, другой делал то же самое. На меня они мало обращали внима-

ния, но стоило мне уйти в лес, как тут же оставляли кормежку и шли ко мне. По всему было видно, что вчерашний гость их изрядно напугал.

Час медвежата кормились. Я пошел вокруг поля по медвежьим и кабаньим тропам, чтобы посмотреть, кто ходит на овес. Малыши последовали за мной. Вначале они держались рядом, но потом осмелели, стали убегать вперед и даже забегали далеко в лес — по 10—15 минут я их не видел. На пути нам встретилась сломанная и вытащенная на край поля сеялка. Она была выкрашена оранжевой краской и выделялась на зеленом фоне леса ярким пятном. Медвежата увидели ее, когда до сеялки оставалось метров семьдесят. Катя, а за ней и Яшка сразу же поднялись на задние лапы и тревожно задышали, вытягивая трубочкой губы. С большими предосторожностями, с остановками они подошли к сеялке, обошли вокруг, понюхали ее и отошли. Новый, незнакомый предмет явно не представлял для них интереса. Сразу за сеялкой, в углу поля, мы наткнулись на кормовую площадку медведя. Площадка размером около 100 квадратных метров была сплошь устлана сваленными медведем стеблями овса. Кое-где на ней сиротливо торчали закрученные в пучок снопики с отдельными желтыми капельками сиротливо качающихся зерен. Я наугад поднял пучок соломы — зерна было немного. Медведя здесь никто не беспокоил, и он дел «чисто». Тут же встретились свежие экскременты зверя.

На чужом месте Катя и Яшка держали себя напряженно, скованно. К экскрементам они не подошли, лишь с расстояния в полметра понюхали их, вытягивая морды. Еще несколько раз они становились на задние лапы, прислушивались. От кормовой площадки тянулись две широко натоптанные тропы. Мы пошли по ним. Медвежата шли впереди. Вот они остановились. Здесь тропки сходились вместе, но потом опять расходились, перекрещивались с другими тропами, становились все менее заметными и постепенно терялись в лесу — к полю медведь подходил разными путями, а у поля пользовался чаще одной тропой. По некоторым тропам, которыми медведи ходят на овсяное поле, можно идти не один километр. Здешний «хозяин» либо жил рядом, либо имел другой путь подхода к полю, — тропы, по которым мы только что шли, не были его основной дорогой.

Знакомство с запахами следов зверей, посещавших поля, продолжалось семь часов. Мы побывали на кормовых площадках еще трех медведей, встречали кучки их свежих и старых экскрементов, ходили по медвежьим дорогам и видели следы кабанов. Реакция медвежат на запах кабанов и их экскременты была слабой. Возможно, она подавлялась соседством медвежьего запаха, но малыши едва удостоили внимания свежие пороки, выплюнутые кабаном остатки овса, экскременты и многочисленные большие и маленькие отпечатки острых копыт. Встретился нам и след барсука. Мишки долго нюхали его, удивленно поглядывая по сторонам. Спровоцированный их поведением, я сам осмотрел

ся — нет ли кого поблизости. И засмеялся беззвучно, про себя. Барсук ходит сюда ночью, но запах у него сильный — это, видимо, и смущает медвежат. По пути мы вспугнули несколько рябчиков, но их шумный взлет едва был удостоен вниманием мишек.

К концу пути медвежата уже не жались ко мне, скованность их прошла, однако весь вид говорил о том, что запахи — вещь серьезная: во время прогулки они ни разу не затеяли игру, не отвлеклись посторонним занятием. Даже несколько трухлявых пней, встретившихся по пути, обошли своим вниманием, чему я немало удивился. Начав питаться овсом, медвежата стали помногу пить. Пока мы шли, нам нигде не встретилась вода. Медвежата мои разомлели от жары, часто дышали, и я повел их к маленькому заросшему осокой и водорослями пруду, когда-то выкопанному местными жителями для того, чтобы в сухое время года поить скот. Увидев воду, малыши бегом бросились к ней и плюхнулись в пруд, поднимая каскад брызг! Радости их не было предела! Они

Взвешивание медведей перед выходом на экскурсию

Медведи охотно посещают овсяные поля, затерявшиеся среди лесов

плавали, ныряли, встав столбиком друг против друга, устраивали настоящие сражения, взбивая лапами фонтаны воды так, что за этой бурлящей, сверкающей каруселью едва можно было рассмотреть самих медвежат. Уставшие, с блестящей от воды шерстью, украшенной нитками водорослей и прилипшими листочками-чешуйками ряски, они выбрались через полчаса из воды и направились в свой сарай на отдых. А я, воспользовавшись передышкой, приготовил себе еду, перезарядил фотоаппарат, перекусил, сел отдохнуть и незаметно для себя уснул. Проснулся от резкого скрежета. Еще ничего не успел сообразить, как раздался звон разбитого стекла. Поднялся рывком, бросился к окну и успел заметить тенью мелькнувшую Катю — она удирала что есть духу! Оказывается пока я спал, медвежата отдохнули и вылезли из сарая. Катя решила меня поискать — забралась на завалинку и сунула лапу в окно. Звон разбитого стекла, а возможно, и боязнь получить взбучку, напугали ее, она и убежала. Пришлось срочно заделывать дыру куском целлофана, спасаясь от вечернего нашествия комаров.

В шесть часов вечера, как обычно, мы были уже на овсяном поле. Проголодавшиеся мишки забрались в овес, а я полез на свою сижку. Все шло своим чередом. Медвежата кормились. Уже

«На овсах»

отработанными движениями лап они подтягивали к себе пучки колосьев и ели, смачно чавкая. Я сидел и, затаившись, наблюдал за мишками, за полем, осторожно отгонял докучавший гнус, пока было видно; строчил карандашом и слушал тишину. В сгущавшихся сумерках резко покрикивали дрозды, рассаживающиеся на ночлег, где-то в далекой деревне надрывно гудел трактор, тугим эхом прокатился звук от пролетевшего самолета.

Теплый день сменился прохладой ночи. На дальнем конце поля по низине из леса языком выполз туман. Постепенно дневные звуки прятались, стирались, уступая место ночным шорохам.

Прямо подо мной в подстилке возились, попискивая, мыши. Беззвучно в трех метрах проскользнула сова. На дальней опушке рывкнул кабан — звери шли на кормежку. Со стороны леса доносилось неясное потрескивание, такое тихое, что нельзя было точно определить — действительно там что-то треснуло или это только показалось. Медвежата уже второй раз после короткой передышки на соседней березе вышли кормиться овсом, и их фигуры темными пятнами выделялись на еще светлом фоне овсяного поля. Где-то близко вновь треснуло. Все разом встали на задние лапы, постояли мгновение, а потом, шумно выдохнув воздух — «ф-ш-ш-ши», удрали в лес. Слышно было, как они полезли на дерево. На минуту воцарилась тишина. Затем в том месте, где на поле выходила тропа медведя (в 50 метрах от нашей кормовой площадки) появилось темное пятно — вышел медведь. Постоял немного, лег и с глухим ворчащим звуком стал кататься. Покатался, встал, шумно отряхнулся, пошел краем поля дальше и быстро растаял на фоне черных кустов.

Я посидел еще, пока не стемнело, но ничего интересного больше не увидел. Наученный горьким опытом прошлой ночи, я не пошел искать медвежат — пусть ночуют на своей елке, — а отправился к избе. По пути наткнулся на целое стадо кабанов, которые с сопением и чавканьем продвигались по овсяному полю. Было слышно, как сухо стучат клыки секача, пережевывающего овес. Вдруг все разом стихло — стадо замерло. Слабый ветер тянул в их сторону и донес до кабанов мой запах. Секунд тридцать стояла абсолютная тишина, потом секач резко, со свистом выдохнул воздух и ухнул! С шумом стадо сорвалось с места, прошелестело через поле, вломилось в лес, потрещало недолго, и опять все стихло.

СВОЙ «КОМПАС»

Мои продукты подходили к концу, а медвежата еще только начали есть овес по-настоящему. В назначенный день я пошел на встречу с одним из лесников, который должен был принести в условленное место продукты. Лесник не пришел. Как потом выяснилось, он ничего не знал о моей просьбе. Цепочка передачи распоряжения от одного лица к другому где-то не сработала — и я остался, как говорится, при своем интересе.

Настало время на деле проверить «усидчивость» медвежат в случае отсутствия их «матери». На другой день я попытался оставить медвежат одних. Зашел в старый лес, где было множество маленьких полянок с малиной, валежником и сухими трухлявыми пнями. Подождал два часа на дороге — медведи не появились — и направился в деревню Жердовку. Хотел здесь же взять продукты и вернуться назад, в лес, но попалась оказия — в заповедник ехал на мотоцикле мой знакомый. Я не устоял перед соблазном побывать дома.

Домочадцы любезно встретили меня, но узнав, что я приехал на мотоцикле, сразу встревожились: «А что с мишками?». Я объяснил, что с ними все в порядке, что они едят в лесу малину и крушат гнилые пни, ищут мышей и отдыхают на вершинах высоких елок и вообще чувствуют себя лучше, чем я сам, так как питаться одним овсом еще не научился. Мое выступление возымело действие — мне нагрузили рюкзак и выпроводили за дверь. Не пробыв дома и часа, я уже шагал назад, перебирая в мыслях примерные ориентиры тридцатикилометрового пути. Часть пути удалось проехать на попутной машине, и через три с половиной часа я был на месте. Пяти минут хватило, чтобы на мой позывной сигнал пришли медвежата. Беззлобно поругивая про себя этологическое невежество жены и детей, я невольно отметил, что только сейчас, встретясь с медвежатами, почувствовал себя на месте. До этого мое состояние было похоже на часы с боем, в которых вот-вот может что-то щелкнуть и звякнуть дрожащей густой нотой! Значит, я, сам того не замечая, волновался: деревня с людьми и всей присущей ей живностью была не далее трех километров от того места, где оставались медвежата.

Поведение оставленных зверюшек показало, что они могут длительное время находиться на одном месте. В возрасте трех с половиной месяцев я оставлял их в 200 метрах от клетки, где они содержались, и уходил на работу. Малыши по пять-шесть часов находились на одном месте. Полторы недели потребовалось им, чтобы научиться самим возвращаться обратно к клетке. Я оставлял их одних во время первых экскурсий — они нигде не уходили. Не изменилось поведение и сейчас. По-видимому, в естественных условиях медвежата могут подолгу находиться на одном месте, оставленные по каким-нибудь причинам медведицей-матерью. Такое поведение обеспечивало им встречу с медведицей, если она возвращалась. Еще не раз я оставлял медвежат одних, но это не обошлось без курьезов.

В ближайших деревнях все знали, что в «Токовье» живет «научник» с медвежатами. Овес уже поспел, и со дня на день на поля должны были прийти комбайны. Как-то я пошел в деревню Ясновицы, чтобы разузнать, когда начнут косить овес в «Токовье». Рядом с деревней в которую я шел, уже работало несколько комбайнов. Почерневшие от ветра, солнца и копоти парни, привстав, крутили штурвалы мерно гудящих машин, зорко вглядываясь в наплывавшую золотистую стенку посевов — как бы не прозевать большой пень или камень, которые встречаются на этих спрятанных в лесу полях. Не успеешь поднять хедер — и возись потом с косой, безнадежно изуродованной ударом серого гранитного валуна. Комбайнер ближайшей машины был мне знаком и дружески помахал рукой. На уборке не до разговоров — время дорого. Я понял, что при такой работе комбайны через два — три дня будут в «Токовье», и направился обратно. Отсутствовал я не более двух часов, но хлопот они мне принесли на целые сутки.

На краю поля, где я оставлял мишек, их не оказалось. При-

Тревожный сигнал

Стойка на задних лапах — ориентировочная реакция оборонительного поведения

смотревшись, я обнаружил, что следы их ведут к дому, но в доме все было цело, а в сарае медвежат тоже не оказалось. Походил вокруг, подавая позывной сигнал, — медведей не было. Сходил к пруду. Отстоявшаяся после вчерашнего купания вода затянулась ровной пленкой зеленой ряски — значит, медведи не подходили к пруду и не купались. Вышел на дорогу, сразу обнаружил свежие следы человека и встревожился. Встреча медвежат с незнакомым человеком могла иметь неприятные последствия и в первую очередь для самих медвежат. Пошел по следу и увидел, что шли трое — один мужчина, а двое других либо женщины, либо дети, так как след их сапог был маленький и шли они мягко, нешироко шагая. Я успокоился — троих медведем не напугаешь, наоборот, мишки должны были испугаться, поскольку не привыкли к таким встречам. По следам я вышел к дому. Видно было, как пешеходы немного потоптались, задержались у дома и пошли дальше и в направлении кордона Мануховка, где жил наш егерь. Сразу за домом к ним присоединились следы медвежат. Малыши действительно были в своем сарае, но вышли и пошли следом за людьми. На краю овсяного поля я подобрал две бумажки от конфет, чуть дальше лежало нетронутое вареное яйцо — прохожие отнесли к медвежатам дружелюбно и пытались их угостить чем-нибудь повкуснее.

Я быстро пошел по дороге, время от времени поглядывая под ноги, — медвежата шли за людьми. Семь километров пролетели незаметно. Уже перед самым выходом на поле (в конце поля стоял кордон), переходя ручей, я не увидел следов медведей. Остановился. Внимательно осмотрелся. Люди пошли дальше, а следов мишек не было. Вернулся и в пятидесяти метрах от ручья сбоку от дороги обнаружил смятую траву. Медвежата свернули в лес. Позвал их, постоял минут десять — никого. Вероятно, медвежата побоялись открытого поля и остановились в лесу, но это еще предстояло выяснить.

До кордона было не более 400 метров. Я решил сходить туда и выяснить обстановку. Меня радушно встретил лесник. Рассказал, что два часа назад здесь прошли мужчина, женщина и девочка, когда-то жившие в одной из местных деревень. Гости рассказали ему и про встретившихся в «Токовье» медвежат. Оказывается, им все было известно и про меня и про медвежат. В «Токовье» они позвали меня в надежде, что я покажу мишек, но к ним вышли сами медвежата, чему люди были очень рады. Мишки проводили их до конца овсяного поля, съели по конфете и дальше не пошли. Девочка на прощанье бросила им кусок булки и яйцо. Булки я не нашел, ее, конечно, медвежата съели. Я рассказал леснику все, что мне удалось вытропить по их следу.

Стемнело. Мы решили, что утро вечера мудренее, попили чаю с душистым сотовым медом, поговорили о житье-бытье, о прошлых охотах и планах на будущее и легли спать. Чуть свет мы были уже на ногах. Егерь взял на поводок собаку — и мы отправились на розыски беглецов. Встали на след, но собака отказалась от всяких поисков и удрала в лес гонять белок. К счастью, среди деревьев росла редкая трава, которая позволяла нам вести след медвежат, совсем незаметный на сухом прошлогоднем опаде.

Я много слышал об этом егере как о хорошем охотнике, а теперь сам убедился, какой он замечательный следопыт. След он вел легко, изредка останавливаясь и поправляясь. Я стал с другой стороны и мы быстро, не выпуская следа медвежат из поля зрения, пошли по лесу. В километре от дороги медвежата лежали на куче гнилушек — отдыхали. Потом направились точно в «Токовье», как по компасу, и отклонялись незначительно лишь там, где нужно было обойти очередной встретившийся им завал. По пути они вышли на дневную лежку крупного медведя. По всей видимости, «хозяина» не было. Покрутившись немного у большой кучи экскрементов и ямки, выкопанной медведем в сыром грунте, медвежата пошли дальше.

Лес подел. Впереди обозначилось долгожданное поле. Выйдя на него, мы увидели, как по крыше своего сарая расхаживали Катя и Яшка. Видно было, что они только что пришли. Медвежата никогда до этого не ходили в сторону кордона Мануховка и, конечно, не могли знать дороги. Но назад, в «Токовье», они вернулись даже не по дороге, а напрямую, пройдя шесть километров через лес, в котором так же никогда не были.

В возрасте семи с половиной месяцев у медвежат уже появился свой компас — они уже могли ориентироваться в новой, незнакомой обстановке, точно выдерживая нужное им направление. Значит, оставаясь в лесу одни, они в любой момент могли выйти на знакомое им место. На месте их могла удержать только привязанность к человеку, заменившему им мать. Егерь просил обязательно написать об этом. Я выполняю его просьбу.

Через 20 дней мы уходили из «Токовья». Медвежата подросли, стали круглыми, шерсть отливала блеском. Они меньше бегали, реже лазали по деревьям, весь вид их выражал спокойное довольство. Мы уходили, со стороны лесной дороги слышался надрывный рев моторов — в «Токовье» шли комбайны.

• «ЖЕРДОВСКИЙ МОХ»

Когда-то здесь был сильный пожар. Сосновый лес выгорел быстро, но еще долгие месяцы стоял над болотом сизый дым — горел торф. Там, где торф выгорел, образовались пустоты, ямы. Пожар прекратился. Ямы заполнились водой и заросли тростником, появилось труднопроходимое урочище, метко названное местными жителями — «Потопы». Здесь росли невысокие сосенки, перемежаясь с ольховыми зарослями. Непролазные кусты ивняка лентами плелись между белоствольными березами. Было здесь всегда сыро, сумрачно. Ранней весной на корявых, с причудливой вершиной соснах токовали глухари. Летом в «Потопах» бродили лоси, набивая глубокие тропы, а осенью весело пересвистывались выводки рябчиков. А рядом, там, где торф не выгорел, остались обширные участки, покрытые бархатной зеленью мха. Среди редких сосен по кочкам растет брусника, порой образуя настоящие заросли. По мху тянутся тоненькие незаметные стебли клюквы, встречаются куртины голубики. Это место называют «Гарь». От «Гари» «Потопы» отделены «Раздорами» — неширокой лентой редкого березняка, среди которого еще торчат кое-где обуглившиеся стволы некогда горевших сосен. Вот эти три урочища и составляют «Жердовский мох».

Осенью спешат сюда и стар и млад на автобусах, машинах, мотоциклах — с корзинками, ведрами, рюкзаками. Рассыпается народ по мху собирать ягоды — и все вокруг оглашается зычными криками, ауканьем, разбойничьим свистом. Уходит на дальние гривы зверье, улетают птицы. Люди собирают все подряд: голубику, бруснику и белую, еще незрелую, клюкву — дома доспеет. За дальними сосновыми гривами, куда не пробрались еще вездесущие собиратели, на брусничниках в урожайные годы кормится медведь. Прилетают сюда и птицы: глухари, тетерева, рябчики. В один из таких тихих уголков я и забрался на недельку с медвежатами, чтобы посмотреть, как они будут есть бруснику, а заодно и подкормить их ягодой перед долгой зимовкой. Протекавший здесь безымянный ручеек то исчезал, терялся среди

Рядом с овсяным полем можно увидеть лежки медведей

высоких моховых кочек, то вновь появлялся, обретая русло. В ручье медвежата купались, плавали в небольшой бочажинке, поднимая со дна черную торфяную муть, а потом грелись на солнышке, растянувшись на моховой перине.

Кормиться брусникой мы ходили на небольшую поляну. Ягод было много. Растет брусника долго, радуется глаз свежей зеленью весной, когда вокруг все еще коричневатое-серое, и осенью, когда с маленьких кустиков свисают рубиновые кисти ягод.

Медвежата быстро освоились на новом месте. Брусника им явно нравилась. Лапами они придавливали, поворачивая, низкие кусты — так лучше было видно притаившиеся в листьях ягоды — обрывали их, захватывали пастью и, щурясь от удовольствия, жевали. Экскременты медвежат теперь состояли наполовину из травы и остатков брусники, наполовину из целых ягод, которые они проглатывали, не разжевывая.

К концу недели с северо-востока задул резкий ветер, который принес холодные с изморозью утренники. На березах начали желтеть листья, на болоте засветился покрасневшим боком клюква. По утрам слышалось тяжелое хлопанье крыльев — это глухари начали летать на клюквенную россыпь. Холодный ветер сменился морозящим дождем. Медвежата заскучали. Подолгу лежали, зевали, не хотели идти на кормежку и могли проспять на одном месте целый день. Мне наскучило считать однообразные сентябрьские дни, и мы отправились домой.

Поле в «Токовье» сжали. Ровные рядки копен тянулись с одного края поля на другой. На одной из копен сидел нахохлив-

шийся канюк. У самого леса плавно скользил над бороздой полевой лунь. Вот он чуть замедлил полет, качнулся, камнем упал в стерню и тут же, взмахнув крыльями, поднялся. Видимо, хотел поймать мышь да промахнулся.

Медвежата сразу полезли на крайнюю копну и стали рыться в соломе. Потом начали бороться — сцепившимся клубком свалились на землю, от удара расцепились, но тут же, потрясая головами, вновь ринулись друг на друга. Трепали и тузили друг друга целую минуту, а потом резко остановили игру и пошли вперед. Мы не стали обходить деревню лесом. Когда проходили вдоль забора из жердей, мои подопечные залезли на него и прошлись по самой верхней жердочке — как на параде — под громкие восторженные возгласы жителей деревушки из пяти дворов, высыпавших посмотреть на мишек. Хоть порой и обижает крестьянина медведь — и скот дерет, и посевы портит, — но любят русские люди этого зверя, относятся к нему с почтением, а уж малышам и подавно каждый готов сунуть кусочек послаще. В заповеднике мишки залезли в свои клетки, а я принялся за дела по дому — нужно готовиться к зиме. Медвежата почти ежедневно ходили на прогулку, кормились на ближайшем поле овсом, копали муравьев, а утром и вечером получали порцию каши и хлеба.

Во второй половине октября приехал Леонид Викторович Крушинский. Беседа наша затянулась допоздна. Профессора интересовало все: как медвежата следуют за мной, посредством каких сигналов мы поддерживаем взаимосвязь, как и что они едят, где отдыхают, как реагируют на окружающую среду, людей, других животных и еще многое другое.

На следующий день рано утром мы с ним забрали медвежат и пошли в лес. Казалось, на зверюшек не повлияло присутствие Леонида Викторовича — вели они себя как обычно. И все же я заметил, что малыши были настороже. Яшка нашел гнездо мыши и принялся его раскапывать. На какое-то мгновение он выпустил Леонида Викторовича из виду и, хотя тот не двигался с места, собираясь сделать снимок, Яшка без видимых причин подпрыгнул, фыркнул, обернулся и сделал стойку. Увидев, что у него за спиной все стоит на месте успокоился и вновь принялся копать. Медвежата кормились травой, обследовали кусты малины, лазали по деревьям, играли, но все время держались от нас на почтительном расстоянии. Стоило мне подать негромкий звуковой сигнал опасности, как они тут же бросались к лесу, забирались на деревья и осматривались. Мы продолжали неторопливо передвигаться и подошли наконец к овсяному полю. Наступив на кочку, Леонид Викторович поскользнулся и, удерживая равновесие, взмахнул руками — медвежата мгновенно бросились врассыпную, Катька в одну, Яшка в другую сторону. Было ясно, что они постоянно за ним наблюдают, хотя внешне их настороженность никак не проявлялась.

Мы вышли на еще не убранное овсяное поле. Медвежата об-

Поздно осенью уходит медведь в места, где построит берлогу

нюхали и осмотрели следы кормившегося здесь медведя, походили по его кормовой площадке, а потом уселись и начали деловито поедать овес. Профессор с удовольствием щелкал затвором аппарата, восхищался движениями медвежат, их умением «сцеживать» зерна с метелки, почти ничего не оставляя на стебле.

В полдень решили перекусить. Выбрали солнечную полянку, уселись на толстое бревно, разложили бутерброды. Медвежата осмелели, и Яшка, завидев съестное, попытался попрошайничать. Я прогнал его. Сообразив, что от нашего стола ему ничего не достанется, он отошел и принялся с хрустом жевать стебли медвежьей дудки, которой было здесь обилие. В это время Катька стала потихоньку подбираться к фотоаппарату, который профессор отложил в сторону. Я попросил Леонида Викторовича убрать камеру, так как знал — если Катька ее схватит, то обратно мы ее получим, уже не подлежащую никакому ремонту (как-то она слегка укусила мой бинокль, оставив на крепком металлическом кожухе глубокую вмятину). Камеру убрали, а Катька с невинным видом прошла мимо, не забыв, однако, ткнуться носом в то место, где она лежала.

Вторую половину дня мы провели вблизи овсяных полей, в районе деревни Столовой. Ветер дул со стороны деревни, и от-

Активность зажившего медведя резко падает, и он почти совсем перестает есть

туда доносились негромкие голоса людей, мычание коровы и, конечно, разные запахи. Мишки крутили головами, становились столбиками, тревожно фыркали, то уходили в лес, то снова выходили на поле. Поведение их было беспокойным. Леонид Викторович заметил, что целая серия отдельных сигналов, среди которых, конечно, есть и пищевые, и опасные, возбуждает уже привыкших к лесу медвежат. Сигналы-раздражители, дополняя друг друга, выступают как сложный фактор, вызывающий в данном случае проявление оборонительного поведения, как наиболее рационального в сложной ситуации. Мы решили не волновать мишек и отошли на дальнее поле. Они успокоились и начали кормиться овсом.

Поздно вечером, возвратясь домой, мы обменялись впечат-

лениями от проведенного дня. Леонид Викторович высказал свое убеждение в том, что между мною и медвежатами существует почти такая же связь, как у медвежат с медведицей-матерью, т. е. через реакцию следования. Мне вовсе не лестно было выступать в роли медведицы, но я согласился с профессором, так как и сам в это верил.

В плане дальнейшей работы с медвежатами предполагалось следующее: после зимовки проследить за их поведением еще один летний сезон, а осенью подготовить медвежат к проведению с ними опыта на сообразительность, по методике Л. В. Крушинского. Чем мы руководствовались, устанавливая эти сроки? Дело в том, что в возрасте старше полутора лет медвежата остаются в лесу одни, без матери, и им уже самим приходится заботиться о своей сохранности, а поэтому в таком возрасте они должны уметь хорошенько соображать.

Вскоре профессор уехал, а я начал готовиться к наиболее важному, как мне казалось, периоду — укладыванию медвежат в берлогу в естественных условиях, т. е. в лесу. Как мне это удастся сделать, я совершенно себе не представлял.

ПОСЛЕДНИЕ ЭКСКУРСИИ

До зимы было еще далеко, и мы часто ходили с мишками по осеннему лесу, уже начавшему терять разноцветную листву. В ясный осенний день бабьего лета солнце мягко позолотило стволы деревьев. Бликами играло оно на желтых дрожащих листьях осины, пробиралось к самой земле, согревая последним теплом бархатные моховые кочки. Ветерок шелестел опавшими листьями, ташил их по дорожкам, просекам, собирал в кучи, вновь рассыпал и приносил с собой особый запах, который бывает только в эту пору, — запах грибов и тонкий аромат увядающей листвы. Скрипуче кричала кедровка, напоминая о близкой зиме, на рябине по утрам перекликались снегири да громко хлопали крыльями потревоженные рябчики. Невелика птица рябчик, но взлетает резко и порой столько шума наделает, что от неожиданности даже присядешь.

Медвежат будто подменили. Куда только девалась их активность? Это были округлившиеся от жира увальни, которые не торопясь ходили между деревьев, откусывали отдельные, еще зеленые части растений и лениво жевали. Оживлялись лишь тогда, когда начинали копать мышей. И здесь лени как не бывало! В стороны летели комья земли, отдираемые когтистыми лапами вместе с дерном, движения становились быстрыми и в то же время пластичными, изящными. Медвежонок, только что с силой отдиравший целый пласт дерна, вдруг приседал и точными мягкими движениями лапы, одними когтями вскрывал тоненький слой земли над самым гнездом. Добравшись до гнезда, он быстро прикрывал его обеими лапами и если там были мышата,

то по одному доставал их, приоткрывая то левую, то правую лапу, и медленно ел, щурясь от удовольствия. Когда гнездо оказывалось пустым, мишка еще раз, разбирая отдельные травинки, осматривал его, — не осталось ли чего, — и лишь тогда отходил.

И в это время медвежата находили себе забаву, часто играли. Как-то Яшке попало старое ведро без дна. Увидел его и осторожно обошел стороной. Пофырчал, покачал круглой головой. Катя стояла в сторонке и наблюдала. Не обнаружив ничего опасного, Яшка подошел к ведру и тронул его лапой. Дужка резко звякнула. Медвежата испуганно зафыркали и отскочили. Постояли, посмотрели по сторонам — ничего страшного. Яшка опять подошел к ведру и тронул его лапой. Ведро опять звякнуло. Неожиданно медвежонок поддал ведро лапой, оно зазвенело и покатилося, подпрыгивая на кочках! Катя тоже толкнула его и пошло! Они толкали ведро, стараясь выбить его друг у друга. Катя упала на спину и, ухитряясь тремя лапами удерживать ведро перед собой, перекачивала его, не давая упасть на землю. Яшка мощным ударом выбил его и быстро покатил, попеременно толкая лапами. Около минуты стоял жестяной грохот! Наконец, ведро было сплющено, прокушено в нескольких местах и брошено. А мишки уже опять лениво бродили от одного куста к другому, и нельзя было поверить, что всего минуту назад они носились, сломя голову, оглашая лес металлическим лязгом.

Погожих дней становилось все меньше. Заметно похолодало. Настало время серьезно подумать об устройстве мишек на зиму. Сведений о зимовке медвежат под контролем человека было немного. В Новосибирске супруги Терновские закрыли на зиму выросшего у них медвежонок в утепленной опилками будке, и он благополучно перезимовал. Но ведь в естественных условиях, в нашей местности, медведи лежат почти совсем наверху и о каком-либо утеплении, кроме снега, не может быть и речи. Правда, первый год медвежата ложатся вместе с матерью и им, конечно, так теплее. А вот смогут ли малыши перезимовать самостоятельно без искусственного утепления? Этого я не знал, и это нужно было проверить.

Метрах в трехстах от нашего дома на небольшом ветровальном участке лежали три накрест упавшие елки. Место было удобное, и я принялся сооружать подобие естественной берлоги, по своим основным характеристикам сходной с типичной верховой берлогой. К упавшим елкам мне оставалось подставить только несколько бревнышек и скрепить все сооружение проволокой, чтобы мишки не вылезли. Вход в «берлогу» — чело — я решил закрыть сваренной из металлических прутьев решеткой после того, как медвежата лягут. Верх «берлоги» прикрыл нетолстым слоем еловых веток, чтобы меньше затекала вода, а в камере размером 90×80×80 сантиметров установил на пружинках качающийся деревянный щит. К щиту была подсоединена гидравлическая система с самописцем, вынесенным от берлоги за восемь метров и прикрепленной к корням огромного поваленного ветром дерева.

Первый снег заставляет искать укрытия

Так я хотел зарегистрировать активность медвежат в период их зимнего сна. Всю площадку огородил вольерной сеткой, опасаясь случайного захода в это место собак. Наконец, установил в семи метрах от «берлоги» палатку и прорезал в ней окно для наблюдений за поведением мишек. Теперь оставалось только ждать положенного времени.

С 8 по 15 октября медвежатам постепенно сокращали дневную норму корма, а за день до выхода в лес их уже не кормили; 16 октября мы вышли в лес.

Прекрасная пора! Лес одет в цветастый наряд. Березки в золотистых платьицах притихли перед осенним ненастьем, притаились. Осина расцвела красными полосами, шелестит высокой вершиной, теряя искры — листочки. Тронутый первым морозом, вспыхнул ярким костром клен! Зелено-желтый снизу, к вершине он постепенно краснеет, наливается малиновым жаром и горит, пылает макушкой! Скромная летом рябина украсилась тяжелыми, сочными кистями — лесным птицам и зверям на радость. Не везде плодоносит рябина и не каждый год. Но иногда на опушке или в ветроломах небольшие деревца просто гнутся под тяжестью ягод. На одну из таких полян, заросших рябинником, мы и пришли.

На разноцветном ковре опавших листьев повсюду рассыпались сбитые птицами красно-оранжевые ягоды. По краю опушки рябинник был сильно измят, поломан — здесь недавно кормился медведь. В одном месте на землю осел пепельно-серый пух рябчика — видно, лакомился рябиной да попался в лапы тетеревику. Медвежата сразу принялись подбирать сбитые ягоды.

Как обычно, обследовали место, где «гнул дуги» взрослый медведь, уделив особое внимание его экскрементам. Не обошли стороной и перья рябчика — долго трогали их лапами, нюхали. Потом принялись нагибать небольшие рябинки, пытаясь добраться до соблазнительно раскачивающихся в вышине гроздей. Сначала медвежонок смотрел на ягоды, затем переводил взгляд на ствол дерева, безошибочно выбирая его среди других, растущих рядом осин, берез или рябин, и начинал сгибать, наваливаясь всей своей тяжестью. Если это удавалось, он садился на согнутое деревце и принимался поедать ягоды, подхватывая кисти когтями. Если же деревце выскальзывало, он вновь принимался его сгибать или отходил и выбирал новое. На толстые высокие рябины медвежата пытались несколько раз взбираться, но теперь они заметно зажирили и лазать им стало трудно. Кормились мишки недолго и вскоре¹ самостоятельно ушли с опушки. Я отправился следом.

Несколько дней спустя мне удалось наблюдать, как медвежата добывали рябину на большом раскидистом дереве, которое росло около заброшенного, зарастающего сосной небольшого поля. Кисти ягод висели на тоненьких концевых веточках и достать их, даже взобравшись на дерево, медвежата не могли. Несколько попыток не увенчалось успехом. Медвежата очень хорошо чувствуют прочность веток, на которых сидят. Мне ни разу не пришлось видеть, чтобы они сорвались с дерева или сучка. Подобравшись к соблазнительным гроздьям как можно ближе, медвежонок ложился на сук грудью, и, держась за него тремя лапами, четвертой захватывал и тянул к себе какую-нибудь веточку потоньше. Часто ему удавалось обломить веточку с ягодой. Но если она падала вниз, медвежонок смотрел на нее с сожалением и принимался ломать новую. Когда ему удавалось подтянуть к себе гроздь ягод, он принимался их неторопливо поедать, не меняя позы. Иногда после того, как обламывалась ветка с ягодами, медвежонок спускался с дерева за своей добычей. Кате чаще удавалось добраться до ягод, а Яшка больше ломал ветки, чем ел рябину.

Рябина быстро отошла. Бывает год, когда ягода висит и зимой, но в эту осень частые заморозки и дожди быстро сбили почти все ягоды, а те, что пощадила погода, докончили стайки дроздов и снегирей. После сытой жизни на овсяном поле пищеводобывательное поведение медвежат резко изменилось. Теперь их интересовал только тот корм, которого было много. Как только ягод на рябинах убавилось, мишки не стали на них обращать должного внимания. Я приходил с ними в рябинник, где еще висело достаточно много ягод, но медвежата ограничивались ленивым собирательством, не утруждая себя другой работой.

Вскоре пошли затяжные дожди. Активность медвежат еще больше снизилась. В дождливый, пасмурный день они могли подолгу лежать под какой-нибудь раскидистой елкой, не реагируя на мои приглашения прогуляться. Однообразные, скучные осенние

Берлога — это важно

дни и однообразное поведение медвежат тянулись, казалось, бесконечно долго. Двадцать восьмого октября я пришел домой, чтобы привести себя в порядок и запастись провизией. Впереди был еще целый месяц неизвестности — в берлогу медведи ложатся в конце ноября.

Недолго мы просидели дома. С ноябрем шутки плохи — со дня на день мог пойти снег. Как мишки будут на него реагировать? Пятого ноября я, наконец, решил выбраться из теплого дома в лесную сырость. Солнце не появлялось. Серые дни сменялись неприглядной чернотой осенних ночей. Каждый день встречал нас монотонным шумом морозящего дождя. Ветра совсем не было, даже самые высокие елки не шевелили своими макушками — застыли темными свечками. На деревьях и кустах почти не осталось листьев.

Через три дня мы были на «Мартиновых Нивах». Знакомая избушка, знакомые до мелочей места. Вот только пришлось по-

возиться с начавшей протекать крышей да сильно осевшей, не закрывающейся дверью. Пока я устраивался, мишки исчезли. Я позвал их. Метрах в пятидесяти раздалось фуканье. Решил посмотреть, что они делают, и нашел их под корнями толстой ели. Мишки выкопали два небольших углубления в 13 сантиметрах друг от друга и удобно в них улеглись, защищенные от дождя густыми ветками кроны дерева. При моем приближении они поднялись со своих лежек и тревожно зафыркали. Я подал звуковой сигнал — они успокоились. Появление мое не вызвало особых изменений в медвежьем стане — едва удостоив меня взглядом, медвежата опять легли в теплые ямки, и мы распрощались до следующего утра. Я подготовил все необходимое для завтрашней вылазки, подложил в печку сырых дров, чтобы дольше горели, и лег спать.

Утро выдалось холодное, но дождь прекратился. Низкие сырые облака, вчера цеплявшиеся за лес, поднялись, посветлели и потянулись на северо-запад, оставляя за собой рваные белесые хвосты. Медленно перемещаясь, мы обошли знакомые полянки, обширный вывал, посетили луга в пойме ручья Мартиновка и уже направились к избушке, как вдруг небо потемнело и хлопьями повалил густой снег. Падая на мокрую землю, он сразу таял, оставляя лишь на густой траве, отчего в лесу засветились белые плешинки. Медвежата, обсыпанные снегом, превратились в сказочных существ, плавающих между темно-серыми стволами деревьев. Но вот они энергично встряхнулись — вновь знакомые мишки. Я не отметил каких-либо изменений в их поведении. Лишь в ветроломе они дольше обычного повозились у вывернутых с корнями деревьев — залезали под них, копались в перегнившей подстилке, и я заметил, что места, сильно намоченные водой, они обходили.

Ночью опять шел снег. В эту пору еще до выпадения снега медведи переходят в укромные места и, если их ничто не беспокоит, ложатся в берлогу. Напуганный первым снегом, я решил поселиться около своей «берлоги» с тем, чтобы медвежата заранее привыкли к обстановке. За ночь выпало около четырех сантиметров снега и похолодало до минус одного-трех градусов. Теперь мы шли, оставляя за собой кружево темных, сразу пропитывающихся водой следов. Медвежата были рады прогулке, обгоняли меня, бегали по сторонам, разбрызгивая мокрые комья. В обед мы были на месте, и я стал расставлять в палатке вещи, памятуя о пронырливости и нахальном любопытстве Кати. Медвежата не обращали внимания на мою возню, лазали по вольерной сетке, бродили вокруг, что-то копали в зарослях черничника, а потом улеглись на открытом месте прямо на снег и уснули.

Вечером мы обошли весь завал, в котором была устроена «берлога». Медвежата опять полазали под вывернутыми с корнями деревьями, явно интересуясь темными сухими местами.

Снег быстро растаял. Со стороны усадьбы слышались привычные деревенские звуки, и я постоянно опасался, как бы мед-

Весной уходят медведи от своих берлог, разгребая подтаявший снег

ней — начинал им жонглировать, поворачивая во все стороны. Я замечал, как несколько раз мишки грызли молодую кору рябины, а однажды видел, как они на щепки разгрызли ветку лещины толщиной около четырех сантиметров.

Десятого ноября дождь, начавшийся днем, сменился к вечеру мокрым снегом. Медвежата долго крутились около палатки, а потом отошли к раскидистой ели и улеглись под ней на ночлег. Ночью подморозило, и снег остался лежать. Мы прогулялись, с хрустом ломая тонкую ледяную корочку. Медвежата играли, бегали, тяжело переваливаясь, друг за другом, а потом уселись со мной рядом и устало задышали, пуская легкий парок. В полдень пошел густой снег. Мишки притихли, но совсем не обращали внимания на мое сооружение и я, чтобы показать им, что к чему, сам полез, сгибаясь в три погибели, в камеру искусственной берлоги. Внутри, как мне показалось, было довольно уютно, только в многочисленные дырки тянуло сквозняком. Я успокоил себя тем, что в естественных берлогах дырок никак не меньше и медведи мирятся со сквозняками до тех пор, пока ляжет глубокий снег. Не успел я как следует осмотреться, как в камеру забралась Катя и улеглась рядом со мной, прижав-

вежата не удрали к своим клеткам. Но внешне они никак не реагировали на близость жилья. Термометр показывал четыре-семь градусов выше нуля, иногда проглядывало солнышко, но в основном было пасмурно. Мы лениво бродили по участку, едва равному полутора гектарам. На ночь я уходил в палатку, а медвежата, каждый для себя, нагребли ворох опавших листьев рядом с палаткой и на них спали. По утрам мы отправлялись в обычный обход. В это время малыши почти ничего не ели, лишь иногда подбирали подсохшие листья лещины или клена да изредка зеленые листья медвежьей дудки. Теперь они подолгу сидели или лежали на одном месте. Играли редко. Начали ломать, как бы играя, молодые побеги липы и осины. Сломав маленькое деревце, медвежонок переворачивался на спину и тремя лапами — двумя передними и одной зад-

шись теплым боком. Яшка заглянул в чело и отошел, чему я был рад, так как вряд ли мы трое смогли бы поместиться в этой тесной «клетке». Катя лежала со мной минут пять, потом вылезла. Я выбрался вслед за ней и отошел к палатке, предоставив медвежатам возможность самостоятельно обследовать «берлогу». Через десять минут Катя подошла к «берлоге», постояла у чела, понюхала все вокруг и забралась внутрь. Что-то погрызла там, поворошила постеленную мною на доски пола еловую подстилку. Яшка, насупившись, стоял у входа. Через две минуты Катя вылезла, встряхнулась, а в «берлогу» полез Яшка. Долго нюхал подстилку, потом начал сгребать ее в кучу. Через минут восемь он вылез, встряхнулся и убежал вместе с Катей в лес. Ночевали они под своей елкой.

Утром, когда я выбрался из палатки, они еще лежали. Так и встретили меня лежа, лениво зевая. Долго чесались, изгибаясь во все стороны. Меня всегда удивляла пластичность медведей. Неуклюжим зверь кажется от того, что плавно, несколько замедленно движется. Но стоит познакомиться с ним поближе, как убеждаешься, что этот огромный зверь похож на мешок со ртутью. Он может беззвучно, не сломав сучка, пройти по захламленному лесу. Даже крупный медведь способен взобраться на дерево, а сильно напуганный зверь напролом бросается в лес, сметая на своем пути мелкие деревца и мгновенно исчезает, как бы растворяется в лесной чаще. Ухаживающий за своей шубой мишка свободно достает задней лапой до междуглазья, чешет уши, затылок, складываясь чуть ли не пополам. Лишь заживевший к осени медведь несколько теряет свою грацию, становясь тяжелым.

Подойдя ближе, я заметил, что ночью мишки сгребли в радиусе около двух с половиной метров все опавшие листья на площадку размером метр на метр. Днем активность их была низкой и удалось наблюдать лишь девять игровых моментов продолжительностью три-восемь минут. На деревья медвежата лазали 12 раз на высоту около метра и тут же спускались. Я отметил их интерес к сухим местам под огромными выворотами: они подолгу сидят там, нюхают все вокруг, иногда копают подстилку. Эти элементы поведения были явно направлены на разыскивание удобного для лежки места. Может быть они искали место для берлоги? Решил проверить свои предположения и ушел от «берлоги», предоставив медвежатам полную свободу в выборе места для зимней квартиры, в этом случае появлялась возможность наблюдать за медвежатами, самостоятельно строящими берлогу. Чтобы как-то ослабить их привязанность к тому месту, где мы уже жили шесть дней, я решил еще раз сходить с мишками на «Мартиновы Нивы».

Снег сошел. По пути нам попался свежий след лося. Почуяв его запах, медвежата насторожились, долго фукали, принюхивались и держались ко мне поближе. Всю ночь они не спали. Несколько раз подходили к избушке, громко фыркали. Я выходил, прислушивался, но так и не обнаружил причину их беспо-

койства, а утром нашел их метрах в двухстах от избушки сидящими на раскидистой березе.

Заметно изменилось игровое поведение медвежат. Игра их была не активной и, едва возникнув, через 10—30 секунд затухала. Обычно проявлялись начальные (приглашение к игре) элементы такого поведения: медвежонок (один или оба) широко открывает в направлении партнера пасть с вытянутыми губами, уши прижаты, ориентация тела 30—45 градусов по отношению к партнеру и при этом раскачивает из стороны в сторону головой и корпусом. Реже можно было наблюдать энергичные раскачивания головой, стойку на задних лапах и борьбу. В день каждый медвежонок съедал 100—150 граммов различной травянистой ветоши — листьев деревьев, корешков черники, листьев кислицы и прочей мелочи.

Как-то ночью разыгрался сильный ветер и пошел мокрый снег. Медвежата куда-то забежали еще с вечера и не появлялись у избушки до самого утра. К утру погода не изменилась, лишь стало холоднее. Сырой ветер пронизывал насквозь, свистел в тонких ветках берез, выл, и гудел в густой хвое елок. То жалобно и тоскливо, то с грозным скрежетом стонали и скрипели старые деревья. Лес наполнился тем особым тревожным шумом, какой бывает в ненастье. Медвежата пришли на мой зов. Вид их показался мне взъерошенным, чувствовалось, что они готовы были удрать куда-нибудь от непогоды. Я вполне разделял их желание, и во второй половине дня мы уже шагали к Центральной усадьбе.

У искусственной берлоги я снял палатку и установил ее в другом конце вывала, в 100 метрах от прежнего места. Это, конечно, была рискованная затея, ведь мишки могли не только не лечь самостоятельно в берлогу, но могли ее вовсе не сделать. Второе и самое главное, как мне казалось,— из берлоги, у которой не будет надежно закрыт вход, медвежата всегда могут выбраться и прийти к своему вольеру, а это грозило срывом опыта — у медвежат были замечены элементы поведения, направленные на устройство убежища. Стараясь не отпустить от себя мишек, я несколько раз прошел туда-сюда, перетаскивая вещи, но, несмотря на все мои ухищрения, Катя успела схватить пластиковую фляжку и удрала с ней в лес. Я не стал с ней скандалить — фляжка была прокушена мгновенно. Кое-как развел маленький костер и нагрел воду. Кипятил я ее редко, обычно довольствовался просто горячей водой. Медвежата устроились под корнями старой елки в десяти метрах от палатки.

БЕРЛОГА — ЭТО ВАЖНО

Итак, началась наша жизнь на новом месте. Пятнадцатого ноября мы пошли на обычную утреннюю прогулку. Я все надеялся, что медвежата выберут себе какое-нибудь укромное местечко под грудами наваленных ветром деревьев и там начнут строить

берлогу. Погода стояла прекрасная — светило солнце, было тепло. Я взобрался на поваленный ствол могучей осины, а мишки бродили вокруг, заглядывая во все закоулки. Яшка подошел к осине, на которой я сидел, зацепил когтями подгнившую кору и с хрустом оторвал большой кусок. Внутри кора была мокрой, ослизлой, от нее шел резкий запах закисшей древесины. По-видимому, он раздражал Яшку. Медвежонок нюхал коричневую слизь, лизал ее, а потом лег и принялся кататься по коре — переворачивался через спину, терся лбом, шеей, затем поднимался, нюхал и снова ложился на вонючий обломок. Было заметно, что он возбуждился: глаза заблестели, движения стали более резкими, Яшка часто со свистом дышал. На шерсть его налип лесной мусор, но вид выражал явное удовлетворение. Катя, заинтересовавшись необычным поведением Яшки, подошла, понюхала кору, но пачкаться не стала.

Днем медвежата неожиданно начали копать землю рядом с палаткой, у корня огромной сваленной ветром елки. Я спрятался в палатку и наблюдал оттуда, надеясь, что они начнут строить берлогу. Копали медвежата с обратной стороны лежащего ствола, и это меня несколько смущало. Обычно медведи делают берлогу под комлевой частью дерева со стороны ствола, а мои подопечные копали «не по правилам» — со стороны корней. Покопав немного, они отошли и, казалось, совсем забыли о зимнем жилье — долго не подходили. Я стал сомневаться в их намерениях, но вечером, уже из палатки, услышал снаружи какую-то возню. У корней копался Яшка. Катя стояла рядом и внимательно следила за его работой. Покопав одной, а затем другой лапой, Яшка захватил обеими лапами образовавшуюся кучку земли и, прижимая ее, оттащил на метр от выкопанной ямки. Потом понюхал место своей работы, копнул еще раз, энергично встряхнулся и ушел. Его место тут же заняла Катя. Она долго нюхала ямку, выкопанную Яшкой, ковырнула пару раз лапой глину и тоже отошла. Уже совсем стемнело, когда медвежата пошли спать под свою елку, и вскоре оттуда донеслось довольное ритмичное урчание.

Тропление «в пяту»

Утро 18 ноября выдалось ясное и тихое. Медвежата долго не покидали место своего ночлега, а я не показывался из палатки, надеясь, что они снова начнут копать землю под корнем. Когда мишки наконец проснулись, первым делом направились прямо к палатке. Я постоянно выработывал у них реакцию избегания палатки, применяя своеобразный прием. Пользуясь тем, что медвежата всегда, прежде чем ковырнуть что-либо лапой, нюхают предмет, вплотную приставив нос, я выжидал, когда на светлом фоне палаточного брезента появится темный пятак (нос медвежонка) и легонько, но резко ударял по нему ладонью. После такого щелчка медвежонок рывком и отбежал. Однако редко выпадал такой день, когда медвежата не пытались бы понюхать палатку, так что я, едва заслышав шумное сопение, старался не пропускать возможности щелкнуть мишку по носу, но удавалось это не всегда, — едва заслышав в палатке подозрительный шорох, медвежонок мгновенно отскакивал прочь. Вот и сейчас уже подошедшие вплотную медвежата услышали мою возню, уселись от «опасного» брезента на почтительном расстоянии, и Катька стала тихо постанывать — так мишки выпрашивают еду, хотя в данном случае ей просто не хватало моего общества. Я давно был готов для прогулки и тут же выбрался наружу. Подошел к ямке, которую прокопали мишки, измерил ее и мы отправились гулять. Косолапки стояли в стороне и внимательно наблюдали за мной. Лишь много позже мне стал понятен их интерес — мишки с большой осторожностью относились ко всему, что имело отношение к берлоге.

Теплая солнечная погода благотворно подействовала на медвежат — они разыгрались, стали бегать друг за другом. Я присел на удобном сухом кряжке и, наблюдая за ними, тоже радовался хорошему дню. Зверюшки то уходили далеко в лес, то возвращались назад — вели себя как обычно. Со стороны усадьбы доносились звяканье ведра у колодца, мерный гогот гусей и чей-то высокий женский голос. На дальнем конце усадьбы лениво брехала собака. Пока я прислушивался, представляя себе живописные картины деревенского утра, мишки исчезли. Еще не осмотревшись вокруг, я вдруг почувствовал, что их нет. Несколько раз подал звуковой сигнал — никакого ответа.

Я уже привык к тому, что медвежата не уходили далеко от того места, где стояла палатка, но близость Центральной усадьбы постоянно вызывала у меня смутное беспокойство. Мишки были очень неуравновешенны в своих действиях и как-будто специально ждали, когда я ослаблю внимание и появится возможность попроказничать. Именно так мне казалось, когда я безвозвратно терял какую-то вещь из своего снаряжения.

Первое место, куда я прибежал, обнаружив пропажу мишек, была палатка. Здесь все было на месте, дверь зашнурована, палатка не шевелилась. Беспреданно подавая звуковой сигнал, я быстро обежал небольшую площадку, где мы жили, побывал у искусственной берлоги — медвежат не было. Оставалось ду-

мать одно — удрали в поселок! Обдирая лицо и руки, я бросил-ся туда. Скорее, скорее! Я представил, что одному мне будет трудно справиться с медведями, забежал домой за подмогой, едва выдохнул округлившей глаза жене: «Медведята пошли в поселок!» — и побежал дальше. Жена отлично знала нрав наших питомцев и тотчас выскочила за мной на улицу. Первым делом я подбежал к клеткам — они пусты. На глинистой почве не видно было свежих следов. Я несколько успокоился. Где же мишки? Я попросил жену осмотреть дальнюю улицу усадьбы, а сам, внимательно смотря под ноги, потихоньку направился по тропе, которой мы обычно пользовались. Если мишки пришли к поселку, то только по этой тропе, так как другим путем никогда не ходили. Я уже отошел от усадьбы метров на сто, и вдруг позади меня раздался истошный, адский гогот гусей! Напали! Я напролом рванулся через кусты — воспаленное воображение рисовало картины кровожадной расправы. Вырвавшись из когтей густых кустарников, потеряв шапку, я влетел на лужок, где молодой гусак пытался топтать гусыню, а вся стая в порыве торжественного возбуждения орала, расправив крылья и задрав вверх головы с «вывернутыми наизнанку» глазами.

Я не стал считать своих царапин. С грустью посмотрел в сторону приближающейся ко мне жены и понял, что медведи в лесу. Придя к палатке, я обнаружил двух милых мишек, с умильным и спокойным видом дорывавших мои дневники. Медведята никуда не уходили. Они как-то незаметно проникли в палатку под зашнурованную дверь, а при моем первом приближении замерли, ожидая наказания, поэтому я их и не обнаружил. Когда я умчался в поселок, проказники устроили кромешный беспорядок в моем логове и в завершение всего разорвали дневники. Я был рад, что они не добрались до продуктов, которые по настоятельной просьбе жены прятал в самодельном жестяном контейнере. С облегчением вздохнув, — могло быть и хуже, — я сел восстанавливать по памяти испорченные записи, а два наглеца улеглись отдыхать у моих ног.

Следующие два дня медведята к берлоге даже не подходили. Я ходил около так обнадежившего меня корня, посидел даже на стволе этого дерева, но ничего не помогало. Начал перебирать в памяти события последних дней и пришел к заключению, что мои прогулки, перемещения около палатки и вокруг завала могут возбуждать медвежат и тормозить их гнездостроительное поведение. Решил в корне изменить тактику обращения с мишками. Теперь я накрепко залег в палатке, так, как будто это была моя берлога. Целый день я выглядывал в окошко, с тоской смотрел на давно ставшие знакомыми деревья, на полусгнивший пенёк, в сумерках похожий на сказочного дракона с острым, костлявым гребнем, на измочаленный медведями куст лещины, на все вокруг, что видел каждый день и каждый час, и думал, как же мне отделаться от лохматых «деток».

Стояла та самая пора, когда настоящие медведи еще не улег-

Верховая берлога

лись спать, но уже выбрали себе место для зимовки, а многие сделали и берлогу. В середине ноября мне приходилось поднимать медведей из берлог, полностью оборудованных на зиму, — в них уже лежал толстый слой подстилки. А у моих подопечных, кроме того, что они покопались у вывернутого елового дерева, задравшего свои крючковатые корни высоко вверх, — ничего больше не проявилось. Я уже подумывал и о возможности обучения медвежат строительству берлоги, но не представлял, как это можно сделать, а уверенности в том, что мои уроки могут пойти впрок, что я сделаю все правильно, по-медвежьи, не было. Тем не менее окончательно сомневаться в том, что малыши смогут сделать берлогу сами, не было оснований — ведь были же у них отмечены начальные элементы гнездостроительного поведения, значит, они должны обладать элементарными строительными задатками, позволяющими сделать это вообще-то нехитрое укрытие. Условий суровых, когда просто некуда деться, еще по-настоящему не было, и я решил ждать.

Итак, я залег в палатке, а мишки целый день пролежали под своей елкой, принимая самые неудобные позы. Но все же чаще всего их можно было видеть лежащими на животе, с головой, положенной на подогнутую лапу. К вечеру незаметно подкрался мороз, схватил тонким ледком небольшую лужицу, блестящую блюдцем рядом с окном палатки. Опавшие листочки подвернули подернувшиеся инеем края, застыли курчавыми корками. Разго-

ревшаяся было багряная заря быстро затянулась тяжелыми тучами, ветер стих, в лесу стало глухо и сумрачно. Медвежата встали, подошли к палатке и долго топтались вокруг, заходя с разных сторон, похрустывая подмерзшим мхом, шумно нюхая воздух. Потом они подошли к своему вывороту и принялись там копать землю и грызть корни. Было уже так темно, что я ничего не мог рассмотреть, кроме двух темных пятен, копающихся на таком же темном фоне. В душе я ликовал! Мишки начали строить берлогу! Малыши занимались строительством целых два часа, а потом ушли спать. Мне не спалось, и было время подумать, проанализировать события последних дней.

Во-первых, я поступал неправильно, ежедневно гуляя с медвежатами по завалу, — нужно было сидеть на месте, так как прогулки, движение возбуждают медвежат, задерживают проявление гнездостроительных элементов поведения. Иными словами, не создаются условия, обеспечивающие гнездостроительную деятельность. Во-вторых, я понял не сразу, что в берлоге медведь совершенно беззащитен, значит, чтобы сохранить жизнеспособность, обеспечить продолжение своего вида, мишки должны надежно прятать свои зимние квартиры, т. е. у медведей в период строительства берлоги должна проявляться особая осмотрительность. Этим и можно объяснить длительное пребывание медведя в районе будущей берлоги. За это время он успевает проверить надежность безопасности выбранного участка. Кружева следов зверя по снегу, если тот захватит косолапого, конечно выдают его местонахождение, поэтому он старается спрятаться вовремя. Если так, то мои появления около строящейся берлоги, несмотря на то, что я был знаком малышам, могли вызывать у них беспокойство, оборонительную реакцию, которая как главная будет подавлять, тормозить гнездостроительные реакции.

Утром, едва рассвело, медвежата уже пришли на строительство. Я поудобней уселся у окна — вся стройка, размещавшаяся в семи метрах от окна палатки, была как на ладони. Корни выворота как раз посередине, под самым стволом, были уже изрядно погрызены и торчали белыми обломками щепок. Наметилось чело — будущий проход в берлогу — медвежата расковыряли засохшую землю, плотно забивавшую промежутки между корешками. Катя подошла первой. Поцарапала когтями по корням, откусила пару щепок, отошла чуть в сторону и так осталась стоять. Яшка подошел не торопясь, внимательно все осмотрел и обнюхал, как бы примериваясь к работе, и взялся за дело: скоблил когтями землю, грыз корни, захватывая резцами щепки, отрывал их с треском, дергаясь всем телом. Уже образовалось довольно глубокое отверстие, в которое Яшка совал лапу, выскабливая оттуда землю, но чтобы пролезть в него, медвежонку нужно было еще обгрызть корни.

Трудились медвежата попеременно, уступая место друг другу. Пока один из них работал второй стоял рядом, напряженно смотрел на действия партнера и не мешал ему, но стоило медве-

жонку отойти в сторону, как его место у дырки занимал другой. Вскоре в дырку уже могла пролезть голова медвежонка. Яшка, когда настала его очередь, всунув в дырку голову, долго и шумно там нюхал. Выбравшись наружу, он поскоблил глиняный бугорок у самого входа, посмотрел на Катю, опять полез в дырку, покачался на высоко вытянутых ногах взад-вперед и медленно, с остановками протиснулся внутрь. Едва Яшка скрылся, как Катя подошла к самому челу, пригнула голову к земле и, напряженно уставившись на черное отверстие, надолго застыла в этой позе. Лишь уши ее изредка шевелились, выказывая беспокойство и особый интерес, проявляемые ко всему тому, что происходило в берлоге. А оттуда слышались негромкие шорохи, пофыркивания, покряхтывания, какие-то щелчки и треск.

Прошло долгих пять минут, и из чела вдруг брызнула, горохом покатилась наружу россыпь глины. Катька, напряжинившись, отскочила в сторону, развернулась и осталась стоять все в той же напряженной позе, только чуть присела на задние лапы. Из дырки продолжали вылетать комья земли, щепки, слышалось сопение и утробные стоны усердно работавшего Яшки. Потом все стихло. Показалась Яшкина голова, перемазанная рыжим глиняным крошевом. Вытягивая шею, мишка покрутил головой, как бы прислушиваясь, а потом рывком вылез наружу. Присел на всех четырех лапах, встряхнулся так, что мусор от него полетел во все стороны, и прыжками отбежал в сторону. Катя бросилась за ним. Мне не было видно, что медвежата делали, но по гулкому хриплому фырканию и свистящему сопению я понял, что они играли.

В обед медвежата еще раз недолго покопались у берлоги, и теперь в нее решила залезть Катя. Просунула в дырку голову, долго стояла так, а потом, смешно задрав вверх заднюю ногу, дернулась, пытаясь протиснуться дальше, но вдруг испуганно рванулась назад — буквально вырвала себя из узкого отверстия, оставляя на расщепленных концах корней клочки шерсти. Постояла так недолго и стала старательно обгрызать помешавший ей, торчавший сбоку корень. Долго отдирала от крепкой древесины небольшие кусочки, потом деловито осмотрела свою работу — чуть расширившееся отверстие — и, кажется, осталась довольна. Подошла к челу, чуть потянулась и быстро проскользнула внутрь. Поскоблила, погрызла что-то внутри, через две минуты вылезла наружу, так же, как Яшка, встряхнулась и ушла к нему, с безразличным видом растянувшегося метра в двадцати под кустом лещины.

Вечером медвежата долго возились у берлоги. В ноябре темнеет быстро, и лес, по которому еще только что бродили сумерки, быстро заплывает тяжелым ночным мраком. Рассмотреть что-либо уже не было возможности, и я забрался в спальный мешок, расправляя затекшие от долгого сидения ноги. Снаружи еще некоторое время слышалась какая-то возня, потом все стихло. Я уже начал дремать, уверенный в том, что медвежата ушли на

Рядом с берлогой медведи обычно устраивают временные лежки и подолгу лежат на солнце

Позже всех уходят от берлог молодые медведи

ночлег в свою постель под елкой, как послышался странный скрипящий звук. Не сразу я догадался, что это храпели медвежата! Они забрались ночевать в берлогу, и я впервые слышал, как могут храпеть медвежата. Они храпели, как человек, с которым не очень-то заснешь в общественном номере гостиницы! Мне же храп их показался особо приятной музыкой, вселявшей покой, уверенность и благодущие, и я, сам того не заметив, быстро задремал.

Вскоре я очнулся. Медвежата не храпели, но все пространство вокруг меня было заполнено каким-то странным шипящим шорохом. Это пошел снег и снежинки шуршали, падая на брезент палатки, сглаживая и поглощая все другие ночные звуки леса. Это была первая ночь, когда медвежата спали в берлоге.

Утром, когда уже рассвело, они выбрались наружу, зевая и потягиваясь, основательно вытряхнули свои шубы и стали лениво и бесцельно бродить рядом, оставляя на таявшем снежке четкие отпечатки лап. Я терпеливо отлеживал свои часы в палатке. В десять часов мишки громко зафыркали и полезли на дерево. Ничего не разобрав изнутри, я выглянул в дверь палатки и увидел тихо пробирающуюся меж деревьев жену. Так просто она прийти, конечно, не могла, значит, случилось что-то серьезное. Сдерживая волнение, я выбрался к ней навстречу, готовый услышать самые неприятные известия. Но все оказалось проще — дирекция немедленно вызвала меня на собрание для обсуждения текущих дел заповедника. Выполнение этого распоряжения было обязательным. Ничего другого не оставалось, как попытаться незаметно уйти, оставив за себя жену, — в мое отсутствие медвежата обязательно разгромили бы палатку. Пока мишки прятались от опасности на спасительном дереве мы с женой поменялись местами — она забралась в палатку, а я потихоньку ушел.

Собрание затянулось, и лишь к пяти часам вечера мне удалось прийти на место. У палатки, в плотном окружении медвежат, меня ждала жена. В руках у нее была палка, вид решительный, глаза сердитые. С одного взгляда я понял все. Мишки заподозрили мое отсутствие, а может определили это по запаху, и когда я ушел, проверили палатку. Они проявили такое упорство в желании проникнуть внутрь ее, что жене ничего другого не оставалось, как выйти, чтобы отогнать упрямец палкой. Медвежата подняли настоящий рев, ходили вокруг жены и вокруг палатки, и не могли успокоиться до самого вечера. Когда мы молча распрощались, у жены в глазах блестели слезы.

Я забрался в палатку, надеясь на то, что мишки успокоятся, так как уже наступала ночь, но моим надеждам в этот раз не суждено было оправдаться — медвежата ныли, рывкали, упорно лезли к палатке, трясли отяжки, как-будто сошли с ума! Я совершенно не знал, что мне делать.

Уже в полночь я решил идти в вольер и запереть их до утра в клетки — может это их как-то отрезвит. Мишки молча проследовали за мной в вольер, охотно зашли в свои клетки,

а я, шатаюсь от пережитого напряжения, пошел спать домой. В шесть часов утра мы вернулись к берлоге. Медвежата как будто и не буянили накануне. Проверили мое присутствие в палатке и ушли досыпать под елку. Но к берлоге в этот день они ни разу не подошли. Я понял, что это было результатом сильного возбуждения, порожденного таким бесцеремонным отношением «мамаши» к «деткам».

Ночью опять пошел мелкий снег, который прекратился только к утру. Утро постепенно наполнило лес молочным светом. Все вокруг побелело, преобразилось, приняв новые очертания и формы. На ветровале поваленные вперемешку деревья резко обозначились — снег, покрыв их стволы и сучья, четко вычертил их на темном фоне леса. От этого стал виден весь завал, весь хаос, порожденный прокатившимся некогда ветровым шквалом. Около чела снежок лежал чистой, белой скатертью — медвежата не подходили к берлоге. Легкий мороз удержал этот по-настоящему первый снег, который и днем еще несколько раз принимался падать. У берлоги медвежата появились лишь к вечеру. Услышав легкое шарканье, я выглянул в окошко и увидел своих подопечных, топтавшихся у самого чела. Они долго заглядывали в черный провал, крутили головами, напряженно прислушиваясь ко всему, что творилось вокруг, а потом медленно, как бы с опаской пролезли друг за другом в берлогу и затихли. До одиннадцати часов ночи не было слышно никаких звуков, а потом мишки дружно захрапели. Я облегченно вздохнул. Меня не покидало чувство, что так удачно начавшаяся укладка медвежат в берлогу может сорваться от излишнего их беспокойства.

Утро постепенно наполнило лес светом, тускло льющимся сквозь мелкую дымку снежного тумана, — снежок понемногу сыпал всю ночь. Из черного проема чела выглянула напряженная мордочка Кати с острым, внимательным взглядом смысленных глаз. Потом Катя наполовину высунулась из берлоги, но все не решалась ступить на снег — нюхала, лизала его, иногда застывая неподвижно и прислушиваясь. Наконец она смело ступила на снег и прошла вперед. Следом за ней решительно вылез Яшка, прошел от берлоги налево и тут началось! Каждый из медвежат молча, с сосредоточенным видом, медленно, расчетливо двигаясь, начал сгребать лапами листья, мелкие веточки вперемешку со снегом, делал из этого мусора шар и катил его, подвигая лапами, к берлоге, двигаясь задом наперед. Подтащив к берлоге, медвежонок влезал в чело, все так же — задом наперед, и затаскивал шар за собой. В том месте, где медвежата начали собирать лесную ветошь, сразу зачернели дорожки. Каждый медвежонок работал на своей дорожке. Они ни разу не помешали друг другу в течение трехчасовой непрерывной работы, ни разу не столкнулись у берлоги и не залезли в нее одновременно. Вскоре около берлоги, в радиусе трех метров, был собран весь лесной мусор, обгрызены веточки мелких елочек и содран верхний слой мха. Все это было аккуратно затащено в берлогу — медведи делали себе под-

стилку. После этого мишки залегли в берлогу и надолго затихли. Я в своей берлоге-палатке невольно страдал от вынужденного бездействия, но не шевелился, даже бумагами боялся шуршать, чтобы не потревожить мишек. Я понял, что они собираются по-настоящему улечься спать. Целый месяц скитальческой жизни в промозглой сырости осеннего леса, нагромождение впечатлений, удачи и просчеты, надежды и разочарования, вздрагивания по ночам от холода — все это выматывало, требовало постоянной напряженности. Даже есть приходилось украдкой, чтобы не потревожить медвежат видом и запахом пищи.

Я радовался предстоящей смене обстановки, ожидая возможности побыть в кругу семьи, сходить на охоту, потрепать за ушами любимую собаку, встретиться с сотрудниками и друзьями. Целыми днями слышались гулкие ружейные выстрелы, иногда доносился далекий залиvistый лай собаки — это в дальних, не заповедных урочищах охотники отводили душу. Теперь у меня к чувству удовлетворения от того, что мишки, наконец, построили берлогу, примешивалось щемящее душу ожидание охоты с лайкой — неумная потребность, безраздельно захватывающая надо мной власть в каждый охотничий сезон. Одной недели обычно хватало, чтобы погасить этот порыв, но этой недели я с нетерпением ждал целый год. А пока я сидел в палатке, надеясь, что медвежата вскоре выпустят меня из-под своего неусыпного контроля, приводил в порядок записи, дуя на стынувшие руки, не создавая шума, собирал вещи. С затаенной тревогой я смотрел на берлогу — никак не верилось, что мишки не вылезут из нее, не будут тыкаться носами в палатку, попрошайничать, вздыхать и фыркать, что их теперь долго не будет и можно заниматься своими делами, никак не связанными с жизнью этих лохматых существ.

В это не верилось. Но день прошел, а медведей не было. Лишь в полдень в берлоге слышно было похрапывание, которое продолжалось совсем недолго, и больше никаких звуков — ни возни, ни фыркания. Днем трусил мелкий легкий снежок. Небольшой мороз, три-четыре градуса, не давал ему таять, и постепенно слой снега вырос и на земле, и на поваленных деревьях, и на пушистой одежде елок. Ночью неожиданно прояснело, засияли яркие звезды и похолодало, но к утру небо плотно заложило тучами и опять пошел все тот же мелкий долгий снег, не прекратившийся и днем.

Следующий день был как две капли воды похож на прошедший — все также сыпал снег, иногда крупными хлопьями, иногда мелкий, похожий на белую пыль, укутывая лес все плотней в белое покрывало. В обед, как и накануне, из берлоги слышались негромкое посапывание и недолгий храп, но потом все стихло до вечера. И если бы я не знал наверняка, что в семи метрах от меня лежат медвежата, то ни по каким признакам уже не смог бы определить, что рядом жилая берлога — снег надежно замаскировал всю их деятельность, прикрыл веточки и корни, которые

Лесная избушка

хранили следы зубов моих подопечных. Только внимательный осмотр чела, около которого колючими щетками торчали концы измочаленных, обгрызенных медвежатами корней, позволял предположить наличие берлоги под этим обычным, таким же, как многие десятки других, вывалившимся деревом.

Ночью я решил уйти домой, оставив палатку и кое-какие вещи, которые не очень боялся потерять, на «совести» медвежат. Задолго до начала темноты я уложил рюкзак и в десять часов под шорох лениво сыпавшегося снега бесшумно вылез из палатки, медленно фиксируя каждый шаг, отошел от нее метров на пятьдесят и лишь тогда позволил себе чуть отдохнуть. Эти метры мне стоили немалых трудов, так как прежде чем поставить ногу, при каждом шаге, я осторожно щупал ею землю, чтобы не наступить на сучок, и лишь потом опускал ее. Медленно, постепенно переносил центр тяжести на эту ногу так, чтобы давление распределялось на всю ступню. В противном случае, когда нужно будет сделать второй шаг, одна из сторон стопы может продавить грунт сильнее, тогда корпус уходит в сторону, тяжелый рюкзак усугубляет смещение, равновесие нарушается и можно упасть или, быстро переставляя ноги, наступить на предательский сучок. Неизвестно, чем могло кончиться нарушение покоя для мишек, но рисковать я не хотел и в конце этого долгого пути обнаружил, что весь покрылся липким потом, а по ногам перекачивалась мелкая дрожь от напряжения. Дальше все пошло благополучно, и через 20 минут я был дома. Вот так закончился первый сезон нашей работы с мишками. От сознания выполненной работы и конца мытарств я почувствовал непередаваемые легкость

и удовлетворение. Конечно, медвежата могли еще вылезти из берлоги, могли прийти в вольер — ведь до него 300 метров! Но главное я уже видел! Я видел, как медвежата сами, без научения, построили берлогу и, кажется, не сделали ничего такого, что принципиально отличало бы их строение от берлог других медведей, которые мне приходилось осматривать в здешних местах.

Целую неделю я просидел дома как на иголках. Каждое утро наведывался в вольер, поглядывал на его сетку и днем, а иногда и ночью выходил из дома, долго стоял и слушал — не пришли ли топтыжки. Но медвежата не пришли, и я постепенно успокоился. Через две недели я все же решился сходить к берлоге. Выбрал день, когда разгулялся свежий ветер, под создаваемый им шум подошел к зимней квартире метров на сорок и осмотрел ее в бинокль. Палатка оказалась совсем придавленной снегом и представляла собой небольшой снежный холмик, по сторонам которого торчали углы брезента с оттяжками, еще державшимися на кольях. Удалось рассмотреть и лунки следов медвежат, хотя они были уже как следует засыпаны снегом. Следы были старые, недельные и вели от берлоги к палатке. Значит, мишки проверили палатку! Но к этому времени, конечно, все мои следы уже надежно спрятал снежок, и малышам ничего другого не оставалось, как забраться обратно в берлогу. Убедившись, что медвежата в берлоге, я пошел домой. Снег больше не таял — зима вступила в свои права.

Разбирая последние записи, я постарался восстановить картину очень важного в жизни медвежат-сеголеток гнездостроительного периода. Вот что получилось. После осенней нажировки, в августе — сентябре, по мере снижения доступных кормов (позже всех отошли ягоды брусники и рябины) активность заживевших медвежат начинает падать: они мало играют, перестают бегать, лазать на деревья, не занимаются активным разыскиванием корма и постепенно едят все меньше и меньше. В конце октября поведение их становится столь пассивным, что они неделями могут жить на одном и том же месте, подолгу лежат, спят и почти перестают что-либо есть. Эту же картину можно наблюдать и в ноябре. В дождливую погоду, особенно с понижением температуры воздуха до четырех-пяти градусов тепла, медвежата отыскивают для лежки защищенные, сухие места: под густой елкой, мохнатые ветви которой растут до самой земли, под корягами, сваленными ветром деревьями. В это время они подбирают место для будущей берлоги.

Строить берлогу медвежата начинают в один из обычных, не отличающихся от других день, когда термометр показывает от двух градусов тепла до двух градусов мороза, а мелкий морозящий дождик зачастую сменяется мокрым снегом. Они разыскивают сухие затененные места под корнями и стволами сваленных деревьев и иногда копают там землю. Эти элементы поведения уже являются гнездостроительными и направлены на выбор места под берлогу. Наконец, внимание медвежат привлекает какое-то

одно место, и они могут жить здесь довольно долго, не делая больше попыток, направленных на разыскание места под берлогу. В холодную, пасмурную и дождливую погоду они могут сутками лежать почти без движения. Похолодание, выпадение снега, по-видимому, стимулируют гнездостроительную активность медвежат, и они принимаются за дело. Около выбранного выскрени, напротив того места, где предполагается вход в берлогу, в грунте прокапывается ими канавка конической формы, длиной 30—40 и шириной 8—10 сантиметров. Потом разрабатывается чело — вход в берлогу. Работа эта не простая, и медведю приходится затратить много времени и усилий, чтобы прогрызть в корнях дырку-проход. Подопытным медвежатам (я наблюдал за строительством ими берлоги два сезона), работавшим вдвоем, попеременно, требовалось около шести часов непрерывной работы, чтобы сделать достаточный проход под корни выворота, а вся работа по разработке чела растягивалась на два — три дня. Конечно, у многих берлог верхового типа медведю не приходится разрабатывать чело, так как он просто подлезает под упавший ствол дерева. В некоторых зимних квартирах медведей вообще нет сколько-нибудь ясно выраженного входа — чела, но медведь лежит головой в одну сторону, туда же выходит, будучи потревоженным, и поэтому именно эту сторону принято считать челом берлоги. Наиболее тщательно устраивается камера берлоги. Мишки копают там землю, обгрызают корни, ветки, сучки, которые мешают, цепляют его или давят в бок. Все это выбрасывается из камеры через чело, и прокопанная у входа канавка полностью засыпается. На этом этапе строительство может надолго прекратиться. Теперь все зависит от погоды. Медведи довольно часто лазают в берлогу, а ночью нередко в ней спят. Но в какой-то день мишки чувствуют большой снег и начинают интенсивно затаскивать в берлогу подстилку. Если в берлоге лежат два медвежонка, они четко распределяют свои места и каждый стелет подстилку на свое место-ложе. С этого момента поведение медвежат меняется. Они залезают в берлогу через чело задом наперед. Погода в это время неустойчивая, капризная, и снег может растаять, но из берлоги мишки уже не уходят, хотя еще могут вылезти, чтобы поскрести мусора и подломать еловых лапок для подстилки. Ведут себя медведи у берлоги предельно осторожно и всякий, даже незначительный раздражитель может вызвать у них оборонительную реакцию. Возможно, этим объясняется то, что иногда без видимых причин взрослые медведи покидают уже готовую берлогу и переходят в новое место. Так что берлога — это важно.

Сыплет и сыплет снежок, постепенно прикрывает берлогу, прячет ее от постороннего глаза, закрывает дырки, делает медвежий дом теплее. До встречи весной, косолапки!

ВЕСЕННИЕ ТРУДНОСТИ

Долгая зима еще только вступила в свои права, а мы уже с нетерпением ждали весну — что-то она принесет нашим мишкам? За пятнадцать дней до залегания в берлогу медвежат взвешивали. Катя потянула 35 килограммов, а Яшка оказался на два килограмма тяжелее — 37. Много это или мало? Из всевозможных источников, которые только удалось разыскать, явствовало, что масса медвежат-сеголеток перед залеганием в берлогу составляет 35—40 килограммов, а один из авторов приводил цифру в 60 килограммов, но возможно, ему приходилось взвешивать медвежат в зоопарке, а там на вольных хлебах медвежата растут вдвое быстрее. Мне трижды удавалось видеть медвежат-сеголеток поздно осенью вплотную. Их размеры и объем на глаз были не больше, чем у подопытных медвежат. Так что масса наших подопечных в основном соответствовала норме. Немного беспокоило другое. В естественных условиях медвежата первого года жизни залегают в берлогу вместе с матерью. Конечно, около мамыши им должно быть гораздо теплее, при этом расход жировых запасов будет меньше, значит, можно обойтись и малым весом. Наши мишки остались зимовать сами, так как их «мамаша», т. е. я сам, предпочел зимовать в просторном деревянном доме, поближе к печке. Хватит ли малышам жира на зимовку, мы не знали, и оставалось только ждать весны, надеясь, что все обойдется благополучно.

Зимой я дважды наведывался к берлоге, но снежные сугробы так надежно спрятали и ее и палатку, что рассмотреть хоть что-нибудь было невозможно даже в сильный двенадцатикратный бинокль, а подходить ближе чем на 30 метров я не решался, не будучи уверенным в том, что не побеспокою медвежат. Посоветовавшись дома, мы решили к берлоге больше не ходить. Если медвежатам станет плохо, они должны выйти к вольеру, который располагался всего в 300 метрах от их зимней квартиры. Вольер и засыпанные снегом медвежьи клетки хорошо просматривались из окон нашего дома, так что если появятся медвежата, мы их увидим. С того момента, когда вопрос о судьбе медвежат был снят с повестки, время побежало так быстро, что мы не успели переделать и половину намеченных дел, а на дворе объявился март с теплым ветром, ясным голубым небом и звонкой капелью, отращающей по ночам на стрехе нашего дома ряд длинных и тонких сосулек. По вечерам солнце, описав большой круг, заглядывало под стреху, и тогда весь ряд начинал дружно плакать крупными каплями, переливаясь на солнце всеми цветами радуги! Иногда какая-нибудь крупная, переросшая сосулька с легким стоном срывалась с крыши и, с треском ударившись о землю, крошилась на сотню запотевших скользких ледышек.

В лесу снег заметно потемнел, осел, и только легкие ночные снегопады, обычные в это время, обновляли снежное покрывало, заставляя его сверкать недолгой белизной и свежестью. В середине марта в хорошую погоду медведи вылезают из своих

берлог и лежат рядом — принимают солнечные ванны. Большинство медведей-самцов в берлогу уже не возвращаются, а делают себе из еловых лапок подстилку; аккуратно укладывают ее на снег и лежат — досыпают, как говорят охотники. Медведицы, у которых родились медвежата, сидят рядом с берлогой, чаще всего в середине дня, когда солнце светит особенно ярко, а затем возвращаются обратно к своим малышам. Видеть маленьких медвежат, вылезших из берлоги за матерью, мне не приходилось.

Мы каждый день выглядывали в окно, надеясь увидеть медвежат, но их не было. Семнадцатого марта я не выдержал и пошел к берлоге. Старался идти тихо, но снег предательски скрипел и хрустел под лыжами, и медвежата меня, конечно, услышали. Когда я подошел на расстояние, позволявшее сквозь стволы деревьев рассмотреть берлогу, то увидел, что снежная крыша осыпалась и пестрит следами медвежат. Присмотревшись, я неожиданно увидел малышей, спрятавшихся за корнями выворота, и настороженно уставившихся в мою сторону. Около чела берлоги снег чернел грязными разводами, был сильно утопан, что свидетельствовало о том, что медвежата уже несколько дней назад выбрались наружу, но от берлоги никуда не отходили, так как дальше никаких следов не было. Стараясь не шуметь, насколько это было возможно, я развернулся и ушел домой. Через два дня я решил «представиться» медвежатам — оделся в свою обычную одежду, которую они хорошо знали, и пошел к берлоге.

Когда я подошел, мишек не было ни в берлоге, ни около нее. Я присмотрелся. От берлоги по снегу тянулись две хорошо натопанные дорожки, петляющие по завалу и неоднократно пересекающиеся друг с другом. Долго я стоял и прислушивался, но косолапиков так и не услышал. А лес вокруг ошалело звенел и тенькал птичьими голосами, стучал дробной трелью дятлов, глубоко и томно вздыхал теплым ветром. Снег пускал под себя талую воду, она точила его и прорезала ручейками, которые, постепенно собираясь вместе, превращались в говорливый ручей, проложивший себе узкую дорожку к самой речке Меже.

Я пошел по медвежьей тропе, внимательно присматриваясь. Пройдя немного, нашел две черные колбаски — их называют пробками или втулком за твердую консистенцию, которую фекалии приобретают за долгую зиму, находясь в колбе прямой кишки медведя, — в берлоге бурый медведь не испражняется. Еще прошел и увидел, что дорожки упираются в толстые лохматые елки, вокруг которых на снегу было много хвои старой — черной и свежей — зеленой. Кое-где валялись даже отдельные веточки. Значит, медвежата лазали на эти деревья и сейчас, наверняка заслышав мое приближение, заранее забрались на них и затаились, пережидая опасность. Я несколько раз подал звуковой сигнал, уверенный в том, что тут же получу ответ, но его не последовало. Я много раз еще щелкал на все лады, прохаживался по медвежьим дорожкам, уверенный в том, что медвежата сидят на каком-то дереве и хорошо видят и слышат меня, но так ни-

чего и не добился. Долго я присматривался, заходил с разных сторон, когда, наконец, на одной из елок сквозь густую сетку лохматых лап и толстых сучьев рассмотрел одного медвежонка. Потом кто-то чихнул на соседней такой же могучей елке, и я увидел второго зимовщика. Медвежата были совсем рядом, но настороженно молчали, и это было мне непонятно. Оставив их на елках, я пошел домой и еще не добравшись до дома, понял причину их страха.

За зиму поведение медвежат сильно изменилось. Долгое пребывание в берлоге, в обедненной обстановке, способствовало обострению оборонительной реакции, вот они и затаились, возвратившись на дерево.

Дома, начертив схему троп вокруг берлоги, я обнаружил, что они тянутся в сторону противоположную от поселка и вольера. Медвежата, конечно, хорошо слышали все, что творится в поселке. Около берлоги в ясную погоду можно было слышать голоса отдельных людей даже мне, а ведь слух медвежат намного острее! Оставалось предположить, что зимовка в берлоге так подействовала на поведение медвежат, что они могли уйти от человека в лес, проявив реакцию избегания. Эти изменения нас вовсе не устраивали, так как опыт еще не закончился. Предстояло выявить возможности переживания ими весеннего периода, называемого всеми зоологами для медведей трудным, так как в это время звери вынуждены голодать, особенно молодые особи, которые не могут добыть себе лося или кабана, а ловить зайцев или птицу, добычу по зубам, конечно, бесполезно — это не их жертвы. Поэтому я целых три дня подряд «представлялся» медведям: ходил взад-вперед, подавая звуковой сигнал, нагрузил карманы провизией в надежде скормить ее мишкам и тем завоевать их признание.

На второй день медвежата уже отвечали на мои сигналы, а на третий сначала Катя, а потом и Яшка спустились со своих елок и подошли, но, чего я никак не ожидал, отказались от хлеба — лишь чуть погрызли корочки, рассыпая по снегу крошки. Однако появившиеся около тропинок экскременты говорили о том, что медвежата уже едят. И вырытые в снегу до самой подстилки ямки были свидетельством тому, что малыши что-то выискивали в лесной подстилке, основательно ее перекапывая. Потребовался еще целый год работы, чтобы можно было разгадать эту загадку, ведь медведи не могут есть сразу после выхода из берлоги. Нужно время, чтобы их пищеварительный тракт начал нормально работать — разогрелся. Вот мишки и едят понемножку разную ветошь, корешки черники, хвою елок, труху гнилых пней, постепенно привыкая к пище. Уходящий от берлоги медведь способен есть все, так как он еще у берлоги много дней подготавливал свой пищеварительный тракт к приему пищи.

Итак, я снова подружился с мишками. Каждый день приходил к ним и приносил немножко хлеба. Мы гуляли по несколько часов. Медвежата совершенно не боялись холодной воды

и при нужде, когда нужно было перейти на другую сторону шумного весеннего ручья, да и без нужды смело лезли в воду, барахтались в ней, а потом катались по снегу, зарываясь в него чуть ли не полностью — так они сушили шерсть. Глядя на их забавы, я невольно ежился от пробиравшего озноба — вода-то ледяная! Потом я шел домой, а медвежата, проводив меня до просеки, возвращались в свою берлогу. И так каждый день. Мне нетерпелось взвесить малышей, но я не хотел навязывать им свою волю, да и не время было им уходить от берлоги. В естественных условиях медведицы с медвежатами-сеголетками и второгодками уходят от берлоги поздно, когда появятся проталины, а сейчас в лесу еще только появилась подснежная вода да побежали первые ручьи.

Двадцать пятого марта, собираясь в очередной раз идти к медвежатам в гости, я увидел два темно-бурых пятна в вольере — мишки пришли сами. Не торопясь, обошли клетки, заглянули в дощатую будку, где хранился нехитрый инвентарь, погромели там лопатой, потом подошли к сетке, отделявшей двор от вольера, и с интересом уставились на окна дома. Я вышел к ним вместе с женой. Мы сразу же взвесили медвежат, зазывая их кусочком хлеба на площадку весов. Яшка похудел на семь килограммов, а Катя только на пять! В это не верилось — ведь медвежата не ели четыре долгих месяца! Мы проверили весы и снова взвесили медвежат. Ошибки не было.

Пережить зиму в берлоге — это еще не все. Нужно выжить весной, когда нет кормов, а расход энергии значительно возрастает. В берлоге медвежонок двигался мало и расход энергетических ресурсов был минимальным, а теперь он должен перемещаться по лесу, преодолевать всевозможные препятствия, переворачивать колоды, камни, разрушать пни, выкапывать корешки и раскапывать норы мышей в надежде чем-нибудь поживиться. Снега в лесу было еще много. Днем он становился жидким, как каша, а ночью подмерзал легкой корочкой так, что нельзя было и думать о выходе из дома ни на лыжах, ни пешком. Мы решили неделю покормить медвежат кашей, давая им умеренную порцию лишь один раз в день, а потом я должен был на 10—15 дней уйти с ними на болото Катин мох, чтобы посмотреть, как мишки будут переживать весенний период.

Едва появились проталины, как я собрал рюкзак, вооружился тяжелой кинокамерой и потащился в лес на далекое болото. Медвежата отлично разбирались, когда я выходил к ним погулять, а когда отправлялся в долгую экскурсию. И несмотря на то, что в таких экскурсиях их вовсе не кормили, они шли с большой охотой и весельем их не было предела. Первые пять-шесть километров пути они только и делали, что беспрестанно боролись, лазали по деревьям, бегали взапуски, однако при этом не забывали посматривать и за мной, куда я направляюсь, и далеко в стороны не отбегали. Вот и сейчас, едва я появился в вольере во всем походном снаряжении, как Катя стала сильно трясти дверь

клетки, а Яшка от возбуждения залез по прутьям под самый потолок, перевернулся там вниз головой и в такой позе ждал, когда я отопру замок. Едва клетки были открыты, как оба медвежонка дружно зашлепали по многочисленным лужицам, собравшимся на лесной тропинке, — умчались вперед. Тяжело груженный, я плелся за ними. Пока дорога была знакомой, мы поменялись ролями — теперь не медвежата следовали за мной, а я за ними. Еще нескоро мишки пристроились сзади. Но вот они замелькали то тут, то там, с ходу лезли в лужи, расплескивая воду, тузили друг друга. Я невольно им позавидовал и беззлобно подумал о том, что у меня еда в рюкзаке, а вот что им удастся добыть на болоте, неизвестно — вот тогда и посмотрим, как вы будете играть! Забегая вперед, я должен признаться, что моим предположениям, порожденным завистью, не суждено было сбыться — медвежата, несмотря на лишения, так и не переставали каждый день играть. Они ели скудную болотную растительность, а в перерывах между кормежками играли. Мокли под холодным весенним дождем, теряли вес, дожидаясь появления хоть какой-то травянистой растительности, а весна, как нарочно, затянулась, и ... играли! Играли азартно, весело, самозабвенно! Играли, радуясь простору, весне, воле!

На болоте и на еловых гривах, которые его окружали, мы прожили 17 дней. На солнцепеке уже полезли стрелочки злаков, которые медвежата выедали дочи́ста, а на болоте основным их кормом была пушица влагалищная. Всех весной кормит это неприхотливое растение: уток и гусей, глухарей и рябчиков, северных оленей и, как оказалось, медведей. Конечно, не пройдет мишка мимо ярко-красной или буро-коричневой клюквы, но основной корм на болоте весной — пушица. Вопреки всем моим ожиданиям мне с моим рюкзаком пришлось гораздо труднее, чем медвежатам. Масса их стабилизировалась — не прибавлялась, но и не снижалась, и я пошел домой. Теперь Яшка весил 22, а Катя 23 килограмма, так что за 15 весенних дней они потеряли в массе больше, чем за всю долгую зиму. И все же весенний период для медведей нельзя назвать трудным, что-то определяющим. Другое дело, если топтыгин не накопил жира к зиме, тут ему волей-неволей приходится становиться шатуном, а шатуны, как известно, гибнут. Так что осенняя пора — более ответственное время для медведей, определяющее благополучие зверя. В неурожайные на ягоды да орехи годы кочуют медведи из одних мест в другие и много их гибнет от бескормицы в первые же месяцы зимы.

КРИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ

По лесу загулял май. Повсюду рассыпались первоцветы — печеночница, ветреница. Полянки запестрели зелеными латками прорастающей травы, среди которых кое-где уныло возвышались

светло-рыжие кочки, еще прикрытые повислой прошлогодней травой. Ожили муравейники, на деревьях появились первые клейкие нежно-зеленые листочки. На старой сосновой гриве оттоковали глухари, а на омшаре поутихли тетеревиные бои, и только рябчики не могли угомониться — дружно пересвистывались по утрам, слетались и азартно гонялись друг за другом. По вечерам во всех направлениях тянули вальдшнепы, наполняя сумерки томным журчащим хорканьем. Весь день с раннего утра до позднего вечера лес гудел птичьей разноголосицей, разобраться в которой мог только специалист. Колония дроздов, ежегодно заселяющая группу елок на самой усадьбе заповедника, встречала каждого прохожего крикливым хором, а уж если на их территории появлялась кошка или собака, залетала ворона или сорока, то вся колония, осаждая нарушителя, поднимала такой скрипуче-трещающий гвалт, что пришелец старался поскорее убраться.

В конце мая — начале июня у медведей наступает важная пора — начинаются свадьбы. Старые самцы в здешних местах занимают отдельные участки, которые ревниво контролируют, оставляя повсюду свои следы: специальные следовые метки на тропе, по которой они ходят, задиры и закусы на стволах деревьев-маркеров. На них же оставляют свой запах. Поднимаясь на задние лапы, медведь поворачивается к стволу спиной и трется о кору холкой, а потом затылком и лбом, высоко задирая при этом голову. Другой медведь придет на это место, посмотрит на ободранную кору, «прочитает» на дереве-маркере запах хозяина и уже знает, что участок занят, что хозяин его без жестокой драки не отдаст. Так в основном и решают медведи спорные вопросы о разделе территории мирным путем, через опосредованные сигналы, даже не встречаясь друг с другом, что, конечно, избавляет их от необходимости выяснения отношений с позиции силы. Популяция медведей от таких отношений только выигрывает, так как дерутся медведи жестоко, могут серьезно друг друга поранить и даже убить.

В это самое время, когда медведи готовятся к своим свадьбам, происходит распад семейных групп. Медведицы-матери находят себе «женихов», а медвежата-второгодки остаются жить самостоятельно. Долго оставалось загадкой — как же изгоняет медвежат мать. Мне после проведенных наблюдений было совершенно непонятно, как медведица-мать может прогнать своего подросткового детеныша? Медвежата в это время уже умеют так четко выводить след, что скрыться, убежать от них в лесу куда-нибудь просто невозможно. Как бы ни прогоняла их мать, как бы жестоко она с ними ни обращалась — они все равно будут за ней идти по следу. Оставалось предположить, что медвежата отходят от матери, когда она встречается с медведем-самцом. Ведь если самец поймает медвежонка, он его попросту съест. Пытаясь подойти к решению этого вопроса как можно ближе, совершенно не представляя, чем эта затея кончится, я отправился в очередную экскурсию. Следует напомнить, что

между мною и медвежатами существовала связь через реакцию следования, т. е. такая же или близкая к той, которая существует между медвежатами и матерью. Я, разумеется, вовсе не собирался лезть знакомиться к медведю-самцу, но рассчитывал побывать не только на занятом им участке, но и посетить места кормежки и отдыха, походить по следовым меткам и у деревьев-маркеров. Важно было зарегистрировать реакцию медвежат на все эти медвежьи сигналы. Мы пришли на знакомое нам болото «Катин мох». Я старался жить с медвежатами так, как это принято в медвежьих семьях, — подолгу держась на одном месте.

Как-то мы прохаживались по болоту, собирая прошлогоднюю, уже присохшую к плодоножке клюкву, и вдруг я заметил, что медвежата насторожились, стали подниматься на задние лапы, беспокойно оглядываться вокруг, а потом зафыркали и убежали в лес. Я не придал сразу особого значения их беспокойству — может, где-нибудь близко прошел зверь — и продолжал лакомиться кислой ягодой. Но прошло уже достаточно много времени, а медвежата не возвращались. Это беспокоило. Я подал звуковой сигнал, уверенный, что теперь они сразу прибегут (обычно они отвечали на мой сигнал дружным фуканьем), но все было тихо, и это было необычно. Подавая звуковой сигнал, я пошел на то место, где медвежата забежали в лес. Походил у края болота, зашел чуть дальше в глубь леса — медвежат нигде не было. Я отыскал след медвежат и, внимательно присматриваясь, медленно пошел по нему. Мишек я с трудом нашел минут через двадцать чуть ли не в километре от болота.

По пути меня не раз брало сомнение, и я был готов повернуть назад к болоту, но след, который можно было разобрать по пригнутым стебелькам редкой травы, говорил о том, что медвежата ушли, и я решил протропить его до конца или столько, сколько это будет возможно. У ручья след прервался, я стал ходить кругами, надеясь напасть на него вновь, как откуда-то сверху фыркнул медвежонок. Поискав глазами, я нашел сидящими на отдельных березах Катю и Яшку. Видно было, что они забрались на деревья давно и не собираются спускаться. Я несколько раз принимался их звать, но безрезультатно. Тогда, чтобы не тратить время попусту, я наломал сухих веток, сделал из них постель на солнцепеке и улегся спать.

Проснулся от того, что кто-то потащил меня за нос. Открыл глаза и встретился взглядом с медвежонком — Катя пыталась пососать мой нос, соблазнившись его видом! Посмотрел вокруг и у самого ручья увидел Яшку, беззаботно ковырявшего трухлявый осиновый пенёк. Не надеясь разгадать причину, породившую испуг медвежат (с того момента прошло около двух часов), я тем не менее пошел обратно на болото, на то место, с которого мишки убежали. Мишки пошли следом. Когда мы пришли туда, я увидел глубоко вдавленные в мох следы крупного медведя, и у меня зародилось подозрение, что именно этих-то следов и испу-

гались мои косялапки. Но вот мишки подошли к следам, понюхали их, пофыркали немного и отошли — обычная реакция на след крупного зверя. Чтобы проверить свои предположения — след на мху мог уже остыть, — я решил походить с медвежатами, пока не найду свежий, теплый след медведя-самца. В этот день и в два следующих такой возможности нам не представилось. Мы были на следах медведей, находили их метки, медвежата вели себя настороженно, но никуда не убегали, т. е. их поведение было обычным. Зато на третий день я попал на совсем теплый, даже горячий след медведя-самца.

Сначала мы услышали зверя — невдалеке что-то глухо буркнуло и сломался сучок. Медвежата пофыркали для порядка, но дружно пошли за мной. Однако едва мы вышли на след медведя, как Катя испуганно рявкнула и напролом рванулась в сторону. Яшка было бросился за ней вслед, но наткнулся на след медведя, и, как-будто ударившись о невидимую стенку, метнулся в противоположную сторону! Мне только оставалось крутить головой, стараясь на слух определить направления, по которым разбежались медвежата. Теперь мне стало совершенно ясно, что разрыв семейных связей у медведей обеспечивается при свежем запахе медведя-самца в период гона. Медведице-матери вовсе не нужно отгонять от себя детей, да она и не смогла бы это сделать — не так-то просто ей освободиться от настырных деток. Природа распорядилась проще. В процессе эволюции у медвежат выработалась и закрепились, зафиксировалась реакция избегания запаха медведя-самца в период гона, что, конечно, обеспечивает им известную безопасность. Так вот, когда медведица-мать, движимая инстинктом размножения, идет по следу медведя-самца, медвежата отбегают в сторону и теряют свою мать, так как тропить ее из-за запаха самца они уже не могут. После спаривания медведица, несомненно, на какое-то время принимает запах медведя-самца и поэтому также оказывается «чужой» для медвежат. По этой причине повторное сближение медвежат со своей матерью очень затруднено, почти невозможно. Так мне удалось разгадать еще одну загадку, весьма важную в понимании биологии развития бурого медведя.

С большими трудностями я отыскал разбежавшихся медвежат. Через два дня я еще раз, для проверки, выводил мишек на след другого медведя-самца и потерял почти весь день, лазая по лесу, разбираясь в следах на просеках, пока не наткнулся в буреломе на одуревших от таких проверок медвежат. Теперь я старательно обходил эти два участка, придерживался знакомых троп, известных мест кормежки и так благополучно прожил целую неделю, пока на наш участок не забрел крупный медведь. Он старательно потоптал тропу, где мы ходили, оставил на ней большую кучу помета, а рядом сломал вершинку небольшой, метров пять высотой, елки. Ясно, что этими действиями он как бы давал нам понять, что обнаружил нас, о чем и свидетельствовала его «визитная карточка». Но все же эти медвежьи

метки не произвели особого впечатления на малышей. Они деловито обнюхали все вокруг, пофыркали и спокойно пошли дальше. Возможно, следы медведя были не достаточно свежими, но стало очевидно, что медвежата уже перестали панически бояться запаха самца. А может быть, их успокаивало мое постоянное присутствие, и они поняли, что я от них никуда не денусь и убегать от меня не нужно, или прошел тот критический период, когда реакция, избегания проявлялась наиболее остро. Как бы там ни было, но медвежата от меня больше не убегали.

НАЖИРОВКА

Лето быстро прошло с обычных хлопотах. Начался август — пора наживровки медведей, наиболее ответственное время, когда нужно за короткий период накопить жир для зимовки. Конечно, проще всего нам было откармливать медвежат на овсяных полях, поэтому мы перебрались в «Токовье» — уже знакомое и удобное урочище. Теперь вместе с медвежатами поселилась целая компания — я, моя жена и выпускница МГУ Анна Владимировна Шубкина. Иногда на нашем стане появлялись и другие люди. Дело в том, что согласно нашим планам наблюдения за формированием поведения медвежат были в основном завершены, но предстояло провести еще ряд опытов с участием других людей, поэтому мы переменили тактику общения со зверюшками.

Прежде, работая с медвежатами, я старался не вступать с ними в прямые контакты, не навязывал им своих желаний, чтобы не вносить посторонних возмущений в их поведение, не мешать естественному проявлению различных реакций на компоненты окружающей среды. Теперь около них появились чужие — они разговаривали, даже трогали медвежат руками, что было далеко не безопасно — медведь мог мгновенно схватить за рукав или руку, и нескольких угрожающих щелчков зубами было достаточно, чтобы у каждого отпала охота погладить этих «домашних» зверей.

Постепенно мишки привыкли к новым людям, а люди к ним, что, собственно, и требовалось. Мишки поселились в своем сарае, а мы в доме. За забором начинались овсы, особенно тучные на участках, когда-то занимаемых под огороды. Медведям нужно было пройти всего несколько десятков метров, чтобы попасть на кормовой участок. Но вопреки нашим ожиданиям есть овес они не стали. До выхода в «Токовье» они десять дней прожили в лесу без подкормки и питались травами, предпочитая медвежью дудку. А в «Токовье» стали поедать яблоки, урожай которых в одичавшем саду был в тот год неплохим. Внимательно наблюдая за их поведением и питанием, мы установили, что вначале медведи ели траву и яблоки, через пять дней их экскременты стали состоять почти полностью из остатков яблок. К

С повзрослевшим медведем нужно быть настороже. Фото И. Константинова

От такого объекта фотографии предпочитают держаться подальше

та начали питаться овсом как бы неумело, выбирая по одному зернышку, но день ото дня увеличивали его количество в пищевом рационе. На восьмой день их экскременты почти полностью стали овсяными. Так нам удалось установить временные границы переходного периода в питании медведей. Эта особенность пищевого поведения вполне укладывалась в наши представления, сложившиеся при наблюдениях за питанием диких медведей.

В естественных условиях отдельные особи в течение 10—15 дней подряд предпочитают потреблять какой-то один вид растительности, который становится основным в их рационе. Часто бывает так, что два рядом живущих медведя, посещающих практически одни и те же угодья, могут предпочитать разные корма: один ест побеги иван-чая, а другой, например, однолетние сочные проростки малины. Капрологический анализ показывает, что основной компонент может составлять от 30 до 100 процентов рациона медведя. Потом зверь начинает поедать другой вид растительности, который поспевает к этому времени. И вот тут можно наблюдать постепенную смену одного пищевого компонента или набора растительных видов другим компонентом, который становится основным. Переход этот в питании длится пять —

овсу мишки и не прикасались, хотя зерно давно уже находилось в фазе молочно-восковой спелости (как раз в эту пору медведи начинают его есть). Осмотр полей вокруг «Токовья» показал, что на овсах уже появились кормовые площадки четырех медведей — пришли почти все прошлогодние знакомые. А наши медвежата уплетали яблоки, безжалостно ломали ветки, если, забравшись на дерево, не могли дотянуться до отдельных плодов. Мы, разумеется, тоже ели яблоки, и тут выяснилось, что медведи обрывают только те яблоки, которые нравятся и нам! Такое негласное соревнование скоро привело к тому, что хорошие яблоки исчезли и остались одни кислоторькие дички, которых было еще много. Однако дички мишки есть не стали, но зато начали ходить на овес. И все повторилось сначала, как и в самый первый наш выход на овсяные поля в прошлом году. Медвежата

восемь дней. Медведь как бы привыкает к новому корму, а уж потом ест его вдоволь.

Наши медвежата самостоятельно установили себе расписание кормления (я с ними теперь на поле почти не выходил) и ходили кормиться овсом утром и вечером, а днем отлеживались в сарае. Мы обходили поля, наносили на карту кормовые площадки медведей, брали пробы овса. Потом взвешивали пробы, считали, пытаюсь определить, сколько овса может за сезон съесть один медведь. Конечно, не оставались без внимания и наши подопечные. Например, было установлено, что больше-пяти-шести килограммов овса в час мишки съесть не могут. Как ни странно, но наши прежние данные, полученные при наблюдениях за дикими медведями, показывали такую же цифру. А это значит, что любой по размеру и весу медведь за один и тот же промежуток времени может съесть приблизительно одно и то же количество овса! Но ведь большому медведю для зимовки нужно накопить больше жира, а время пребывания у овсяных полей для всех зверей ограничено периодом от начала созревания зерна до уборки. Поэтому взрослый медведь должен ежедневно кормиться дольше, а это опасно — недолго поплатиться и шкурой. Выходит, что в равных условиях медвежата находятся в более выгодном положении. Возможно, здесь и кроется биологическая целесообразность мелковатости медведицы в отличие от медведя — ведь ей не только для себя нужно накопить жира на зиму, но еще и выкормить родившихся в берлоге медвежат.

Незаметно подошло время уборки. Однажды ясным солнечным утром со стороны дороги, идущей в «Токовье» от большака, послышался натужный гул моторов — шли комбайны. Основной груз экспедиции мы уже отправили на усадьбу заповедника, и теперь оставалось только уложить рюкзаки да кликнуть медвежат. Компания наша распалась — я повел мишек в лес, а женщины ушли навстречу комбайнам.

До поздней осени медвежата бродили со мной по лесу. Вся их деятельность была направлена на то, чтобы побольше съесть. И если нам попадались кормные уголья, мишки надолго там оседали, а вместе с ними и я устраивался в палатке на каком-нибудь сухом бугорке. Кормились брусникой, потом рябиной, а когда ягод стало мало, активность медведей упала, они перестали интенсивно питаться. Стало ясно, что они готовятся к зимнему сну.

Нажировка на естественных кормах была закончена. Теперь можно было со спокойной совестью заняться дальнейшей запланированной на этот сезон работой. Мы уже могли ответить на вопрос, на сколько граммов в сутки увеличивается масса медвежонка второго года жизни в нажировочный период. Оказалось, что привес может составлять в среднем килограмм. Но ведь были дни, когда медвежата ничего не ели, — во время перемещений из одних уголдий в другие и в период перестройки питания с одного вида корма на другой. Становится очевидным, что медвежонок

в дни интенсивного питания имел привес более одного килограмма в сутки! Такому привесу, конечно, способствовало поведение мишек в это время. Суточная активность их становилась низкой: играли очень мало, никуда, кроме кормовой площадки, не ходили, много спали и регулярно, три-четыре раза в сутки, кормились одним и тем же кормом, не затрачивая времени на разыскивание и добычу другой пищи. Основу питания составлял один вид корма. Когда предпочитаемого или корма (например, овса) становилось мало и на его добычу нужно было затрачивать много времени, мишки находили новый вид корма (например, бруснику или рябину) и кормились им до тех пор, пока запасы его не иссякли или не наступило время залегания в берлогу.

КАК МИШКИ ДУМАЮТ

В вольере зверей посадили в клетки и стали готовить их к новому опыту. Мы хотели выяснить способности медведей в решении задач различной сложности. В лаборатории Л. В. Крушинского были разработаны универсальные методики, позволяющие предлагать задачи одинаковой сложности животным различных классов: рыбам, рептилиям, птицам, млекопитающим. Уже был составлен длинный список участвовавших в опыте животных, распределены виды по их способности решать предъявляемые им задачи, т. е. по уровню рассудочной деятельности. (Под рассудочной деятельностью понимается способность животного улавливать изменения, связывающие предметы и явления внешней среды в единую систему, и возможность построения программы его поведения в соответствии с этими изменениями в новых ситуациях.) В естественных условиях постоянно возникают ситуации, в которых животному приходится решать задачи различной сложности. При этом зачастую повторное решение невозможно — ошибка может привести просто к гибели особи! Конечно, главное значение в сохранении зверя имеет оборонительное его поведение, или реакция избегания, когда от всего нового, неизвестного животное убегает или прячется. Но такая возможность не всегда имеется, а оборонительное поведение не всегда оправданно. Поэтому чем шире взаимодействие вида с компонентами окружающей среды, тем в более выгодных условиях существования он находится. Исследования показывают, что уровень развития рассудочной деятельности того или другого вида животного состоит в определенном соответствии со сложностью строения его головного мозга и пластичностью поведения, обеспечивающие широкие взаимоотношения животного с окружающей средой.

Давно известна особая сообразительность бурых медведей. Например, когда медведь подходит кормиться к овсяному полю, он не сразу выходит на кормовую площадку, а вначале походит поблизости и послушает, нет ли опасности. Заподозрив что-либо,

Медведь решает задачу

он может лечь и долго пролежать на одном месте, ничем не выдавая своего присутствия. А иногда он, наоборот, с треском ломает толстый сук и прислушивается, нет ли кого поблизости: от такого треска звери, если они есть, убегают, а человек, часто не выдерживая напряжения, выдает себя шорохом. Издавна известна и способность медведей к дрессировке. Стоит только мишке понять, чего от него хотят, как он уже и сам старается помочь дрессировщику, чтобы заработать лакомство. В этой связи нам и представлялось важным и интересным исследовать уровень рассудочной деятельности бурых медведей. Но для того, чтобы ответить на вопрос, как мишки думают, нужно было поработать не с двумя зверями, а с целой группой разновозрастных и разнополых медведей, чтобы вывести средние показатели, характеризующие не отдельных особей, а вид в целом. За эту работу взялась А. В. Шубкина, а наши подопечные предназначались для разработки технических приемов, обеспечивающих проведение опыта.

Отношение к медведям в корне изменилось. Теперь их два раза в день выводили гулять, приучали к площадке, специально построенной для проведения опыта, кормили сладкой кашей из специальных, разъезжающихся на роликах мисок, трогали руками, давали сладости. Медведей попросту приучали к рукам.

Постепенно были построены специальная приставка и фанерный лабиринт, а в свободное время Анна Владимировна колдовала с картоном, изготавливая различные фигуры, необходимые для работы. Приехал и Леонид Викторович, все сам проверил, попросил сделать некоторые поправки в оборудовании, и настал захватывающий момент первой пробы. Потребовалось несколько дней для того, чтобы набрать первичный материал, но делать какие-либо обобщения было еще рано — слишком разные способности проявлялись у Кати и Яшки.

Впоследствии А. В. Шубкиной были исследованы двенадцать медведей в возрасте от полутора до тридцати лет. Выявилось, что часть зверей оказалась способной к экстремному решению задачи, т. е. с первого предъявления, без периода проб и ошибок. Остальные приходили к правильному решению постепенно. При усложнении задачи медведи обычно успешно ее решали, что указывает на их способность к улавливанию логического смысла задачи. Специальные опыты показали, что при выборе фигур обоняние медведи не использовали.

В оценке степени рассудочной деятельности бурых медведей Леонид Викторович был осторожен и высказал предположение, что по уровню развития рассудочной деятельности медведи находятся выше собак, но ниже обезьян, что соответствует сложности строения их головного мозга.

ЕЩЕ РАЗ В БЕРЛОГУ

Работа с медвежатами была закончена и встал вопрос, что же дальше делать с ними? Содержать их в клетках для некоторых стационарных исследований и для показа публике нам не хотелось. Медведи требовали ухода за собой, а это значило, что им нужно готовить пищу, чистить клетки, т. е. постоянно находиться около них. Ухаживать за мишками было некому. Выпускать на волю этих уже привыкших к людям и сладкой каше животных было, на мой взгляд, далеко небезопасно, да и прижиться им в лесу, где полно диких медведей, непросто. Мы долго совещались и, наконец, решили отвести мишек в лес на зимовку, а весной будет видно, что с ними делать. В душе каждого из нас, кто работал с этими медведями, теплилась надежда, что они, перезимовав в берлоге, вдалеке от Центральной усадьбы заповедника, так и останутся в лесу. Шансов на такой исход дела было мало, особенно у меня: слишком много людей побывало в контакте с мишками, да еще и кормили их чуть ли не с рук. Медведь — зверь памятный, станет голодно и пойдет проверять все места, где ему удавалось чем-нибудь поживиться. Но риск — благородное дело!

Девятого ноября выпал первый снег. Я собрал вещи, погрузил их на телегу, которая должна была доставить груз в дальнюю избушку, а сам налегке повел медведей. На следующий день мы были уже на месте, в урочище «Горбуновка». Вскоре

туда же приехала телега. Грохот ее колес о выступающие на дорогу узловатые корни могучих елей, вплотную придвинувшихся к проезду и повисших над ним тяжелой хвоей, в течение получаса наполнял лес многоголосым эхом, пугая живность необычными звуками. Медвежата от страшного звука приближающейся телеги давно спрятались в лесу, чему я был только рад, так как надеялся без хлопот разгрузить поклажу. Мы еще только начали переносить вещи, как конь тревожно всхрапнул. В телегу был запряжен Мальчик, старый, но крепко сбитый и сильный мерин, знавший на память в заповеднике все дороги, умевший спутанным перейти болото или, медленно, с расчетом ступая на шаткие кочки, передернуть санки с грузом через пропарину в топком ручье. Конь этот знал и понимал зверя, и мы подумали, что Мальчик зачуял запах медвежат, оттого и всхрапнул. Пока мы укладывали в избушке вещи на нары с улицы раздался сильный треск! Выскочив, мы увидели удиравших от воза медвежат, болтающуюся на хомуте оглоблю, перебитую ударом крепкого копыта, и сердито заложившего уши Мальчика, тревожно косящего глазом! Конь, однако, не сдвинулся с места, так что содержимое воза осталось целым. Поблагодарив судьбу и железные нервы Мальчика, мы быстро разгрузили оставшийся скарб, накрепко связали веревкой обломки оглобли, вставив для прочности кленовую накладку, и пустая телега загремела в обратную дорогу, еще яростнее подпрыгивая на корнях и кочках.

Пользуясь передышкой,— медвежата из леса пока не показывались,— я разложил вещи по местам.

За несколько дней до нашего похода мы осмотрели ближайшие к избушке кварталы леса. Оказалось, что завалистых мест, где медвежата могли бы себе сделать берлогу, везде великое множество. Я и раньше предполагал, что медведям не доставляет особых хлопот выбрать место под берлогу, но теперь стало очевидным, что зверь может залечь в любом месте, лишь бы оно было относительно спокойным. Если еще учесть, что в здешних местах медведи делают берлоги трех типов, то становится понятным обнаруживание берлог порой в самых необычных местах: мы находили их на болоте, в кустарнике, на лесной полянке под одинокой тонкой елочкой, в ветроломе, на вырубке под корягами, среди молодой еловой поросли и даже в стогу соломы на краю поля! Так что мне не пришлось ломать голову, выбирая мишкам место для зимовки. Метрах в пятистах от избушки я нашел небольшой вывал, где и поставил палатку. Натерпевшись от холода в прошлом году, я на этот раз сделал и поставил в палатке маленькую жестяную печку, оборудовав ее по-таежному — задвижкой тяги. Дрова в такой печурке горели очень медленно, что позволяло поддерживать ровную температуру. Каждый, кто жил в палатке, знает, что стоит печке разгореться, как воздух мгновенно накаляется так сильно, что становится нечем дышать, а как только печка прогорит, сразу становится

холодно. Я заранее наготовил побольше дров и как только начались морозы, из трубы моей печки потянулся сизый дымок. На поведение медведей мои упражнения с печкой заметного влияния не оказывали — при первых же морозах они начали строить себе берлогу.

Как и в прошлом году, чело они закладывали со стороны корней, повторяя все те же приемы гнездостроения. Когда берлога была почти готова, я выбрался из палатки и хорошенько ее осмотрел. После такого бесцеремонного вмешательства с моей стороны мишки забросили строительство, несколько дней лежали вблизи палатки, а потом отошли чуть дальше и начали строить новую берлогу. Через три дня я осмотрел и описал и эту берлогу. Медведи вновь забросили строительство. Внешний их вид не выражал огорчения, но мне казалось, что они про себя осуждали мое поведение — долго отлеживались, строя скучные, невыразительные «мины», а потом, когда пошел густой снег, ушли за завал и там занялись строительством третьей по счету берлоги. Было уже 27 ноября — к этому времени все медведи давно уже лежат на местах. Я решил больше не мешать косяпам и при первой возможности уйти домой. В ночь на 29 ноября разыгралась настоящая пурга. Я незаметно выбрался к избушке, переночевал в ней, не разводя огня, а утром пошел к Центральной усадьбе. Казалось, все обошлось как нельзя лучше, но через пять дней медвежата объявились у своих клеток, пройдя по снегу напрямую через лес, как по нитке, 15 километров! Пришлось мне снова идти с ними в лес.

На этот раз я взял себе в помощники жену. Дело в том, что из того завала, где мишки уже сделали себе берлогу, нужно было уходить. Я переоценил их доверие к себе — завал стал для зверей беспокойным местом. Унести одному все вещи на новое место было трудно, а переход был крайне необходим. Медвежата могли просто не лечь в берлогу и тогда их пришлось бы распределять на зиму в клетках, а этого не хотелось.

Пятого декабря мы были на месте, а шестого ушли от «Горбуновки» за восемь километров, установили палатку, залегли в ней и стали наблюдать за мишками. Седьмого декабря медвежата весь день строили берлогу под громадным выворотом, метрах в пятидесяти от палатки. На следующий день они натаскали в берлогу материал для подстилки и больше из нее не показывались. От палатки мы ушли под снег, в ночь на десятое декабря. Мишки остались спать в своей берлоге. В период строительства берлоги у них не было отмечено новых поведенческих элементов, существенно отличающихся от прошлогодних или как-то дополняющих их. Каждый раз при строительстве зимнего убежища у них проявлялся уже сложившийся поведенческий стереотип. Разве что вели мишки более осторожно.

ЯШКА УХОДИТ В ЛЕС

Двенадцатого апреля медведи заявили в свой вольер. Никто не видел, как они подошли к поселку. Пребывание в пустом вольере им скоро наскучило. Катя перебралась через сетку и подошла к двум сиротливо стоящим на высоких подставках ульям. (Я безуспешно пытался разводить пчел вот уже второй год, но времени на уход за ними у меня все не находилось и, конечно, о меде приходилось только мечтать.) Первыми медвежат увидели или услышали собаки и подняли истошный лай. Поняв, что во дворе творится что-то неладное, я выскочил из дома. Не обращая никакого внимания на лай псов, Катька, встав на задние лапы, деловито сдирала крышку с крайнего улья. Я закричал. Катька тут же оставила разбой, крупными прыжками подбежала к сетке вольера, ловко перебралась через нее, цепляясь когтями за ячейки, и убежала в лес. Я понял, что наша спокойная жизнь кончилась, оделся и пошел к медведям здороваться.

Мы встретились как хорошие старые друзья. Погуляли немного, разгребая остатки талого снега, а потом я посадил мишек в клетки — каждого в свою. Наши надежды на то, что медведи останутся жить в лесу, не сбылись. Тем не менее я решил походить с каждым из медвежат в отдельности и посмотреть, как они будут себя вести. Им было уже более двух лет. Такие звери почти всегда живут уже самостоятельно. Редко можно увидеть весной двух мишек — родственников третьего года жизни. Тринадцатого апреля мы взвесили зверей и оказалось, что за зиму каждый из них потерял чуть-ли не треть массы.

Первая прогулка состоялась с Катей. Мы проходили с ней целый день, с раннего утра до позднего вечера. Катька плотно держала мой след и, несмотря на то, что часто отвлекалась по сторонам, в надежде поживиться чем-нибудь съестным, спрятаться или отвязаться от нее в лесу нечего было и думать — это был уже опытный зверь, четко и умно вытрапливающий все хитросплетения следов. Мне хватило единственной вылазки, чтобы убедиться — Катю оставлять в лесу нельзя. Более того, ее нельзя оставлять без присмотра и в вольере. У нее совершенно отсутствовал страх перед человеком, строениями, и она могла в любой момент выйти в поселок, а чем это кончится, можно было только предполагать, но на благополучный исход подобного визита надеяться было трудно. Катю посадили в клетку, теперь ей разрешились нечастые прогулки только под моим надзором.

Оставался Яшка. Зверь этот сохранил дикий нрав, избегал встреч с людьми, держался все время настороже и даже убегал несколько раз от меня во время прогулки. Найти его после побега мне ни разу не удалось, однако поздно вечером Яшка самостоятельно возвращался в вольер и заходил спать в свою клетку. Я решил не закрывать его вовсе, предоставив полную свободу.

Целый месяц Яшка прожил около поселка. Рано утром он исчезал из вольера, и целый день его нигде не было видно. Но вечером он бесшумной тенью возникал около своей клетки и, потоптавшись вокруг, лез в нее спать. Если я в это время пытался подойти к клетке, Яшка, заслышав мои шаги, убегал в лес и выходил оттуда, лишь убедившись, что в вольер зашел свой человек. В его экскрементах, которые в достаточном количестве появлялись около клетки, можно было рассмотреть остатки корешков сныти и медвежьей дудки, отдельные крупные целые клюквины, труху древесины, остатки осоки и еще многие другие компоненты, определить которые без специального анализа было невозможно. Было ясно, что Яшка уходит далеко от поселка, — ближайшее болото «Старосельский мох», где он мог найти клюкву, располагалось не менее чем за четыре километра. В вольере Яшка не получал никакой подкормки в отличие от Кати (она полностью перешла на домашнее довольствие), но, кажется, от этого вовсе не страдал. За все это время Яшку никто из жителей заповедника не видел. Поведение его было мне несколько непонятным. Медведь не получал в вольере никакой подкормки, и его привязанность к своей клетке можно было объяснить только особой симпатией к Кате — их клетки стояли рядом. Обычно медведи такого возраста живут одиночками, так что семейная связь наших медведей должна быть слабой. Яшка явно боялся людей — далеко уходил, а в вольер приходил только на ночь — поспать. Мы все надеялись, что в один прекрасный день медведь уйдет и больше не вернется. Но Яшка регулярно, почти в одно и то же время — около девяти часов вечера появлялся в вольере. Решено было сходить с Яшкой в лес на несколько дней, подальше от Центральной усадьбы. Я не был уверен в том, что медведь со мной пойдет: связь между нами была непрочной, но мишка буквально приклеился ко мне, как только увидел мою экипировку — в таком снаряжении на однодневные прогулки не ходят!

Мы поселились с Яшкой в урочище «Овсяник». Место здесь было спокойное и удобное. Каждую весну здесь жил медведь, привлекаемый сюда ранними проростками травянистой растительности, в изобилии появлявшимися на пологом, обращенном к солнцу склоне луга. Я знал, что Яшке корма здесь хватит, но упустил из вида «медвежий» характер истинного хозяина «Овсяника». Первая ночь прошла спокойно. Днем Яшка с удовольствием кормился сочной зеленью, громил высокие кочки, добывая муравьев, а в развалинах старого сарая долго копал мышей. В сумерках я еще видел его горбатый силуэт вблизи ручейка, протекавшего в низине. Когда совсем стемнело, метрах в семидесяти громко и длинно проревел медведь! Яшка ухнул, потом фыркнул — и все смолкло. Из-за темноты я не видел, куда делся Яшка, а расслышать что-либо так и не смог, несмотря на то, что было очень тихо, даже птицы не пели. Около полуночи опять в том же самом месте дважды громко и сердито рывкнул мед-

ведь. Скрипучий, грозный рык его долго стоял в ушах, так что я вполне разделял беспокойство Яшки — наш сосед оказался неуживчивым и упрямо заявлял свои права на «Овсяник». Я решил утром поискать другое место, не будучи уверенным в том, что нам удастся выдержать конкуренцию. Приняв решение, поплотней завернулся в кусок брезента — весной ночи в лесу сырые — и уснул.

Утром первым делом я попытался разыскать Яшку. Ходил в разных направлениях, подавал звуковой сигнал, разбирался в следах, оставленных и Яшкой, и ворчливым хозяином «Овсяника», но медведя так и не нашел. Решил, что Яшка ушел домой — там ему жилось спокойней, и к обеду я был уже за домашним столом. Однако Яшки в вольере не оказалось. Не появился он у клеток и вечером. Мы ждали еще целые сутки, а потом я пошел на «Овсяник» искать его следы. Не сразу и не без труда мне удалось вытропить медвежонка от «Овсяника» через заповедник до «Токовья» — за 11 километров. Много раз я терял след, подолгу искал его, делая круги, старался угадать, в каком направлении пошел Яшка дальше. Иногда даже сомневался, тот ли след веду, но все же удалось найти первые лежки, где медведь отдыхал, первые кормовые точки, где он ел траву, а замеры следов показывали, что это именно мой медведь. От «Токовья» след Яшки потянулся дальше, к деревне Москалевке. Здесь, разбираясь в следах, я обнаружил, что Яшка чего-то сильно испугался, когда проходил по краю поля, срывая проростки злаков, — в одном месте дерн был сорван когтями бросившегося в сторону медведя. Предполагая, что Яшка мог испугаться кого-то находящегося на поле (в это время шел сев овса), я полазал окрест и обнаружил закопченный войлочный пыж. По Яшке стреляли! Мне удалось разыскать «охотников», и я узнал, что в перерыве между работой, когда трактор ушел за зерном, кто-то из сеяльщиков увидел расхаживающего по краю поля медведя. Деревня была рядом, и один из рабочих, молодой парень, быстро сбегал за ружьем. Когда он пытался подкрасться к медведю на выстрел, мишка его заметил и бросился к лесу. Поспешный выстрел не достиг цели. Я пытался объяснить этим людям существующие правила охоты на бурого медведя, но скоро понял всю бесполезность нашего разговора — сеяльщики переглядывались между собой, глумливо улыбались, всем своим видом показывая, что такого чудака они видят в этих краях впервые. На том мы и расстались.

После выстрела Яшка ушел за несколько километров по прямой, к деревне Туд, но там не остался, а развернулся и пошел назад к Москалевке. Целые сутки я протоптался на месте, пока, наконец, разобрался, что Яшка не стал тут жить, а ушел обратно — в «Токовье». На следующий день я повел следы к «Токовью» и неожиданно в полдень наткнулся на Яшку. Медведь усердно метил дерево-маркер! Он был так занят этой важной работой, что совершенно не слышал, а может и не обратил

внимания на мой приход. Пользуясь случаем, я сделал несколько поспешных снимков, сетуя на слабую освещенность. Зато я вдоволь насмотрелся, как уже подросший медведь работал около дерева-маркера. Вот Яшка обошел вокруг нетолстой, всего 12—14 сантиметров в диаметре, елочки, на которой виднелись старые закусы и задиры, темные, застаревшие потеки смолы. Понюхал кору, вплотную приставив толстый черный нос, поднялся на задние лапы и весь вытянулся, стараясь понюхать самый верхний задир-метку, но ростом еще не вышел и до метки так и не дотянулся. Яшка долго топтался на задних лапах, и я думал, что он оставит эту затею с верхней меткой, но медведь обхватил елку лапами и ловко залез на нужную высоту. Там он понюхал старый заDIR и закус, поворачивая голову из стороны в сторону, а потом и сам, ухватив клыком кусок коры вместе с древесинной, с треском оторвал кусок так, что остались торчать тонкие белые щепки! Еще раз все обнюхал — и свою метку, и чужую, — а потом слез, стоя на задних лапах, повернулся спиной к стволу и стал старательно тереться о елку холкой, а потом и головой, задирая ее вверх так, чтобы достать кору лбом. Около дерева-маркера еще видна была старая следовая метка — старательно вытоптанные в грунте лапами медведя округлые лунки. Яшка отошел от дерева, понюхал следовую метку и прошелся по ней, точно ставя свои лапы в лунки метки. При этом он весь напряжился, приподнялся на вытянутых, негнущихся ногах и пошагал, раскачивая тело из стороны в сторону, стал даже как-то больше ростом и шире в плечах. Я не шевелился, и медведь, кажется, меня даже не заметил! Через минуту он уже бесшумно скользнул в заросли леса, а я сел поудобней и принялся описывать только что наблюдавшееся его поведение.

Яшка обосновался в урочище «Горелый пень», в полутора километрах от деревни Большие Ясновицы. Урочище было мне знакомо — я когда-то исколесил его вдоль и поперек, разбираясь со следами медведей, которые не обходили это место стороной. Свое название урочище получило давно, когда здесь еще выкашивались все лесные полянки. Посреди одной из них и стоял сильно обгоревший, но крепкий обломок старого дуба. Пень этот не очень мешал косцам, но привык русский крестьянин бороться в здешних местах с лесом за каждый клочок земли, вот и старались выкорчевать этот одинокий пень, торчавший посреди сенокосного луга, как бельмо на глазу. Только крепкая дубовая древесина не сдавалась — обгорит сверху, обуглится, а сердцевина, связанная с сырой землей мощными корнями, казалось, становится еще крепче — не берут ее ни огонь, ни топор. Так и устоял пень. А место получило такое название. По сохранившимся, не заросшим еще полянкам буйно росла трава, малина, в негустом еловом лесочке стелилась ковром черника. Люди сюда почти никогда не заходили, и место это медведи любили — жилось им тут спокойно и сытно. Приходилось бывать в этом урочище и Яшке, но было это в первое лето нашей работы, так что у меня не было

оснований верить в то, что медведь пришел в урочище по памяти. Однако и отрицать такую возможность я не мог — мне приходилось убеждаться в том, что звери направленно приходят в места, которые посещали всего несколько раз в самом раннем возрасте! Как бы там ни было, но урочище «Горелый пень» надолго стало пристанищем Яшки, начавшего одиночную, самостоятельную жизнь в лесу.

Шесть дней ходил я здесь за Яшкой, находил его свежие экскременты, осматривал места отдыха. Несколько раз слышал шум, создаваемый удиравшим медведем, но самого его ни разу не видел. Конечно, он меня слышал и заранее уходил, прятался. Наблюдения показывали, что Яшка кормится травой, регулярно обходит участок, который занимает, — оставит свои метки на дереве-маркере, которое стояло вблизи заросшего старого просека. Продукты мои подошли к концу, и пришлось идти домой. В деревнях, ближайших к урочищу, жители были оповещены о том, что там живет «заповеднический» медведь и в случае каких-либо недоразумений с ним следует срочно сообщить об этом администрации заповедника.

ВЫСТРЕЛ

До шестого июня я пробыл на усадьбе, ожидая вестей от Яшки, но их не было и, успокоившись, я поехал в Москву в командировку, оставив на всякий случай свой точный адрес жене. А восьмого июня из заповедника пришла срочная телеграмма: «Приезжай, Яшка убил овцу!». Девятого ночью я был уже в заповеднике. Узнал подробности. Оказалось, что кто-то из жителей деревни Большие Ясновицы увидел около леса, начинавшегося сразу за деревней, небольшого медведя. Решили, что это тот самый. Кто-то отнес на место, где мишка выходил, лепешку, кусок хлеба... На следующее утро, а в деревнях встают рано, Яшка (это был он) уже смелее вышел из леса и охотно подобрал брошенный специально для него хлеб. В восемь часов утра, когда все разошлись, он перелез через жерди забора и решил прогуляться по безлюдной улице (в деревне всего шесть жилых домов). Но его увидела овца, мать троих ягнят и, конечно, смело атаковала незваного гостя, как если бы это была собака! Яшка от атаки уклонился и побежал к лесу. Тут его увидел хозяин овцы и громко закричал. Не успел Яшка добежать до забора, как снова подвергся нападению все той же овцы. Но в этот раз, подпустив ее вплотную, медведь быстро развернулся, схватил за холку пастью, а левой лапой вцепившись в морду, мгновенно свернул ей голову. Овца рухнула, как подкошенная, а Яшка уже удирал к спасительному лесу. Поняв, что с таким медведем шутки плохи, жители деревни сообщили о случившемся в заповедник.

Не откладывая, я вышел из дома и в четыре часа утра был у деревни. Уверенный в том, что Яшка отсюда никуда не ушел,

я стал прохаживаться по небольшому лесочку, то и дело натываясь на свежие следы медведя. Повсюду встречались поеди травы, а в одном месте небольшая куртинка проросшей сныти была вытоптана так сильно, как будто здесь паслось целое стадо. Старые пни и высокие кочки хранили следы когтей — медведь искал в них насекомых, а в укромных местах, под густыми елочками я обнаружил несколько лежек с подстилкой из прошлогодних листьев и тонких веточек. Вначале все мои попытки сблизиться с Яшкой не имели успеха, но потом я вдруг обнаружил, что мы ходим друг за другом. Я присел на пенек и затаился. Через две минуты как раз на моих следах показался медведь. Он шел, опустив голову к самой земле, и шумно принюхивался — разбирался в запахах моего следа. Тихо, как можно спокойнее я подал звуковой сигнал. Яшка остановился как вкопанный, вперив в меня маленькие сверлящие глазки. Я медленно встал, повернулся и отошел, оставив на пеньке, где сидел, кусочек хлеба, смоченный сгущенным молоком. Яшка осторожно приблизился к пеньку и взял хлеб. Посмотрел на меня, а потом смело подошел, ткнулся носом в одежду и заворчал — просил еще хлеба. Я сунул ему прямо в рот сладкую корочку и быстро пошел, уверенный в том, что медведь пойдет следом. Нужно было отвести медведя в заповедник и посадить в клетку, а уж потом решать, что с ним делать. Мы отошли от Ясновиц уже километров шесть, когда Яшка, исправно следовавший за мной, вдруг громко рявкнул, бросился в сторону и исчез в лесу. Теряясь в догадках о его странном поведении, я пошел по следу. Повсюду уже росла трава, и вытروпить Яшку по смятым стеблям не составляло особого труда. Медведя я нашел сидящим на толстой осине, в полутора километрах от того места, где он меня оставил. Яшка долго не хотел спускаться, но потом, кряхтя и вздыхая, все же слез с осины и с особым удовольствием слизал сгущенку с палочки, которую я ему подсунул. Мир был восстановлен, и мы снова пошли в направлении вольера. Однако привести Яшку в поселок мне так и не удалось.

Я, конечно, догадался, что Яшка испугался следов медведя, оттого и убежал от меня. Теперь мы пробирались дальней просекой, где, по моим предположениям, медведей быть не должно. Наш путь к вольеру становился намного длиннее, но у медведей начинался период гона и если бы мы пошли коротким путем, как обычно, непременно наткнулись бы на участок медведя-самца — я видел его свежие метки, помет и следы. В этот раз мне действительно не повезло. Не прошли мы и трех километров, как буквально влипли в широкую медвежью тропу! Такие тропы медведи прокладывают только во время свадьбы. Еще ничего не произошло, но я понял, что все мои планы рухнули, а в следующее мгновение, не успев я и глазом моргнуть, Яшка очумело умчался назад. Все мои попытки отыскать испугавшегося мишку были тщетны. Несколько раз я был от него недалеко, но Яшка, кажется, стал избегать меня — только я начинал

приближаться к тому месту, где слышал фыркание медведя, как удаляющийся треск сучьев говорил о том, что Яшка на сгущенку больше не польститесь и вовсе не собирается со мной встречаться. Оставлять Яшку на свободе после того, как он перестал бояться людей, было нельзя. Вконец уставший, весь перемазанный грязью, я выбрался к деревне Хмелевке, где был телефон, и позвонил в заповедник, вызывая на подмогу сына с собаками и специальным снаряжением. Через два часа он пришел, привел двух тянущих поводки лаек, принес сетку с крупной ячейей и крепкую веревку. Специальную капроновую сетку я связал давно, предполагая воспользоваться ею в случае необходимости отлова и фиксации какого-либо из медвежат. В то время мы еще не располагали обездвиживающим оборудованием, поэтому все надежды возлагались на старый, но проверенный способ отлова молодых медведей: в такой сетке голова и лапы зверя проваливаются в ячей и он быстро путается, стоит лишь набросить на него второй, свободный конец сетки.

К этому времени разыгралась настоящая буря. Небо затянулось свинцовыми тучами, пошел дождь, сбиваемый мощными порывами ветра в мелкую водяную пыль, хлеставшую во всех направлениях. Мы пустили собак на след медведя — и они так резко его взяли, что удержать на поводках мечущихся, постоянно путающихся в кустарнике лаек было очень трудно. Вперед мы передвигались поэтому очень медленно, то и дело останавливались, дергали собак, выпутывая захлестнувшиеся поводки. Я решил их спустить. Почувствовав свободу, они широким махом нырнули в лес и пропали. Мы долго ждали, когда они залают. Дождь давно промочил нас насквозь, ветер резал лицо, лез в складки одежды, выдувая жалкие остатки тепла, а собак все не было слышно. Теперь стало ясно, что они где-то далеко нашли медведя, загнали его на дерево и с удовольствием «чистили» горло, вдоволь насидевшись в наскучившем им собачьем вольере. Мы тщетно пытались расслышать их лай, поглощаемый грозной какофонией звуков раздираемого бурей леса. Временами нам казалось, что слышится лай собак. Мы шли в этом направлении километр, другой, лай не приближался, но как будто бы и не пропадал совсем, а слышался несколько в другом направлении. Мы меняли направление, опять шли и ничего не находили. Закружившись окончательно, я понял, что лес играл с нами в прятки, порождая под завывания ветра разноголосые звуки, в которых, если очень прислушаться, можно было различать голоса всех животных, каких я только знал!

Отчаявшись хоть как-то разобраться в сложившейся обстановке, мы спрятались от назойливого дождя под густой елкой и развели костер, который швырял дымом и искрами во все стороны, но около него можно было согреть хоть руки. Ничего другого не оставалось, как ждать возвращения собак, — оставлять их в лесу без присмотра в это время было нельзя. Через три часа к нам выскочили довольные, с языками до самой

Тоска

земли псы! Мы взяли их на поводки и, с трудом разминая заочневшие ноги, пошли в деревню, проклиная погоду и медведя, задавших нам столько хлопот. У знакомого лесника мы переоделись во что нашлось, а свою одежду выжали и повесили на жаркую голландку. Сын залез на русскую печку и сразу уснул, а я уселся у окна, наблюдая сквозь сетку дождя за деревенским выгоном. Если мишка придет в Ясновицы, он непременно появится на этом выгоне. Обдумывая события прошедшего дня, я понял, что медведь не пойдет ни на какой компромисс и увести его в клетку не удастся. Оставалось надеяться на помощь собак и ловчей сетки. Но события обернулись по другому.

В этот день Яшка к деревне не пришел, возможно, его хорошенько погоняли собаки и теперь он отсиживался в укромном месте. Ночью я несколько раз выходил из избы и слушал. Ветер давно стих, дождь перестал, и в чистом воздухе были слышны лай собак из соседней деревни, редкие вскрики совы и чистый голос запевшего за выгоном соловья. Однако на душе было тревожно. Медведь, потерявший страх перед человеком, мог забраться и в другую деревню, натворить там беды. Вечером, узнав, что в деревню заявился сам медвежатник, в избу собрались немногочисленные жители, все уже в годах, и высказали достаточно «лестных» заявлений в мой адрес и в адрес медведей вообще. При этом особенно усердствовал хозяин убитой Яшкой овцы, так что мне предстояло отдать ему солидную часть своей зарплаты в порядке компенсации ущерба, и я, естественно, ожидал новых козней медведя, прикидывая скромные возможности бюджета нашей семьи. Под утро, пристроившись у теплой печки на лавке, я было заснул коротким сном, как вдруг хлопнула дверь и звонкий женский голос с тревожной, слезливой интонацией запричитал в передней! Из потока беспрерывно льющихся, как водопад, слов я только и понял, что Яшка учинил страшный разбой! Что-то стало со свиноматкой, с целым «гнездом» поросят, которых уже скоро можно было вести на базар, с ульями на огороде и какой-то овцой! Кое-как обувшись, я вылетел во двор под причитания уже голосившей хозяйки, на ходу заряжая единственным пулевым патроном свою верную сорокопятаку.

В рассветной мгле сырого утра мне врезалась в память — до сих пор вижу как наяву — такая картина: по лугу мелкими неторопливыми прыжками бежал Яшка, вплотную за ним семенила овца, не пытавшаяся, однако, атаковать медведя. За овцой скакала набычившаяся, с раздувающимися от возбуждения ноздрями корова. Пеструю компанию замыкал худой, что-то горланивший старик, воинственно размахивающий над головой вилами. Я понял, что сейчас произойдет что-то очень неприятное. В Яшке можно было не сомневаться — медведь в этом возрасте уже умеет постоять за себя, но в рядах преследователей в любой момент могли произойти существенные изменения, весьма чреватые неприятностями для заповедника и для всей моей работы в целом. Решение пришло мгновенно. Забежав сбоку таким образом, чтобы напротив не оказалось домов, людей, я вскинул ружье и выстрелил Яшке в самое сердце. Медведь удивленно вскинул вверх голову, повел вокруг мутнеющим взглядом и рухнул замертво. Разогнав преследователей, я затащил его труп в сарай, запер дверь на замок и сел на гладкий, отполированный временем гранитный валун, не замечая глубокого холода серого камня. Люди, возбужденные происшедшим событием, еще какое-то время громко обсуждали случившееся, что-то говорили, даже кричали мне, а потом разошлись, с тревогой и сочувствием поглядывая в мою сторону.

Прошло время. Я узнал, что ночью Яшка пытался проникнуть в свинарник — вырыл под ним большую яму и уже разворотил часть прогнивших нижних бревен сарая, когда хозяйка услышала шум, вышла и криками отогнала медведя. Яшка, тем не менее, переждав тревогу, обошел «страшный» дом стороной, забрался на огород и учинил разбой на маленькой пасеке: сорвал несколько крышек с ульев и пытался вытащить рамки с медом. Надо полагать, что пчелы, несмотря на ночь, дали медведю хороший отпор, так что ему ничего другого не оставалось, как убраться с пасеки восвояси. Но к утру зазверевший Яшка забрался в деревенский загон и пытался поймать овцу. Вот тут его и заметили люди. От громкого крика мишка побежал к лесу. Овца из преследуемой сразу обратилась в преследующую, к ней присоединилась корова, затем старик, и финал был острым... Я только подивился упорству, с каким Яшка пытался поживиться чем-нибудь в деревне, пренебрегая опасностью, а может, уверовав в свою безнаказанность. Это было истинно медвежье упрямство, поддерживаемое непоколебимой решимостью отчаявшегося разбойника. Так трагично закончилась наша первая попытка — вернуть в естественные условия медведя, побывавшего в руках человека. И хотя Яшка имел все предпосылки к тому, чтобы жить в лесу самостоятельно, как все медведи, он не смог преодолеть желания легкой добычи пищи, как только у него пропал страх перед человеком, как только ему стало трудно в естественных, диких условиях.

Позже, детально разбираясь в поведении Яшки за весь период его самостоятельной жизни, мне удалось обнаружить, что в урочище Горелый Пень в конце мая пришел медведь, размеры передней лапы которого были чуть больше Яшкиных — этот медведь был старше на год или два. Пришелец долго ходил за Яшкой, присматривался к нему, о чем можно судить по лежкам, оставшимся вблизи Яшкиного участка, а потом атаковал его с явным намерением подраться. Конечно, Яшка бросился спасаться и залег на дерево. Одна из осин, на которой он отсиживался, сохранила на коре множество царапин от когтей — зверь взбирался на дерево много раз. Из этого можно было заключить, что как только Яшка пытался спуститься с дерева, его вновь атаковал пришелец, и медведю ничего другого не оставалось, как опять лезть на свою осину. У медведей в это время начинался период гона, период четкого разграничения занимаемой территории, период борьбы и споров — важный шаг в продолжении своего рода, когда право на приоритет достается сильнейшему. Конкуренции Яшка не выдержал. Он пришел поближе к людям, к деревне Большие Ясновицы, и тут жил несколько дней, пока не решился показаться ее жителям. Встретили Яшку радушно — подбросили ему корочку, и это имело, пожалуй, решающее значение. Медведь проявил наглость, пустился на разбой и был убит — обычный финал почти всех попыток выпуска медведей на волю.

Несмотря на горький осадок от потери Яшки, с которым пришлось жить бок о бок столько времени, я остался доволен проведенным опытом. Много прекрасных дней мне подарили эти необыкновенные звери.

Наша работа с медведями продолжается. Что-то мы уже знаем, но еще многое предстоит узнать, изучить, проверить. Этот удивительный зверь всегда будет оставаться загадкой для ученых, таинственным лесным бродягой для грибников и ягодников, особо желанной добычей охотника-спортсмена. Будем надеяться, что бурый медведь — краса нашего русского леса останется замечательным зверем не только в сказках, легендах, но и наяву, принося радость и пользу людям.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ АВТОРА	3
БЕРЛОГА	5
НОВАЯ МАМА	14
НЕОБЫКНОВЕННЫЙ КОНЦЕРТ	19
НАШЕСТВИЕ	22
ПЕРВЫЕ ПРОГУЛКИ	23
ПЕРВЫЙ ПОХОД	29
ЛЕСНЫМИ ТРОПАМИ	33
«КАТИН МОХ»	43
МУРАВЬИ И ЧЕРНИКА	46
РЕАКЦИЯ СТРАХА	53
И ВСЕ ЖЕ МЕДВЕДЬ — ХИЩНИК	62
ТОША ЕДЕТ В МОСКВУ	67
НА ОВСАХ	69
СВОЙ «КОМПАС»	83
«ЖЕРДОВСКИЙ МОХ»	87
ПОСЛЕДНИЕ ЭКСКУРСИИ	92
БЕРЛОГА — ЭТО ВАЖНО	100
ВЕСЕННИЕ ТРУДНОСТИ	114
КРИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ	118
НАЖИРОВКА	122
КАК МИШКИ ДУМАЮТ	126
ЕЩЕ РАЗ В БЕРЛОГУ	128
ЯШКА УХОДИТ В ЛЕС	131
ВЫСТРЕЛ	135

Валентин Сергеевич Пажетнов

МОИ ДРУЗЬЯ МЕДВЕДИ

Редактор издательства **Т. А. Руденко**
Оформление художника **Б. К. Шаповалова**
Художественный редактор **В. Н. Журавский**
Технический редактор **В. М. Волкова**
Корректор **В. А. Лебедева**
Вычитка **Е. Н. Соколовой**

ИБ № 1607

Сдано в набор 03.07.84. Подписано в печать 28.02.85.
Т-01602. Формат 60×90^{1/16}. Бумага офсетная № 2.
Гарнитура литературная. Печать офсетная. Усл.
печ. л. 9. Усл. кр.-отт. 9,25. Уч.-изд. л. 10,11.
Тираж 50000 экз. Заказ 472. Цена 40 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени
ВО «Агропромиздат», 107807, ГСП, Москва Б-53,
Садовая-Спасская, 18

Типография В/О «Внешторгиздат» Государственного
комитета СССР по делам издательств, полиграфии
и книжной торговли
127576, Москва, Илимская, 7.

Отпечатано в Московской типографии № 6 Союзполиграфпрома
при Государственном комитете СССР по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли, 109088, Москва, Ж-88,
Южнопортовая ул., 24.